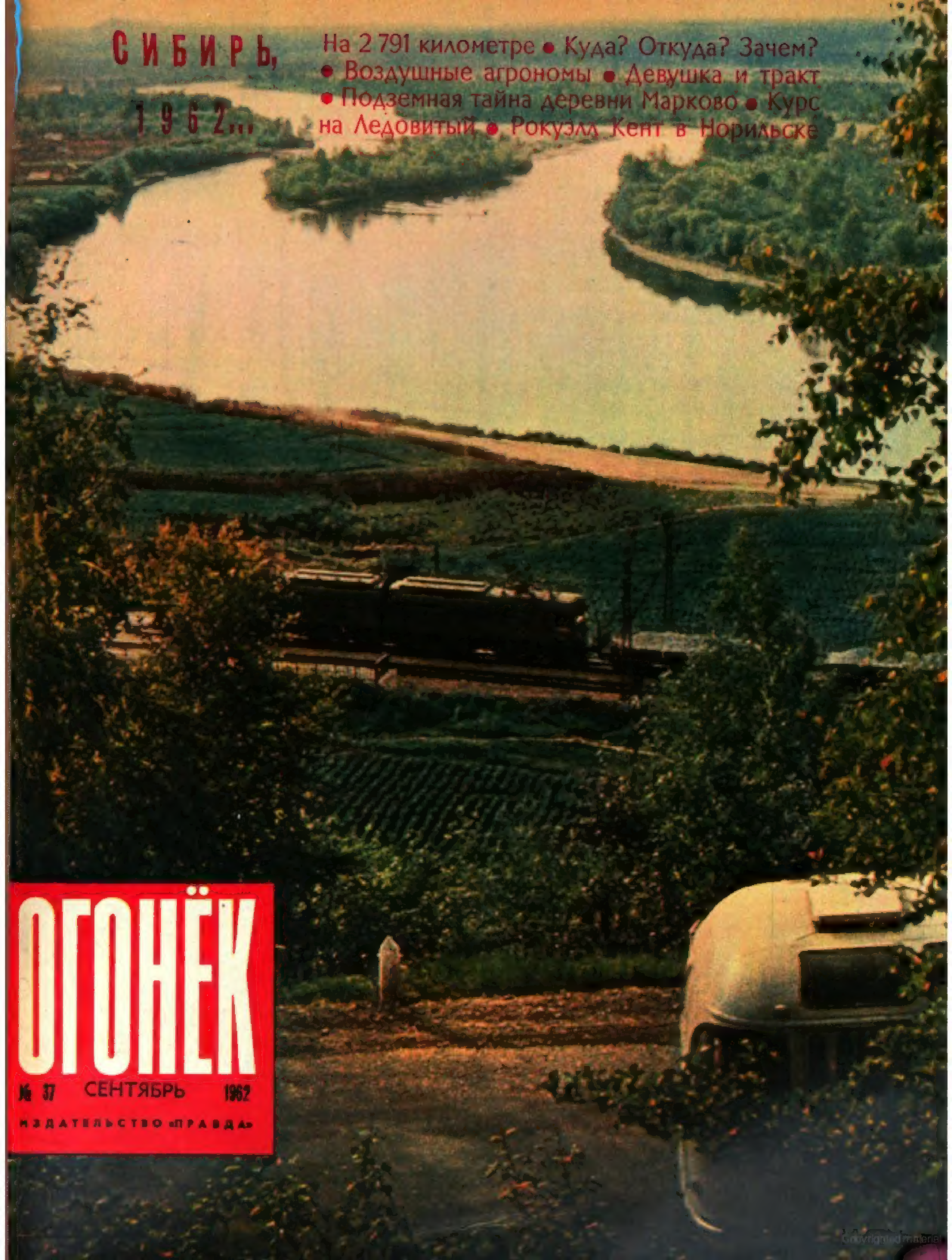

СИБИРЬ,
1962...
На 2 791 километре • Куда? Откуда? Зачем?
• Воздушные агрономы • Девушка и тракт
• Подземная тайна деревни Марково • Курс
на Ледовитый • Рокуэлл Кент в Норильске
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 37 (1838)
9 СЕНТЯБРЯ 1962
40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СТАРТУЮТ К ЗВЕЗДАМ ЧУДО-КОРАБЛИ

Стихи Николая **АГЕЕВА**,

музыка Эрнста **МАНВЕЛЯНА**.

И облака вокруг такие,
Как будто русские снега.
Ты сыновей растишь, Россия,
Готовых вырваться за облака.
Стартуют к звездам
чудо-корабли
С ладони русской
матери-земли.

И всякий раз им вслед
смотрела
Крестьянка-мать из-под руки,
И пыль космическая села
На материнские ее виски.
Стартуют к звездам
чудо-корабли
С ладони русской
матери-земли.

И смотрит мать, прищурив
веки,
И вроде бы не узнает
Родного сына в человеке,
Что завершил космический
полет.
Стартуют к звездам
чудо-корабли
С ладони русской
матери-земли.

Страна сынов своих
встречала,
Раскрыв объятий два крыла,
А мать взяла, поцеловала
И по-земному крепко обняла.
Стартуют к звездам
чудо-корабли
С ладони русской
матери-земли.

Андриян Григорьевич Николаев сфотографировался с участниками художественной самодеятельности школы, в которой он учился.

Фото В. Мяcникова (ТАСС).

САЛАМ САНА, АНДРИЯН!

Андриян Николаев стоит на трибуне, убранной дубовыми ветками. И его сердце, спокойное сердце космонавта, сейчас бьется учащенно. Здесь, в Шоршелах, прошло его детство и юность...

Небольшая сельская площадь до отказа заполнена народом. В толпе Андриян узнает знакомых, здоровается с ними. Ему отвечают по-русски, по-чувашски: салам сана, Андриян!

Сегодня небо хмурится, но оно не в силах омрачить торжество. На трибуну один за другим поднимаются односельчане космонавта.

Первая учительница Андрияна, Клавдия Ивановна Семенова, рассказывает, как она учила его читать и писать.

— Дорогой мой ученик! — говорит она.— Ты вырос, возмужал и пошел на подвиг, как люди ходят на работу. И с честью выполнил ответственное задание.

В честь героических полетов в космос возле села Шоршелы будет разбит новый сад-парк. Первую яблоню в нем сажает Андриян Григорьевич. Космонавт делает это «земное» дело с большим старанием.

Андриян Григорьевич побывал и на промышленных предприятиях Чувашии. На фабрике национальной художественной вышивки Екатерина Арсентьева в приветствии Андрияну Григорьевичу говорила, что, когда он полетел в космос, все чувашские девушки потеряли покой. Они боялись: вдруг такого парня потеряют!

Может ли волжанин, приехав к родной реке, не порыбачить?! В первый свободный вечер Андриян Григорьевич отправился на рыбалку. Андриян, как бывало мальчишкой, сидел у костра и с нетерпением ждал, когда закипит вода в закопченном котелке.

— Если бы такую ушицу в космическом корабле сварить можно было,— улыбается космонавт,— полет бы проходил веселей.

...На родине Андриян отпраздновал день своего рождения. По телефону его поздравил Павел Попович.

А. ГОЛИКОВ

ПРИМИ И МОЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

В этот день, когда ликующая Украина принимает в материнские объятия славного сына Павла Романовича Поповича, мне хочется присоединить и свой голос восхищения его подвигом и сказать:

— Дорогой наш земляк, как родного сына, поздравляю тебя с выдающимся успехом, желаю тебе большого счастья, крепкого здоровья. Прими сердечную благодарность от простой украинской женщины. Мне уже почти 70 лет. Многое довелось натерпеться за долгую жизнь, знаю я цену горького батрацкого хлеба. Только в сказках когда-то слышала о ковре-самолете, на котором летали под небесами, да в проповедях поп учил нас покориться богу, рассказывая, как ангелы летают на белых крыльях.

Но настало другое время, довелось дожить и мне до радостных дней, когда советские люди встречают своих небесных сыновей — покорителей космоса. Смотрю я на наших бесстрашных соколов, и сердце радуется, думаю: какое счастье жить в стране, где сказка стала былью, а мечта — явью! Я всю жизнь тружусь и только в труде нахожу наибольшее удовлетворение. Всегда преклонялась я перед людьми, которые с душой относятся к порученному делу, дорожат честью труженика. Ведь пути к коммунизму проходят также через космос, как и через колхозные поля. А в успехах наших космонавтов заложен кропотливый труд каждого советского человека.

Надежда Григорьевна ЗАГЛАДА,
Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза «Первое мая»,
Черняховского района, Житомирской области.

Тесно в дружеских объятиях земляков. Павла Романовича Поповича приветствуют в Белой Церкви.

Фото Н. Козловского.

Конструкторы Харьковского тракторного завода разработали модель новой, совершенной машины. Первые тракторы-тягачи «Т-125» проходят заводские испы-[illegible]

Фото К. Андреева (ТАСС).

3 сентября в книге отзывов Музея К. Маркса и Ф. Энгельса появилась новая запись. Ее сделал генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез, посетивший музей вместе с членом Политбюро Французской компартии Жаннетой Вермерш. «Да здравствует марксизм-ленинизм,— написал товарищ Торез,— который уже победил на одной трети земного шара и вдохновляет всех трудящихся мира на борьбу за счастье, за мир, за социализм!».

Французские гости, находившиеся в Советском Союзе на отдыхе, 4 сентября выехали на родину.

На снимке: М. Торез и Ж. Вермерш в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса.

Фото В. Павлова.

КУБА УЧИТСЯ, СТРОИТ, БОРЕТСЯ

Первого сентября начался учебный год у школьников, у студентов. Триста молодых кубинцев, прибывших в этот день на советскую землю, тоже могут считать 1 сентября началом своего учебного года. Этот год посланцы Кубы проведут в училищах механизации сельского хозяйства в Краснодарском и Ставропольском краях.

Датой 1 сентября помечен и подписанный в Кремле документ, в котором говорится, что Советский Союз будет помогать Республике Куба строить и расширять металлургические предприятия.

Свободной Кубе пытаются мешать спокойно учиться и строить. Ей угрожают агрессивные империалистические круги. Поэтому Советское правительство откликнулось на просьбу Кубы оказать республике помощь вооружением и соответствующими специалистами.

Этот снимок сделан в Одессе, когда туда прибыли молодые кубинцы.

Фото Я. Павленко (ТАСС).

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ НАРОДА

Кремиковцы. Строительство металлургического комбината.

Фото Д. Кацева.

Бригита ЙОСИФОВА,
болгарская журналистка

Недавно мне довелось беседовать с одним западным писателем.

— Исколесили мы вашу страну вдоль и поперек,— начал он, изображая в воздухе зигзаг рукой.— Прекрасна ваша родина. Побывали мы и на Дунайской равнине, загорали на золотом песке у Черного моря, восторгались долиной роз...

Счастливая, я с волнением спросила:

— А в Батаке, в небольшом селе, где...

— Да, были и там,— сказал он.— И в церкви, где хранятся останки ваших борцов за свободу. Странное, непонятное любование смертью. Мне это не понравилось...

Тогда я поняла, что мой собеседник так и остался чужестранцем. Ничего-то он не видел, ничего он не понял. В узком кругу близких друзей он может рассказывать и о ярком солнце, и о шелковистом бархате золотых песков, и о нежном аромате болгарской розы. Но болгарина, его души он не понял.

Пять веков мой народ томился в ярме турецкого рабства. На протяжении пятисот лет болгарина насильно хотели превратить в турка. Огромные факелы горящих сел освещали балканские ночи. На кольях сельских плетней торчали головы непокорных. Поколения сменялись поколениями, люди рождались, жили и умирали в рабстве.

В то время, когда Европа наслаждалась музыкой Листа, когда Ренуар писал свои вдохновенные полотна, когда в уютном уголке кафе «Рояль» в Лондоне Оскар Уайльд рассыпал пригоршнями жемчуг своих изящных острот,— мой народ криком кричал от боли, и его стенания потрясали небо!

Всю надежду своего исстрадавшегося сердца, всю любовь свою и глубокую веру в освобождение наш народ навсегда связал с Россией. С молоком матери впитывали эту веру и любовь дети. И как бесценное наследство передавалось святое слово «Россия» от мудрых старцев сынам и внукам.

Но народ умел не только терпеть, он и боролся. Наш народ поднимался на борьбу за свободу. Маленькое село Батак стало страшной жертвой жестокого гнева турок-янычар. На бревнах, возле маленькой полуразрушенной церквушки, как скот, резали людей; детские головки разбивали о камни, кинжалами вырезали сердца матерей.

Батак для нас — алтарь. Святая святых... Под древние своды церкви приносят цветы наши пионеры. И мы бережно храним белые кости не потому, что любуемся смертью, а потому, что мы знаем цену смерти и крови.

И еще одного не понял чужестранец. Ведь вместе с останками наших дедов хранятся и кости наших отцов — партизан, борцов за народную свободу и счастье.

Во второй раз, 9 сентября 1944 года, Россия принесла нам свободу. Дважды освободители! Что может быть глубже и крепче этой братской дружбы и привязанности?

9 сентября этого года для нас особенно знаменательно. Детям, родившимся в 1944 году, уже по 18 лет. Ровесники нашей молодой республики...

Совершеннолетие народа... Может быть, потому, что веками нам затыкали рот кулаком, так сильно желание рассказать сейчас о наших победах и наших успехах.

Этой весной побывала я на большой стройке в Кремиковцах. В высоких сапогах шагала по непролазной грязи, красновато-рыжей от железной руды. Молодые рабочие с гордостью и задором рассказывали мне о корпусах завода, шахтах, Дворцах культуры. Всюду грязь чуть не по колено, а эти поэты, энергично жестикулируя, показывали на голое поле и видели будущее.

Но кто бы посмел скептически улыбнуться? Эти люди с золотыми руками и вдохновенными сердцами мечтателей — не они ли построили новый город в степи — Димитровград? Настоящий город с заводами, дворцами и театрами. Они с полным правом могут рапортовать: за 23 дня республика производит промышленной продукции столько, сколько давала капиталистическая Болгария за целый год.

Когда-то мы ввозили даже булавки, а теперь наши заводы выпускают более тысячи видов машин. Передо мной бесконечные столбцы цифр и данных. О производстве цветных металлов, отечественной стали, наших фруктов... За цифрами — горячее дыхание моих друзей из Кремиковцев, Мадана и Рудозема, приветливые улыбки трудолюбивых крестьян из Придунайской долины и пастухов Старой горы.

Нашей радостью и гордостью мы обязаны свободе. Она не дарована нам. Она завоевана нами.

Об этом рассказывают памятники братства и дружбы, памятники, посвященные русским освободителям, памятники нашим борцам.

Шипка, где низко летящие облака, мягко опускаясь, прикрывают своими крыльями памятник нашего братства... Батак с белыми костями наших дедов... Никто другой не может так понять душу болгарина, как советские друзья, наши братья по крови и судьбе.

Сейчас в Болгарию едут люди из разных стран. Едут со всех континентов — отдыхать в наших гостиницах, любоваться красотой наших гор, бирюзой и безбрежными просторами Черного моря. И мы их встречаем сказочным обилием фруктов и вин.

Но только наших русских советских братьев мы встречаем хлебом и солью. Так было и когда приехал к нам в гости Н. С. Хрущев.

Старый обычай. Он напоминает нам заветы наших дедов: мы одного племени и одних кровей. Всегда мы будем идти вместе и делить по-братски кусок хлеба и щепоть соли.

Через окуляры стереотрубы отлично видны малейшие отклонения снаряда от цели. Как же тут не переживать за товарищей?

Здесь чем больше заплат, тем лучше. Идет срочная починка мишеней после стрельб.

Г. МАКАРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Погода такая, что даже всемогущему «газику», на котором мы едем на полигон, приходится туго. Звонко гудя многочисленными шестеренками всех своих дополнительных передач, он скользит и движется боком вроде краба. Кажется, что его четыре колеса расползаются во все стороны в глинистой жиже, бывшей когда-то дорогой.

— Этим летом здесь всю дорогу дождь размыл,— замечает шофер.

Дождь... Снова его тонкие струйки злым бекасинником ударили в широкую серо-зеленую спину. Танк вздрогнул и рванулся вперед. От толчка струи дождя слились в ручейки и потекли с башни и с корпуса.

Прочерчивая на броне зеленые блестящие дорожки, вода уносит с собой грязь и листья деревьев, облепившие танк от гусениц до антенны. Порыв встречного ветра ударил в лоб, выстрел орудия потряс многотонное тело, но ничто не могло сорвать с башенной брони два последних листка. Эти листья дуба — эмблема части.

Кто знает, когда они впервые легли на стальные машины?

Много славных боевых дел вписано в историю части, прошедшей дорогами войны от Волги до зеленых берегов Влтавы. Может быть, в огне одного из боев накрепко прикипели к шероховатой броне эти листья. А может быть, они отпечатались на ней в тот незабываемый майский день 1945 года, когда жители Праги цветами и венками осыпали опаленные машины, совершившие беспримерный

9 СЕНТЯБРЯ—ДЕНЬ

ЛИСТЬ

ПРАЗДНИЧНОЕ ИСКУССТВО

В Советском Союзе гастролируют Музыкально-драматический театр и Ансамбль песни и танца Монгольской Народной Республики. Сколько праздничного света, сказочной красоты в искусстве монгольских артистов!

Старинный танец «Уелзуур»... Узорчатые, фантастических расцветок костюмы; замедленный ритм, плавные движения. Своеобразны мелодии, исполняемые на национальных инструментах. Морин хуур можно увидеть в любом кочевье, в любой юрте.

Возможности морин хуура и других народных инструментов, несмотря на их простоту, очень велики. В исполнении заслуженных артистов Монгольской Народной Республики Г. Жамьяна и Д. Цэрэндолгор проникновенно звучали мелодии Рубинштейна, Моцарта, Чайковского. Большинство артистов монгольского театра окончили Московскую или Ленинградскую консерваторию, балетные училища в Москве, Перми, Ташкенте. Высокий профессионализм, праздничность, душевный взлет отличают их исполнительскую манеру.

О. ФЕДОРОВА

Первые цветы в Москве. Фото Д. Ухтомского.

ПО ПРОСЬБЕ ЛЕНИНА

В небольшой книжке Л. Ф. Волкова-Ланнита «Голос, сохраненный навеки» рассказано, как были записаны речи В. И. Ленина. Ленин считал грамзаписи отличным средством пропаганды. «Владимир Ильич лично обратился к известным общественным деятелям страны с просьбой выступить перед звукозаписывающим аппаратом. Он даже составил список лиц, которых предлагал записать в первую очередь.

...Ф. Э. Дзержинский уклонялся от записи, ссылаясь на недосуг и неумение говорить. Об этом доложили Ленину.

— А вы его вызовите сейчас же к телефону и скажите, что я его арестую, если он не запишется,— полушутя заметил Владимир Ильич.

Когда Дзержинскому передали слова Ильича, Феликс Эдмундович ответил работнику Центропечати:

— Я, товарищи, не оратор, но если мне угрожает арест, то безусловно заеду к вам... Прошу вас заверить в том Владимира Ильича...»

Читаешь эти строки и думаешь: значит, есть пластинки с записями Дзержинского! Значит, можно услышать голос Феликса Эдмундовича. Но таких грампластинок наша промышленность не выпускает.

Как же узнать, был ли записан голос Феликса Эдмундовича?

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС мне ответили: «Записей голоса Феликса Эдмундовича нет». В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов СССР мне тоже сообщают, что нет фонограмм Дзержинского.

Обращаюсь к Л. Ф. Волкову-Ланниту. Леонид Филиппович ни одной такой пластинки не видел.

Архивные поиски пока ни к чему не привели.

Если кто-нибудь из читателей «Огонька» слышал запись или в 1919 году приобрел пластинку с голосом Феликса Эдмундовича, редакция просит сообщить об этом.

Ф. МЕЖЛАУК

Точно!

бросок от Берлина к столице Чехословакии на выручку народа-брата.

Все меньше ветеранов служит в части; новые люди гусеницами новых, совершенных танков распахивают землю танкодрома. С ходу, первым снарядом они в щепы разносят щиты мишени. Лишь одна легендарная «тридцатьчетверка» застыла на высоком постаменте у Дома офицеров. Черный немигающий зрачок ее орудия день и ночь смотрит на запад — вдоль дороги, по которой бежал Наполеон и удирали его незадачливые фашистские последыши.

Н-ский гарнизон.

ТАНКИСТОВ

Я ДУБА

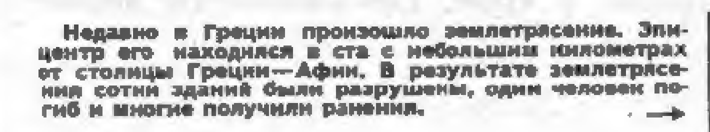

Это происходило в Лондоне, на площади Виктории. Здесь английский фашист Освальд Мосли и его партия решили устроить митинг. Возмущенные лондонцы тоже пришли на площадь, чтобы протестовать против этого сборища. В главарей английских фашистов из толпы летели яйца и камни. Полиция, которая помогала Мосли добраться до микрофона, решила «навести порядок»... →

Недавно в Греции произошло землетрясение. Эпицентр его находился в ста с небольшим километрах от столицы Греции — Афин. В результате землетрясения сотни зданий были разрушены, один человек погиб и многие получили ранения. →

Снимок сделан... в Африке. В Иоганнесбурге (Южно-Африканская Республика) выпал снег, покрывший землю белым покровом толщиной в несколько сантиметров. Редкое для Африки явление природы позабавило и взрослых. ↓

Фото ЮПИ.

Фото М. САВИНА.

Страна несметных сокровищ, страна романтики и героизма—Сибирь! Чтобы пролететь над ней, нужно несколько часов. Чтобы пройти из края в край, нужны многие месяцы. Чтобы понять характер ее жителей, достаточно познакомиться с одним. Чтобы узнать о всех подвигах сибиряков, не хватит человеческой жизни...

Шесть лет назад «Огонек» совершил путешествие по Сибири. Сегодня «Огонек» вернулся из новой поездки по этим землям. Еще более возмужала Сибирь, умножились ее силы. На каждом шагу, в каждом городе и деревне наши корреспонденты будто заново читали строки исторической Программы КПСС. Строки эти уже воплощаются в плотины величайших электростанций, золотые колосья пшеницы, в новые заводы и новые города.

Сегодня мы рассказываем о крае, где семилетка делает свои поистине исполинские шаги.

ЗДРАВСТВУЙ, СИБИРЬ!

КУДА? О

Летят в Сибирь самолеты, мчатся электропоезда по самой длинной в мире магистрали. Наши корреспонденты беседовали в аэропортах и на вокзалах с пассажирами и каждому задавали три вопроса: «Куда? Откуда? Зачем?» Миллионы нитей связывают Сибирь и сибиряков со всей страной, миллионы общих дел и планов.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КСИНТАРИС, заместитель председателя Красноярского совнархоза:

— Возвращаюсь домой после командировки. Забот масса! Непростая была командировка. За последние четыре года в нашем городе построено четыре больших завода, строится знаменитая Красноярская ГЭС. Наш новый целлюлозно-бумажный комбинат каждый месяц дает шесть тысяч тонн бумаги для газет и журналов. Шинами снабжаем всю Сибирь да еще и Казахстан и скоро станем одним из крупнейших в стране поставщиков «крылатого металла» — алюминия. Каждый год заселяем 300 тысяч квадратных метров нового жилья. Вот каким стал Красноярск! Нам очень нужны рабочие руки. Приглашаем молодежь к нам, в хороший сибирский город с большим будущим.

ТАМАРА АНДРЕЕВНА НИКИТЕНКО и ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ОЛДАК, научные сотрудники Института экономики Академии наук СССР:

— Летим в командировку в Новосибирск и Новосибирскую область. Будем собирать материалы для научной работы «Анализ соотношения производства и потребления при коммунизме».

ЧАС ВЕЛИКОГО КРАЯ

Тик-так, тик-так! Летят секунды, бегут минуты, идут часы. Сколько их пронеслось над Сибирью? Не подсчитать. И все они были разные. Кажется, что столетие назад сибирские часы тянулись гораздо медленнее, потому что тяжелые это были часы!..

Теперь сибирский час, наверное, равен прежнему сибирскому году, а может, и десятилетию. С чем можно сравнить сибирский час? Пожалуй, с самой Сибирью, с ее необозримыми просторами, с грандиозностью ее дел, с богатствами ее недр. Даже на самой крупномасштабной карте этот кусок нашей планеты выглядит весьма внушительно. Четыре часовых пояса пересекают его.

Карта Сибири! Маленькие кружочки городов. И каждый, большой или маленький,— стартовая площадка в будущее. И в каждом часы отсчитывают минуты большой и напряженной трудовой жизни.

Новосибирск — взлет науки.

Братск — подвиг гидростроителей.

Красноярск — плацдарм для наступления большой химии.

Мирный — алмазная столица.

Новокузнецк — город чугуна и стали.

Барнаул — сибирский Целиноград.

Еще в XVII веке иностранные дипломаты охотились за картой Сибири. Тайком выкрадывали ее и по ночам перерисовывали затейливые извивы могучих сибирских рек, отмечали кружочками редкие города и многочисленные остроги.

Столетиями позже их коллеги копались в справочниках и выясняли, что скрывается за кружочками на карте. Чем знаменит, например, Барнаул? Оказывалось, что славится он плетеными соломенными шляпками и поставляет в другие города добротные пимы. Из крупных промышленных предприятий самыми важными были один винокуренный и два водочных завода. Их годовой доход составлял 870 тысяч рублей, всей остальной «промышленности» — 450 тысяч.

Теперь история Сибири измеряется часами, а не столетиями, миллионами киловатт-часов электроэнергии, а не соломенными шляпками и парами валенок.

Недавно Алтайский тракторный завод выпустил двухсоттысячный трактор.

Горно-Алтайск раньше был известен тем, что в нем обосновалась миссионерская станция и неподалеку от села был женский монастырь. Теперь здесь открылся общественный научно-исследовательский институт.

Сибирь! Степи Алтая и мохнатая тайга на тысячи километров, красавица Лена и богатырь Енисей, знойное лето и лютые зимние морозы. Ширь неоглядная! Новосибирцы считают красноярцев соседями. «ТУ-104» спрессовал время до немыслимого в прошлом предела. В Иркутской области некоторые районы расположены от Иркутска дальше, чем Ленинград от Москвы, но поездка в эти районы не считается дальней дорогой, ее измеряют не неделями и месяцами, как раньше, а часами и минутами.

Сибирь! Край просторных мыслей и громадных дел. Поэтому так насыщен каждый сибирский час.

Послушайте громовые удары его минут!

СИБИРЬ ЗА ОДИН ЧАС

ПРОИЗВОДИТ

- 600 тонн стали,
- 500 тонн проката,
- 700 тонн железной руды,
- 14 тысяч тонн угля,
- 5 миллионов киловатт-часов электроэнергии,
- 21 тысячу квадратных метров хлопчатобумажной ткани,
- свыше 2 тысяч пар кожаной обуви,
- 132 радиоприемника и радиолы,

ВЫВОЗИТ 6 тысяч кубометров деловой древесины,

ОТПРАВЛЯЕТ по железной дороге 27 тысяч тонн груза,

СТРОИТ 15 благоустроенных квартир.

ТКУДА? ЗАЧЕМ?

МАША ЛАЗЕБНАЯ, старший товаровед Новокузнецкого универмага:

— Две недели в универмагах Москвы я наблюдала, как москвичи обслуживают своих покупателей. Хотим нашу торговлю тканями перестроить по-московски. Надеюсь, новокузнецкие покупатели будут довольны результатами моей командировки.

АЛЛА ТИМОФЕЕВНА УНГВИЦКАЯ, диспетчер автопарка на алмазном руднике Айхал:

— Гостила с сыном Сашей у родных. Возвращаюсь домой — до Мирного самолетом, а потом еще 650 километров на вертолете. Наш поселок молодой — ему всего год. Муж работает бурильщиком на руднике. Пока живем в палатках, но рядом уже строится город со светлыми, удобными квартирами. В Айхале мы живем со дня его основания. Чувствуем там себя прекрасно, но променяю его теперь даже на свой родной Ростов.

ИОСИФ ЕФИМОВИЧ БУХАР, заведующий комплексной опытной станцией Академии наук Молдавской ССР:

— Лечу к единомышленникам — в Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, в котором директором Г. А. Наливайко. В работах института и нашей станции много общего. Мы тоже сидим на земле, наша опытная станция расположена по соседству с колхозом «Вяица-Науз». И вот лечу на Алтай. Там и Наливайко и знаток бобов сибирских — Нина Игнатьевна Чеканова. Там нельзя не побывать. Везу им свои соображения, выводы, рукописи... Обязательно надо кое о чем посоветоваться с единомышленниками...

РАИСА АЛЕКСАНДРОВНА ТРАВИНА:

— С Вовой лечу к нашему папе — он непоседа у нас, буровой мастер. Работал в Альметьевске. А теперь вся его бригада решила ехать в Иркутскую область осваивать новое месторождение нефти. Бросили свою квартиру, будем сибиряками. Жить мы теперь станем в деревне Марково. Это очень далеко. Нужно добираться на поезде, трех самолетах, а потом еще на пароходе. По профессии я статистик. Не знаю, найду ли там подходящую работу...

МАРФА ИВАНОВНА АЛЕЩЕНКО, работница авторемонтного завода, Верхняя Хортица, Запорожской области:

— Из «Огонька» вы? Как же, знаю, в этом журнале писали и про мою дочку Галю и про всех ее товарищей. Помните 1956 год, сибирский номер журнала? Дети только окончили Верхне-Хортицкую среднюю школу и поехали всем классом на целину. Немало слез пролили мы, матери, в то лето... Шесть лет прошло, и я уже во второй раз еду погостить к дочери. Теперь Галя моя в Барнауле инструктор крайкома комсомола. А в Барнауле Обь такая, что краше нашего Днепра, ей-богу! Да и детки возмужали. Никогда бы не поверила прежде, что поеду в Сибирь отпуск проводить!.. Уж как я не страшилась этой Сибири! Бывало пока письмо дочкино дочитаешь, так весь листочек намокнет, уж и слов не разобрать... Теперь-то я счастливая. Я не только про мою Галю думаю, Сибирь всех в люди выводит.

С некоторыми из этих пассажиров нашим корреспондентам вновь довелось встретиться, но уже на новых местах: в Барнауле, в нефтяной столице Восточной Сибири — деревне Марково, на полях Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Об этих встречах рассказано в нашем номере.

Беседа за чаем. В центре — Павел Демидович Коблик.

Будущие сельские строители из Калачинского училища механизации.

В Калачинске юных туристов всегда провожает в поход председатель горсовета Борис Петрович Скареднов (второй справа).

Стремительно размахнулась с запада на восток великая транссибирская магистраль. Гроздьями нанизаны на этой гигантской ветке большие и малые города, деревни и села, станции и разъезды. И неустанно, денно и нощно, питает их крепкими соками жизни дорога.

Выйдем-ка вот здесь, на 2 791-м километре от Москвы, хотя перед поездкой мы и не заметили этот 2 791-й на обычной карте Советского Союза: безымянный, как тысячи других, он просто окрашен в ровный зеленый цвет сибирской лесостепи. Но то на карте! А не земле на том километре стоит маленькая станция Калачинская, за нею — дома, жилки улиц, золотые лепестки огней — городок Калачинск.

Ну, а если уж решили, то быстрее на платформу: нашему поезду некогда ждать! Время торопит. Проносятся мимо маленькой станции поезда. Молнией летят международные, курьерские, скорые. Сотрясая землю, громыхают диковинной восьмисотметровой длины грузовые составы — чего только не везут они с запада на восток и с востока на запад! Уголь и автомобили, нефть и щебенку, комбайны и автоклавы, трубы и моторы, бумагу и цемент, тес и сборные дома, контейнеры с продуктами и тканями...

Мимо, мимо, мимо!.. Лишь на мгновенья задержится у станции пассажирский да у грузовых платформ ненадолго остановится товарный. Может быть, нетерпеливая и недоступная, так и летит мимо Калачинска большая жизнь? Давайте посмотрим...

Над маленьким, старинной постройки зелено-белым домиком станции, ветвистый тополь раскрыл свой широкий зонт. За путями лепечет на ветру березняк, за березняком без конца и края лежит зеленая, приветливая Сибирь.

Здравствуй, Сибирь, здравствуй!

Желтым флагом, знаком открытых дорог, встречает нас молодая женщина в красной фуражке, дежурный по станции Калачинской Валентина Николаевна Бабенко.

— Здравствуйте, сибирячка!

— Сибирячкой-то, по правде говоря, я стала недавно. Моя родина — Кавказ, там и получила свою железнодорожную специальность, а работать приехала сюда. Кавказ и Сибирь — полюсы! Там зимой тепло, а здесь — ох, и стужа! Там горы, а здесь вокруг все гладко, как стол. А мне тут хорошо: такая уж она и есть, Сибирь,— узнаешь ее поближе, непременно полюбишь! Я и замуж вышла здесь за сибиряка, осела в Калачинске накрепко!

...И вот уже слышится над перроном ее усиленный микрофоном и все-таки мягкий голос: «Товарищи пассажиры, поезд № 91 подходит ко второму пути...»

Когда поезда идут один за другим, дежурному не до разговоров.

А у Павла Демидовича Коблика, хранителя багажного отделения, сейчас есть время. Он запер багажную камеру на увесистый замок и идет с нами в привокзальный ресторан. Будем пить горячий крепкий «чай парами» и разговаривать. Павел Демидович начал с самого начала:

Вечерняя проверка путей.

Н. ХРАБРОВА

На 27

Фото А. УЗЛЯНА

91-м километре...

— Надо вам сказать, первые семь лет своей жизни я прожил на Украине. Украина-то богатая, да мы были бедные. Золотая земля там, но и цена у нее была золотая — не для крестьян. Прослышали мужики о переселении в Сибирь. Соберутся и ну рассказывать о Сибири: «Места, мол, каторжные, холод лютый — галки на лету мерзнут, зато земли — сколько хочешь, бери немерянную». Батько мой намаялся от безземелья и надумал-таки: «Що це таке — галки мерзнуть? Хиба ж я галка, а диты мои — галчата? Едемо до Сибири». И поехали — пароходом, по железной дороге...

Добрались до Тюмени, а в Тюмени железной дороге конец. Поехали конно и доехали до Калачиков. Это так наш Калачинск раньше назывался, потому что река Омь тут петлю делает, калачиком сворачивается. На берегу — маленькая деревушка в одну широкую улицу. Помню, спросил отца: кто там живет? А он: то царю неугодные люди. Ссыльные, значит. Выкопал отец землянку возле деревушки, стали жить. Вокруг — пустая степь, никем никогда не паханная. И вдруг все зашумело: стали в степи насыпать железнодорожную насыпь. Два года трудились, и в 1896 году пошел первый поезд. Первый-то поезд, знаете, как шел? Мы, мальчишки, долго по степи гнаться за ним могли — скорости ему не хватало уйти от нас. А теперь рванул — и нет его: вот что значит электровоз! Я пятнадцатого мая 1902 года как пришел ремонтным рабочим на нашу дорогу, так отсюда никуда и не уходил, нынче весной мое трудовое шестидесятилетие отмечали. Ну, а возраст мой — семьдесят восемь лет, по закону мне давно бы пора на пенсии быть. Но есть два препятствия. Первое — это мое крепкое здоровье. Куда же я его буду вкладывать, как не в работу? И второе — боюсь уйти с дороги. Был у нас тут один здоровый старик, вышел на пенсию и ударился без работы в тоску. Все ходил на Омь, с высокого берега целыми днями глядел на поезда. А я хочу на нашу дорогу сблизи глядеть: видел я, как ее строили, и как расширяли, и как электрифицировали, и как деревушка Калачики стала городом, и как вместо одного поезда в сутки стали ходить десятки пар поездов; теперь хочу видеть, что еще на моем веку произойдет с нашей дорогой... А на Украину я с женой ездил после войны в гости. Недолго побыли: домой захотелось. Дом-то наш — Сибирь... А теперь пора мне — сейчас к нам товарный придет...

Пришел товарный. Что-то он привез сегодня в Калачинск? Идем на контейнерную площадку. Там стоят грузовые автомашины и серая в яблоках лошадь, запряженная в щегольскую бричку. Мы видели, как рысью влетел на станцию на этой лошади экспедитор совхоза «Алексеевский» Никанор Пантелеевич Сальников, старый приятель и клиент калачинских железнодорожников: за долгие годы работы в совхозе Никанор Пантелеевич перевозил с этой площадки в совхоз немало всяких грузов. Сегодня он особенно весел и разговорчив, похлопывает по зелено-желтому боку нарядную универсальную косилку для зерновых.

— Прямо из Германии прибыла в наш сибирский совхоз! А нам и кстати — чуем, урожай нынче будет богатый.

А вот бобовые жатки и дисковые бороны из Новосибирска, с «Сибсельмаша» — для соседних совхозов. Еще — партия стройматериалов, сборные дома.

— А это что за контейнер?

— Товары для универмага. Универмаг у нас новехонький, товары получает из Москвы и Ленинграда, из Чехословакии и Польши.

— А из Калачинска-то вывозите что-нибудь?

— Вывозим. Только вам про это лучше всего Борис Петрович Скареднов расскажет...

— Борис Петрович, вот вы где, а мы вас по всему городу ищем! — И на Бориса Петровича налетела орава ребят в походных шароварах, ковбойках, с рюкзаками на плечах.

— А-а, ребята, готовы? — весело спрашивает Борис Петрович.— Значит, темпом туристским, в край наш сибирский? Ну-ка, садитесь!

И на садовой скамейке разостлана единственная в своем роде карта отрезка извилистого берега Оми, карта туристского похода. Уходят в поход десятиклассники, и провожает их наш новый знакомый, председатель туристской секции Борис Петрович Скареднов. После похода ребята поедут в Омск на слет туристов и, по всей вероятности, получат значки «Турист СССР». А Борису Петровичу остался всего один шаг — то есть один поход — до мастера спорта по туризму.

— Только я в поход не пойду,— говорит Борис Петрович,— пока клуб не будет готов. Мы ведь свой клуб строим, иначе нам нельзя...

— Борис Петрович, а мы назавтра вас ждали, вот жалость-то; сейчас ребята все в кино.— И Бориса Петровича обступили вожатые пионерского лагеря «Здоровье».

Лагерь далеко за городом. Сразу за окнами новеньких домов начинается простор, уходящий далеко в синеву. Тихие сказы березового леса, земляничный запах лугов, петляющая в крутых берегах Омь, косогоры под низкими облаками — вся глубинная красота Сибири открыта тем, кто живет в пионерском лагере «Здоровье». Здоровье — это, конечно, очень важно для маленького человека. Но кто-то, выбирая место для лагеря, чувствовал еще и другое — красоту Родины.

— Правда, как удивительно хорошо выбрано место? — спрашивают нас вожатые.— Ведь это Борис Петрович выбирал, он ведь председатель районного совета пионеров...

— У нас тут, знаете, какая непролазная грязь была по осени да по весне? Еще четыре года назад калачинский житель не мыслил своего существования без резиновых сапог! А потом мы сами все переделали в городе: вышли всем миром, всеми улицами и посадили 300 тысяч деревьев. А жителей у нас 25 тысяч, вот и стал каждый калачинец как бы обладателем садика в 12 деревьев. Город от заводской зоны ограждаем защитной зеленой полосой, она уже вытянулась на два километра, а шириной в 75 метров. Вчера, между прочим, на заседании горсовета решили переименовать Степную улицу в Заводскую: она через зеленое кольцо ведет к заводам.

Это все рассказывает нам Борис Петрович. Он же и подписывал решение о переименовании улицы, потому что Б. П. Скареднов — председатель Калачинского городского Совета. Да-да, председатель городского Совета. Ведь председательство в туристской секции и в совете пионеров — это, как говорится, «для души», дань бывшей профессии педагога. А повседневный трудовой долг — это хозяйство Калачинска, его рост, благоустройство.

— Калачинск-то наш, знаете, как растет, украшается! Берегись, Омск, догоним! — шутит Борис Петрович.

...Да, а что же все-таки вывозит Калачинск? А вывозит он сухое молоко, творог, мороженое — продукция местного хорошо оснащенного молокозавода. И красивые жаккардные ковры своего промкомбината. И консервы с мясокомбината. И строительные детали с завода железобетонных конструкций. И тысячи тонн зерна с окрестных распаханных степей перекачивает калачинский элеватор в разные города страны. А если и приглашает городок к себе хороших специалистов издалека, как пригласил выпускника Горьковского инженерно-строительного института Валерия Дрожжилова, который работает теперь тут главным инженером СУ-8 треста «Омскцелинстроя», то и сам не остается в долгу, а рассылает по соседним районам своих выпускников училища механизации сельского хозяйства.

И вовсе не чувствует маленький сибирский городок своей отдаленности от Москвы, от ее культурной жизни. Часто наезжают на 2 791-й километр московские певцы, музыканты. Последний свой вечер в Калачинске провели мы в Доме культуры, где пела московская певица Гелена Великанова.

...А поезда все летят и летят.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

На улицах Дудинки появились афиши: «Выставка репродукций с картин американского художника Рокуэлла Кента. Цветные репродукции — дар художника коллекционеру гор. Норильска И. В. Рехлову».

Кто же такой Рехлов, и почему художник из далекой Америки прислал ему в дар не только репродукции своих произведений, но и несколько оригиналов? Дробильщик норильского никелевого завода Иван Варламович Рехлов — страстный коллекционер. Уже 25 лет он собирает цветные репродукции полотен великих мастеров. В его коллекции насчитывается сейчас уже 80 тысяч репродукций. Иван Варламович связан не только с художниками, музеями и издательствами Советского Союза, но и зарубежных стран. Узнав, что простой сибирский рабочий так увлечен изобразительным искусством, крупнейшие политические деятели мира прислали ему в дар репродукции произведений художников своих стран. Письма и посылки Рехлов получил от Джавахарлала Неру, Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Хо Ши Мина, Яноша Кадара, Долорес Ибаррури, Дж. Гронки, Адольфа Шерфа. Прислала Рехлову репродукции картин бельгийских художников королева Елизавета.

Рехлов непрерывно следит за всеми новинками, ведет постоянную переписку с 25-ю странами мира.

Коллекция Рехлова не лежит мертвым грузом. Систематически организуются выставки репродукций произведений того или иного художника не только в городах Советского Союза, но даже за границей. В Бухаресте и Плоешти была проведена выставка произведений, посвященных В. И. Ленину. Сейчас эта выставка направляется в Прагу. К Октябрьским торжествам Рехлов посылает 160 репродукций на тему «Люди, строящие коммунизм» в Лейпциг.

Сейчас коллекция Ивана Варламовича настолько богата и разнообразна, что позволяет организовывать выставки на любую тему, по разным эпохам и художественным направлениям. А заявок на такие выставки коллекционер получает очень много.

О. ОЛЕГОВ

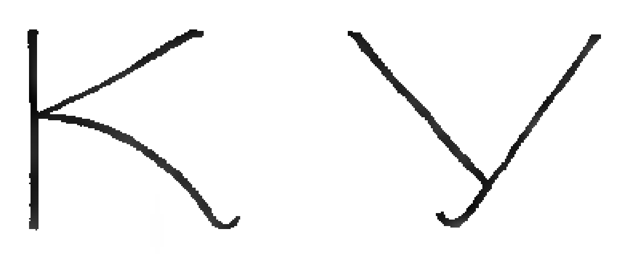
П. Мухин. НА НОВЫЕ ЗЕМЛИ 1957.

А. Либеров. ПЕРЕД ШТУРМОМ ЦЕЛИНЫ

Р. Черепанов. ОМСКИЙ ЭЛЕВАТОР. 1962

К. Щекотов. ОГНИ ИРТЫШСКОЙ ГЭС (фрагмент). 1954

О. КНОРРИНГ
Фото автора.

КУРС — НА ЛЕДОВИТЫЙ

Когда мой старый приятель журналист узнал, что я отправляюсь в туристский рейс Красноярск — Дудинка и собираюсь писать репортаж о Енисее, он заставил меня поклясться, что я не буду писать о том, что Енисей — великая сибирская река, что Енисей — «голубая дорога», что краснояры сердцем яры, что думал о Енисее А. П. Чехов, что красавица Ангара бросилась в объятия Енисея, а старик Байкал швырнул в нее камнем... Список запрещенных тем и образов был очень длинным и кончался словами: «Не пиши, что начальник пароходства Иван Михайлович Назаров — «хозяин Енисея». Это пишут все, а ему от этого только неприятности. Понятно?» «Но о чем же тогда писать?» — спросил я в недоумении. «Ну, как тебе сказать... ну, что Енисей очень большая сибирская река, путь на север, ну и вообще...»

* * *

В ожидании, когда придет теплоход «Валерий Чкалов», я поселился на дебаркадере Красноярского речного вокзала. Теплая ночь. Спать не хочется. В каюте душно. Не спасает даже открытое прямо на реку окно. В ожидании посадки на груде чемоданов сидят «вербованные». Они едут в Игарку работать на лесокомбинате. Съехались они сюда со всех концов Союза и сейчас, перед последним этапом пути, слегка волнуются. Какое оно, это Заполярье? Пока ехали по железной дороге, все было хорошо, знакомо, привычно. А как там?

...На сложенных в кучу рюкзаках, к которым привязаны две лайки, лежит молодой паренек. Судя по внешности, должен быть или геологом, или охотоведом. Разговорились. Оказался студентом МГУ. Виктор Комендантов. Решил провести каникулы на Енисее. Едет с экспедицией по изучению энцефалитного клеща. А лаек везет своему енисейскому знакомому.

Третий гудок. Трапы убраны, и теплоход, бесшумно отделившись от пристани, медленно разворачивается по течению. С высоты нового моста через Енисей какие-то женщины машут нам платочками.

Впереди путь в две тысячи километров. Проплываем мимо грузового порта. Все причалы заняты судами.

Уже растаял в дымке речной вокзал и ленточка моста, исчез из виду город, а справа по борту все еще тянется и тянется бесконечная линия красноярских заводов...

Рейс туристский, но туристов немного. Большинство — сибиряки, несколько человек с Урала, три девушки — инженеры с ленинградского завода «Красный треугольник» и один юрист из Ташкента. «Основной турист» — это восьмой класс «Б» Дивногорской средней школы. Ребята весь год собирали деньги на поездку. Часть средств отпустил гороно, а остальное ученики заработали сами. Сначала собирали металлолом и утильсырье. Подсчитали доходы — не получается. Тогда стали работать на стройках города и на заработанные деньги купили себе туристские путевки. Поэтому они очень важные и гордые: ведь едут не на папины и мамины, а на свои собственные, своим трудом заработанные деньги.

Три ленинградских подружки — Ира, Тома и Света — на поверку оказались вовсе не инженерами, а учителями вечерней школы. Инженерами они назвались для солидности, но не выдержали и проболтались уже на другой день. Их все радует, и они всем довольны. По вечерам собирают в каюте любителей поэзии и по кругу читают стихи.

Судно замедляет ход и дает протяжный гудок. С берега в направлении теплохода летят ракеты. Проплываем село Атамановское, около которого расположен «Сибирский Артек» — крупнейший пионерский лагерь, целый город, стилизованный под русскую старину. Здесь проводят лето ребята из Норильска, северных районов края; для них тут юг. По традиции, пионеры встречают на берегу теплоход, который привез их сюда,— бьют в барабаны, трубят в горны, пускают ракеты.

По левому берегу на несколько километров растянулись самые крупные в крае заводы Маклаковского лесокомбината, перерабатывающего лес с Ангары. Пиломатериалы сплавляют в Игарку, а оттуда они морским путем идут почти во все страны мира. В ближайшие годы план добычи леса резко увеличится, поэтому комбинат непрерывно расширяется.

Ночью становимся на якорь около крошечной таежной деревушки. Несколько домишек, на берегу — лодки. Тайга начинается прямо от домов. Предвкушаю встречу с бородатыми «зимогорами», таежными охотниками. Но едва шлюпка ткнулась носом о берег, как к нам подбежала очаровательная девушка в узеньких, коротких брючках, с прической «конский хвостик», студентка Люсенька, приехавшая к родителям на каникулы. Вот тебе и «зимогоры»!

...Снова в путь. Позади остались знаменитые Казачинский и Осиновский пороги. Поднимаюсь на капитанский мостик. Святая святых корабля — штурманская рубка. Капитан «В. Чкалова» Иннокентий Васильевич Копеев еще совсем молод. Ему всего двадцать восемь. Но он уже опытный речник. На этом судне плавает девятый год. Раньше был штурманом, а капитанах ходит недавно. Милый человек, небольшого роста, он очень застенчив и непрерывно извиняется.

— Извините меня, пожалуйста, но я должен идти швартоваться... Извините, но сейчас будем проходить опасное место, и я должен сам повести судно.

Однако все это отнюдь не мешает ему поддерживать твердую дисциплину на судне.

Ведут судно по створам. Бакенов на Енисее сравнительно мало, только на порогах и перекатах. Я предполагал пожить несколько дней у бакенщика, но оказалось, что такой профессии на Енисее уже нет. Вместо одиночек-бакенщиков созданы бригады, обслуживающие участки пути. В их распоряжении катер и моторные лодки. Каждый участок — это несколько десятков километров.

На палубу, потягиваясь, выходит начальник спасательного судоподъемного отряда капитан-наставник Николай Григорьевич Копцов, или, как его называют, «водолазный бог». Ширина его плеч равна его росту. Матерый сибиряк, всю жизнь проживший на Енисее, крупнейший специалист по подъему затонувших судов. Сейчас он едет с группой водолазов снимать севший на камни лихтер. О себе говорит неохотно. «Вот ребята у меня — орлы!.. Это да!..»

Вечером на корме — танцы. Танцуют все от мала до велика. Кавалеров, как всегда, не хватает. У радиста всего один ролик с музыкой, который крутят по десять раз в день. Радио — это бич. Репродукторы расставлены по всему судну, и, хочешь не хочешь, радио глушит тебя, где бы ты ни находился.

В разгар танцев появляется с гитарой в руках «водолазный бог». Устраивается в качалке и поет мрачным басом: «Ку-у-у-чу... ум, пре-е-зренный царь Сибири!..» Молодежь перестает танцевать и с удивлением слушает Копцова.

Теоретически о досуге туристов должен заботиться массовик комсомолец Валера. Но в этом качестве он едет в первый раз и о своих обязанностях имеет самое смутное представление. Он целыми днями носится по теплоходу, читает стихи, спорит с пассажирами или пропадает неизвестно где. Правда, изредка рассказывает по радио о местах, по которым мы проплываем, и тогда я вспоминаю наказы своего приятеля-журналиста: «Енисей — это великая сибирская река, так сказать, дорога в Арктику. Недавно мы проплыли устье Ангары. Существует легенда...» А через минуту по радио уже транслируется музыка. Познания Валеры о Енисее кончились

...Ночь. Но солнце, не успев сесть, вновь появляется на горизонте. Теплоход замедляет ход и потом останавливается совсем. В чем дело? Выходим на палубу.

— Товарищи туристы и пассажиры! — несется из репродуктора.— Наш теплоход подошел к Полярному кругу, но дальше идти не может. Не пускает северный белый медведь. Просьба всем пройти на корму, чтобы он мог лично с вами познакомиться и решить, стоит ли пускать вас в Заполярье.

А на корме белый медведь (его изображает пассажир с белой бумажной маской на голове) уже строго допрашивает капитана: куда он плывет и хороший ли народ едет на судне? Капитан заверяет, что народ едет очень хороший. И тогда медведь, сменив гнев на милость, торжественно вручает капитану огромный металлический ключ от Арктики. Теплоход двинулся дальше, а пассажиры — в ресторан, отметить это событие. Но не успели еще откупорить бутылки, как сообщили, что навстречу идет «Александр Матросов» — такой же теплоход, как и наш, на борту которого едут физики из Академии наук. Они проводят на судне симпозиум по вопросам магнетизма. Капитан «Матросова» попросил нашего капитана подойти к ним. И вот два трехпалубных енисейских лайнера стоят борт о борт на якорях посреди реки. Из кают выходят сонные «академи-

Красноярский речной порт.

Вот она, вечная мерзлота.

Мы из восьмого «В».

ки». Мы открываем по ним «стрельбу» пробками из бутылок с шампанским. «Академики» «отстреливаются» киноаппаратами. Выясняется причина остановки. На «Матросове» обнаружили «зайца» — десятилетнего мальчишку с лукавыми глазенками. Он забрался на теплоход в Игарке, чтобы поехать в Москву. Путешественника изловили и пересадили к нам, чтобы мы доставили его обратно к матери. Мальчишке все это очень нравится: подумать только, сколько шума из-за его персоны! Инцидент исчерпан, и теплоходы, отсалютовав друг другу гудками, отправились в путь — один на юг, другой на север.

...Вот и конец нашего пути — Дудинка, столица Таймыра, перевалочный пункт на Норильск.

Утром едем в Норильск — 112 километров по самой северной в нашей стране железной дороге.

Тайгу сменила лесотундра. Кое-где виднеются сугробы снега — здесь еще весна. Масса ярко-оранжевых цветов. Внезапная остановка в чистом поле. Оказывается, поездная бригада вчера, когда ехала в Дудинку, набрала букет цветов и положила его в ручей, чтобы не завял. А сегодня, на обратном пути, остановились забрать цветы и отвезти домой в Норильск.

Норильск! Я много читал и слышал о нем, но увиденное превзошло все ожидания. Это новый город с многоэтажными зданиями, асфальтированными улицами, театрами, стадионами и водным бассейном, которым может позавидовать и Москва. И только высокие деревянные щиты-заборы вдоль дорог, хитроумные приспособления здешних жителей для защиты от снежных заносов, отличают Норильск от обычных городов средней полосы нашей страны. Но сегодня температура плюс тридцать, и поэтому трудно представить себе город зимой.

Воздвигнуть такую махину в условиях вечной мерзлоты — действительно высокий класс строительного искусства. Все здания построены на бетонных сваях; этот метод родился здесь.

Инженер Валерий Никифорович Кривой показывает нам новые дома-«стиляги». Крупнопанельные здания из блоков, окрашенные в самые разные яркие цвета. На севере, где зимой мало красок, такие дома особенно радуют глаз.

По дороге на вокзал проезжаем мимо пруда. И хотя на окрестных сопках все еще лежит снег, пляж полон купающихся. А в это время радио сообщает, что в Москве холодно и идет дождь...

Но, кажется, настала пора проститься с комфортабельным транспортом: из окна вагона, с борта теплохода Сибири не увидишь. Я продолжаю путь «на перекладных». На маленьком катере «Академик» вместе с геологами плыву обратно, вверх по Енисею. Плывем, как говорится, со всеми остановками. Причаливаем к берегу на ночлег, ловим на обед щук, воюем с комарами.

...Таких патриотов своего города, как в Игарке, можно встретить разве только в Одессе. Каждый, с кем мне приходилось беседовать, на все лады расхваливал свой «город дерева». Действительно, здесь все деревянное, начиная от лестницы у пристани и кончая настилом в пионерском лагере. Дома деревянные, мостовые деревянные, даже площадки для волейбола тоже сделаны из досок.

Город состоит почти целиком из двухэтажных домов. Между старой и новой его частями огромная биржа лесокомбината. Это своеобразный городок с сетью улиц и переулков, образованных штабелями досок. Десятки лесовозов, бегающих на нелепо высоких ногах, напоминают гигантских [redacted]

Рано утром в гостинице меня будит голос представителя «Экспортлеса», кричащего в телефон:

— Вы мне Бельгию гоните, Бельгию! Лондон подождет. Что? Немцы? Немцы на подходе?

В Игарку корабли приходят за лесом из всех стран мира. Пока иностранцев еще нет, но их ждут со дня на день. И тогда тихий городок превратится в шумный международный порт. А сейчас на рейде — шесть крупных советских лесовозов. Они пришли сюда на 10 дней раньше обычного. Полярная навигация коротка, и каждый день имеет огромное значение. Путь во льдах им прокладывали четыре мощных ледокола во главе с атомоходом «Ленин».

Игарка находится в зоне вечной мерзлоты. Достаточно немного копнуть землю — и уже лед. Для изучения структуры и особенностей почвы здесь организована научно-исследовательская станция Института мерзлотоведения. Ни одна стройка в Заполярье не обходится без консультации специалистов-мерзлотни[redacted]

Надеваем шубы и вместе с научным сотрудником Владимиром Ивановичем Орловым спускаемся в подземную лабораторию. Это шахта глубиной метров двадцать, от которой отходят подземные коридоры с изолированными камерами — здесь проводят опыты. На улице температура плюс двадцать восемь, тут — минус двенадцать. Очень любопытно выглядит срез почвы вечной мерзлоты. Он напоминает слоеный пирог — слой земли, слой льда.

На лесном рейде встретил старых знакомых — завербованных. Уже приступили к работе.

— Ну как Сибирь?

— Порядок!

...Туруханск — это город экспедиций. Помимо постоянно базирующейся здесь комплексной геологической Курейской, тут встретишь всевозможные экспедиции из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Красноярска. Геолог, пожалуй, самая популярная фигура в Сибири, и это не случайно. Чего только нет в ее «кладовых»: нефть, газ, уголь, железо, цветные металлы, лес и при этом огромные запасы гидроэнергии.

Хотя совсем светло, но по времени сейчас вечер. Впрочем, у меня в голове все перепуталось, когда день, когда ночь — понять нельзя. Смотришь на часы — девять, а чего девять: вечера или утра?

На клубной танцплощадке играет духовой оркестр, и танцует одинокая пара. Пока больше никого нет, видимо, еще рано. Со стадиона доносится трель милицейского свистка. Идет волейбольный матч. Судит милиционер при полной форме и со своим [redacted]

Город полон собак. Это туруханские лайки — здешний зимний транспорт. Зимой на них ездят, а летом они слоняются без дела.

Летом город оживлен. Ежедневно приходят пассажирские суда, на пристани масса народу. Но когда осенью вверх по Енисею уходят последние суда и наступает долгая полярная ночь, жизнь в Туруханске почти замирает. Однако местные жители не в обиде. Охота на боровую дичь и на зверя, великолепная рыбная ловля не дают скучать и зимой.

...Я уже путешествовал на большом воздушном корабле, теплоходе, поезде, катере. Теперь — гидросамолет. Как тяжелая птица, он долго бежит по воде и, с трудом оторвавшись, набирает высоту. Лечу с геологами на озеро Пацкино. Это километров 200 на северо-восток от Туруханска. Геологи, в шляпах с сеткой, в защитного цвета спецовках и высоких резиновых сапогах с отворотами, похожи на мушкетеров. Старший по возрасту гладко выбрит, молодые запустили пижонские бороды.

Озеро довольно большое, берега заболочены. Еще в воздухе приготовили резиновую надувную лодку. Когда гидросамолет подруливал к берегу, стая метровых щук, гревшихся на отмели, бросилась врассыпную. Лодка к берегу подойти не смогла, и беднягам геологам пришлось таскать по болоту все снаряжение на себе.

На озеро Диокит я отправился уже на другой машине. Кабина до отказа набита пустыми бочками. Мы должны взять у рыбаков несколько центнеров рыбы. Летим. Внизу такая масса озер, что просто диву даешься, как летчик может в этом лабиринте найти нужную ему точку «приводнения». Наконец вдали забелели чумы рыбаков-эвенков. На берегу нас встречает все население поселка: шесть мужчин, несколько женщин и множество ребят. Пока грузят бочки с рыбой, я хожу и фотографирую летние чумы, коптильни для рыбы и нарты, на которых эвенки ездят по тундре даже летом. Хотел снять ребятишек, но они дали стрекача.

Перед тем, как мы попрощались, рыбаки потребовали, чтобы я сфотографировал их всех вместе. Все население плюс заеденные комарами собаки чинно уселись и, сосредоточенно глядя в аппарат, приготовились сниматься...

Какие богатства на севере Сибири! Сколько рыбы в этих бесчисленных реках и озерах, и какая рыба! Осетр, нельма, сиг, чир, таймень, хариус, ленок. Но ловить ее некому, да и транспортировка самолетом обходится в копеечку. Как решить эту проблему, всерьез никто не думает. А пока что в ресторане Красноярского речного вокзала, на реке Енисей, меня кормили мороженой камбалой, привезенной... с Тихого океана.

...В Заполярье стоит жара. Вечная мерзлота кое-где оттаяла. Просидев двое суток в ожидании самолета в Туруханском аэропорту, я за четыре часа был в Красноярске. Пересадка на «ИЛ-18». Набираем высоту, и перед глазами в последний раз предстает во всей своей красе Енисей — «великая сибирская река, голубая дорога в Арктику».

Беленький «Омик», так ласково называют курсирующие здесь маленькие озерно-морские теплоходы, подходит к местам, где сооружается Красноярская ГЭС. Альбина Русанова, девушка в ярко-красной вельветовой кофточке, облокотясь на поручни, пристально всматривается в даль. За выдвинувшейся поперек реки каменной грядой показались переплеты кранов. Последнее усилие, и теплоход, преодолев сильное течение, проходит через проран — узкую полоску воды, пока еще не перекрытую плотиной.

Альбине нужно было сойти в Дивногорске, но ей не терпится хоть одним глазом посмотреть, какая она, эта стройка Красноярской ГЭС, на которой предстоит работать.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

О. БОРИСОВ

Строительство не кажется гигантским. И не удивительно. Люди, понимающие толк в таких делах, говорят, что это даже очень хорошо: станция будет компактной и займет сравнительно небольшую территорию. А сейчас, когда работы ведутся еще в котловане, на так называемой нулевой отметке, стройка, как здесь говорят, и «вида не имеет». Вот когда начнется сооружение самой плотины, а она будет высотой сто метров, тогда будет картина!

Идет подготовка основания, на которое ляжет бетонное тело плотины. Грунт сплошь скалистый. Без взрывных работ здесь не обойдешься. И вот с утра до вечера, словно пулеметы, трещат перфораторы, выдалбливая в камне отверстия, в которые потом будет заложена взрывчатка.

Большие мастера своего дела перфораторщики Николай Давидович Люлько из Винницы и Михаил Григорьевич Каретко, приехавший на стройку из Бреста.

Енисей прижат к скале. Зимой этого года река будет полностью перекрыта.

Вечером в Дивногорске я встретил свою попутчицу, она куда-то спешила, неся в руках огромный черный чемодан.

— Ну, какое у вас первое впечатление от Дивногорска?

— Хорошо! И кино, и стадион, и танцплощадка. Девчата в общежитии все такие приветливые. Все учатся заочно, кто в школе, кто в институте. Говорят, даже кружок поэзии есть при редакции.

РАБОЧИЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В мае 1960 года новаторы Омского шинного завода создали общественный научно-исследовательский институт. Скептики говорили, что пока рабочий не овладеет навыками исследований, он не справится с постановкой экспериментов в условиях производства.

А рабочий-исследователь уже появился в цехах, он рвался к поискам, экспериментам, науке.

— Бывало, подойдет инженер, скажет: температуру установите такую-то, давление такое-то,— рассказывает резиносмесильщик Виктор Фролов,—а в суть эксперимента не посвятит. Вот и делаешь все машинально. А чувствуешь: можешь помочь инженеру, да как-то напрашиваться самому неудобно.

Теперь положение изменилось. Ни один эксперимент на заводе отныне не проводится без участия рабочего-исследователя. День за днем ведя наблюдения за ходом технологического процесса, он заполняет дневник исследований, делает выводы и, если требуется, сам меняет режимы и рецептуру. А затем выступает с заключением о проделанной работе. Цель у рабочих-исследователей большая — изучить свой участок производства не хуже инженера, самостоятельно внедрять последние достижения науки.

Два года действует у омских шинников этот необычный исследовательский институт. В нем сейчас 300 рабочих и 200 инженеров. И каждый из них трудится над какой-нибудь проблемой, занят каким-то поиском.

Больше миллиона двухсот тысяч рублей помог коллектив института сэкономить заводу только за прошедший год.

Шинники страны хорошо знают, что на Омском заводе теперь внедряется много такого, чего и не встретишь на других предприятиях, что сделало бы честь любому высокопрофессиональному научно-исследовательскому коллективу. Сюда теперь едут за опытом, за новинками. И едут не только шинники...

Подобные институты появились на заводах и комбинатах Москвы, Ленинграда, Воронежа, Харькова, Ярославля и других городов страны.

Э. ЧЕРНЫШЕВ,
сотрудник газеты «Омская правда».

г. Омск.

СТЕПЬ ЗОВЕТ

Здравствуй, друг!

С Казачинском, с Енисеем-батюшкой я распрощался. Прошли десять лет трудов праведных, и вот я в Омске, в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства, где должен дописать диссертацию. Ты пишешь мне: не смотри в окно, жми... В окно, прямо в лоб, бьет солнце, и никаких тебе облаков, и тополя подняли к третьему этажу свои верхушки, и цветут вокруг фиолетовые ирисы. Такова весна в городе на Иртыше. То и дело сюда, в читальный зал института, доносятся недовольные басы пароходов с Иртыша, отсюда видно, как пробегают трамвайчики. Они кажутся игрушечными. Весна здесь в этом году чрезмерно ранняя, с начала апреля никакого снега, ждали, не сеяли, и вот пошли дожди, и стало жарко, как в июле. Пляжи Омска полны с 4 мая. Ветер поднимает волны и сыплет брызгами, мелким песком. Я дважды вырывался из объятий диссертации и купался, загорал, а ты говоришь: не гляди в окно!

Омск зелен и красив, как счастливый именинник. Все ходят в праздничном настроении: прошли дожди, в степи хорошие всходы, а в городе пахнет мокрыми тополями и асфальтом. Я иногда езжу в город, брожу по старым и новым улицам, смотрю с моста на Иртыш. Город тянется вдоль реки километров на 25 — громадина! И весь зеленый. Его можно в этом отношении поставить в пример другим городам. Сломает кто ветку сирени — и все на такого косятся...

Работники института разъехались по хозяйствам, и весь Ученый совет был в поле: сеяли, сеяли. Теперь снова собрались в институте. Надолго ли? Степь зовет...

Ну, пока все. Что нового у тебя? Приезжай в Сибирь.

(Из письма В. Шайкина, аспиранта СибНИИСХоза)

АФИШИ НОРИЛЬСКА

В этом городе буран порой бунтует по неделям, и по улицам приходится пробираться, держась за натянутые канаты. Но ровно в 7 вечера, как обычно, поднимается занавес театра и мгновенно бережная тишина наполняет зрительный зал. Здесь все, как в любом из больших театральных городов нашей страны. Норильск — город действительно театральный.

Двадцать пять лет назад, пройдя пешком стокилометровый путь от Дудинки, обосновались здесь первые строители. А в нынешнем году Норильский театр имени Маяковского отметил свое двадцатилетие. Сегодня на сцене самого северного в мире театра идут «Клоп» и «Третья патетическая», «Остров Афродиты» и «Цветы живые». Первыми в стране норильчане поставили спектакль по повести В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев».

Актерам не нужно было отправляться далеко в поисках прототипов. Мужеством, одержимостью, суровой непоказной добротой десятки строителей заполярного города сродни героям романа В. Кожевникова. Среди них, говорит исполнитель главной роли артист В. Лукьянов, немало двойников Балуева.

В прошлом году в Норильске побывали 176 артистов Москвы, Ленинграда, Красноярска, других городов страны. В этом году гостей будет еще больше. Их встречают тепло и радушно хозяева с букетами совсем особенных, полярных цветов с чудесным названием «жарки».

В зале музыкальной школы впервые зазвучала скрипка Гварнери — для строителей и металлургов играл лауреат международных конкурсов Виктор Пикайзен. И тем, кто по старинке еще привык считать, что классику ценят только в столицах, нужно бы хоть раз побыть здесь, среди взволнованного, отзывчивого до трепетности зала. Кстати, еще одна цифра — в этом году вечернее отделение музыкальной школы окончили более трехсот человек.

Афиши Норильска говорят о чудесной примете сегодняшнего дня северного города. Здесь понимают, ценят, любят искусство.

В. РЫБАКОВ

ГОРНАЯ СКАЗКА

Сергей ЧИРИН, старший оленевод совхоза «Шибалинский»

Моя родина — Горный Алтай. Моя родина — горная сказка. Отделение «Арбайта», где я работаю и живу, запрятано далеко в горах, но это место не назовешь безлюдным. Очень часто сюда приходят и приезжают любители суровой природы, туристы и частые гости совхоза, желающие увидеть на воле стада маралов и оленей. Я понимаю этих людей — путешествуя, нельзя не побывать в нашем мараловодческом совхозе. Где еще увидишь, чтобы пастух гнал стадо... пятнистых оленей? Пятьсот — шестьсот голов сразу! На Алтае можно увидеть — я такой пастух!..

У нас уже не встретишь берез и сосен. Вековые лиственницы разбрелись по склонам гор: черные, будто обугленные, зимой и ярко-зеленые летом. У ног деревьев — высокие травы, ковры цветов, шмели и тишина! И олени, мои олени... Найдется ли человек, который бы не остановился восхищенный, завидев стадо этих сказочных животных! Они трепетны и мудры. Я с детства с ними, среди них. Казалось бы, чему мне-то удивляться, чем восхищаться? Но не было минуты, чтобы я не любо-[redacted]. В каждом стаде у меня есть любимчик. Таков и Сынок. Я не приручал его, он сам привязался ко мне. Как только появлюсь в стаде, он — ко мне и уж тогда не отстает ни на шаг...

Горы у нас старые, поросли лесом. Этим они и прекрасны. А сколько легенд можно услышать в домах алтайцев — моего родного народа! Но лучше всех легенд сама жизнь. Этим летом мы отпраздновали 40-летие Советской власти в Горном Алтае, 40-летие нашей Алтайской автономной области. Вымиравший до революции народ не только уцелел, не только просто выжил, но и настолько преобразился, что сегодня уже не удивительно встретить алтайца-тракториста, алтайца-врача, алтайца-поэта, алтайца-геолога...

Можно до утра рассказывать о красавице Катуни, о горных орлах, о кладах, таящихся под коврами альпийских лугов, об источниках хрустальной воды, о чудесной тайне пантов и пантокрина, о могучих недрах...

Но какая сила в словах? Лучше увидеть, чем услышать. Лучше самому проехать по долине Катуни, подняться на Семинский перевал, добраться до Кош-Агача. Лучше самому вдохнуть воздух легенд, ставших явью, послушать тишину на оленьих тропах. Каждый сильный, любознательный, трудолюбивый найдет здесь себе место и дело.

10.000.000

Анатолий ВОЛОВИК,

главный архитектор проекта Новосибирской научно-технической
[redacted]

Я стою у котлована и смотрю, как растет детище нашей проектной мастерской. Героиня моего рассказа еще очень юна, можно сказать, в первых бетонных «пеленках». Но ею уже сегодня начинают интересоваться ученые Сибири. Впрочем, все по порядку...

Наш коллектив архитекторов проектирует сибирскую научно-техническую библиотеку, которая будет крупнейшей в мире.

Кто знает, как строить научную библиотеку? Ведь в большинстве своем старые библиотеки помещаются в неприспособленных зданиях. Мы просмотрели планы зданий, где помещаются крупнейшие собрания мира, отечественные и зарубежные. И вот что выясни-

Три разговора, услышанные нашими корреспондентами в доме отдыха на Байкале

А ЧТО У ВАС?

1

На скамейке, что приютилась в зарослях парка, сидели двое — заместитель председателя Заиграевского райисполкома Бурятии Николай Очиров и его тезка Николай Лебедев, бетонщик завода железобетонных изделий в Ангарске.

— ...А у нас леса. Нет, ты не знаешь, какие у нас леса! — говорит Николай из Бурятии. — Шесть больших леспромхозов. Лес на целину посылаем. Сборные щитовые дома делаем

— А мы крупнопанельные строим, — заговорил Николай из Ангарска. — Завод наш солидный. Плиты даем первоклассные. Раньше простые делали, а теперь с предварительным напряжением. Слышал про такие? Город отгрохали — будь здоров! На улицах тополя и акации... Представляешь?

— Носа не задирай. — Бурятский Николай, видимо, почувствовал в словах собеседника вызов. — К нам приедешь — такие места увидишь, что ахнешь! Курорт будет. Правду говорю! Замечательный курорт...

— А ты про наш нефтезавод слышал? — не без гордости спросил ангарец.

— Слышал. А ты про завод чистых известняков слышал? Нет? Услышишь...

2

На сопку, что поднимается сразу за домом отдыха и откуда на много километров открывается Байкал, взобрались соседи по комнате Иван Иванович Торшилов из Красноярского совнархоза и машинист крана со строительства Братской ГЭС Борис Иосифович Данилевич.

— Глядите, простор какой! В Братске у нас так же. И Братское море чуть-чуть на Байкал похоже. Дела там у нас под стать природе — большие, широченные.

— Простор — это верно. Наш Красноярский край протянулся на две с лишним тысячи километров. В Арктике — льды и белые медведи, в Южной Хакассии — арбузы и вишня. Лесных запасов у нас не пересчитать. Цветных металлов — [redacted]

— А я ведь в Братск из ваших мест приехал. В пятьдесят шестом... Тогда в палатке жил. А теперь город с многотысячным населением. А леса у нас не хуже красноярских. На подходе к ГЭС — сосновые боры удивительной красоты. Под Братском целый лесной промышленный комплекс создается... Да, Сибирь!.. — мечтательно вздохнул Данилевич.

3

Капитолина Васильевна Кудрявцева, начальник цеха Иркутской слюдяной фабрики, и спектроскопист Галина Ганчева из Читы вели беседу в полушутливых тонах.

— И вы утверждаете, что жили в Иркутске? — с укором спрашивает иркутянка.

— Да, целых пять лет. Училась в университете...

— И после этого вы будете доказывать, что Иркутск хуже Читы?

— Да, буду. Есть в Чите что-то своеобразное...

— Иркутск — большой культурный центр. А строится как!

— А вы думаете, Чита не строится? И культуры у нас хватает, занимать у вас не будем.

— А когда вы последний раз были в Иркутске, на Площади декабристов?

— Года два назад.

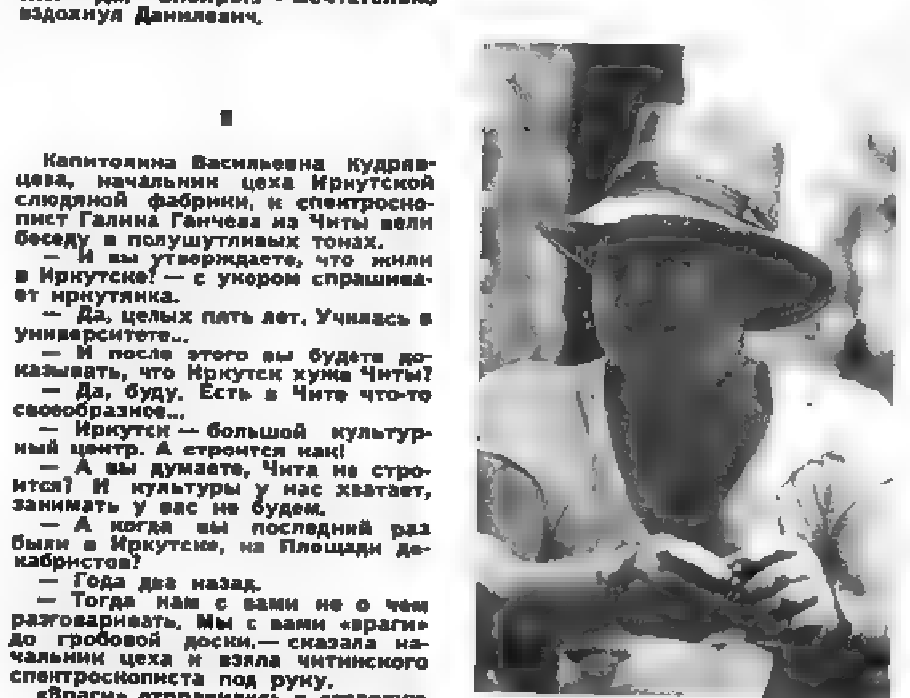
— Тогда нам с вами не о чем разговаривать. Мы с вами «враги» до гробовой доски, — сказала начальник цеха и взяла читинского спектроскописта под руку.

«Враги» отправились в столовую обедать.

Б. Н. Данилевич

И. И Торшилов.

Слева — Николай Очиров, справа — Николай Лебедев.

Где лучше: в Чите или Иркутске? — спорят К. В. Кудрявцева и Г. Ганчева.

Фото Г. Копосова.

лось: по объему книгохранилища всех известных научных библиотек по крайней мере раз в десять меньше того, что должны были проектировать мы.

Книгохранилища сибирской библиотеки рассчитано на десять миллионов научных книг. А все двенадцать залов могут принимать одновременно тысячу сто человек.

В сибирской библиотеке книги по науке и технике будут жить в идеальных условиях — дышать кондиционированным воздухом, при постоянной температуре и влажности. Их страниц никогда не коснутся ни разрушительные ультрафиолетовые лучи солнца, ни пыль, ни влага.

По-новому решена проблема читальных залов. Мы решительно отказались от традиционных гигантских залов. Помещения для чтения книг будут небольшие, они рассчитаны в среднем на сто человек.

...В залах новой библиотеки будет царить тишина. Все мешающие звуки попадутся в специальные ловушки. На потолке, между светильниками дневного света, будут созвездия небольших отверстий. Здесь и происходит поглощение звуков...

Сейчас библиотека растет вниз. В трех подземных этажах расположатся все десять миллионов книг.

ВОЗДУШНЫЕ АГРОНОМЫ

Николай МЕЛЬНИКОВ,
командир вертолетного подразделения

Несколько лет назад колхозники одного из северных районов Новосибирской области обратились к руководству с неожиданной просьбой — изменить профиль сельского хозяйства в пользу пастбищного животноводства, а от земледелия полностью отказаться... Причиной этому было прямо-таки стихийное бедствие: нашествие водяной крысы.

Не удивляйтесь. Я помню, как в детстве на истребление крыс мы выходили всей деревней. Во время уборки хлеба жатки по спирали сходились к центру поля, оставляя несжатым лишь один клочок. Крысы там буквально кишели — злые, прожорливые, несущие опасные заболевания. Люди уничтожали их тысячами.

В районе, колхозники которого просили о помощи, урожай исчез на глазах. Когда подошло время уборки, приехавший комбайнер недоуменно пожал плечами: поле перед ним лежало чистым.

Иногда удивляются, почему летчики нашего подразделения со знанием дела говорят о земледелии, знакомы со всеми сроками агроработ, разбираются во вредителях сельского хозяйства.

Да потому, что весь год мы работаем на полях Сибири: помогаем выращивать урожай.

Пространств нам не занимать — вся Западная Сибирь. Первые работы мы начинаем, еще когда не стихли зимние вьюги, — в марте, а заканчиваем, когда они только начинаются, — в ноябре.

Основная наша работа — охрана полей от врагов урожая: насекомых, грызунов, сорняков. Мы проводим авиахимические работы: подкармливаем землю удобрениями, распыляем ядохимикаты.

Есть, например, такие вредители — свекловичные долгоносики и совка. Не успеет росток свеклы проглянуть, как оба вредителя тут как тут — перекусывают корневую шейку, и растение гибнет... Весной этого года, едва только поступили сведения о появлении вредителей свеклы, сибирская авиахимия вступила в сражение.

Вся свекла на площади в двадцать тысяч гектаров была спасена.

Всем известен Алтайский сельскохозяйственный институт. Наши летчики у Маливайко всегда почетные гости. Мы проводили там ис[redacted] видов гербицидов, обладающих сильным избирательным действием на сорняки. А когда началась уборка, то средний прирост урожая по сравнению с контрольными участками составил три центнера на гектар.

Теперь — о борьбе с водяной крысой на севере Новосибирской области. О начале нашей операции заблаговременно известили все население района. Над полями, лугами, по берегам рек с самолетов разбросали отравленные приманки... Прошла неделя, другая. Наступило время уборки урожая. На поля двинулись машины. Комбайнеры с удивлением выглядывали из своих кабин: таких урожаев они не помнили давно. Весь хлеб стоял целехоньким — до единого колоска!

Девушка и тракт

Юрий КУРАНОВ

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Женщины курят в темноте над обрывом. Медленно затягиваясь, они переговариваются. Беседа явно касается девушки, сидящей рядом с ними в траве. Девушка больше молчит, изредка вставляя фразы в разговор. Папиросы, красновато оживающие при затяжках, освещают лица женщин. Тогда можно на мгновение смутно разглядеть и девушку: длинные темные волосы, широкие, глубоко посаженные глаза, большой рот, не то с улыбкой, вздремнувшей в углах его, не то просто с напряжением, какое бывает у людей, постоянно о чем-то думающих.

— Майка глупая, — говорит одна из женщин простуженным голосом.— Чего на трактовых парней, на проезжих любоваться! На всех не налюбуешься. Одного возле себя держать надо. Митька чем не ухажер?

— Ну уж твой Митька! — возражает вторая со снисходительной мягкостью, обращенной к Майке.— Пройдоха он, ко всякой девке подъехать готов.

— Зато шофер. Чего же ему к ним не подъезжать, когда ни одна привязать не может?

— Нет, уж если мужик сам не приворожится, надолго его не привяжешь. Эти наши хитрости мужику настоящему-то — смех один.

— Не добру ты девку учишь. Так-то ты, Майка, на тракте добра не высмотришь.

— Не дело, тетя Тася, зачем же говорить? — отзывается девушка.— Как же на людей не глядеть, когда они всякие? Кабы не люди по тракту ехали... Ой, кажись, машина идет!

Позади за низким таежным хребтом подала натужный голос машина. Далекое усилие мотора прослушивалось отсюда, как сосредоточенный гуд слепня, бьющегося в стекло.

— Ёвный Митька опять, поди-кось, к ночи подгадывает, — предположила тетя Тася.

— Не ходить бы ей больше к нему, — сказала другая.

— Ведь как же это чудно, — словно не слыша этих замечаний, заговорила Майка,— едут и едут люди по тракту. Всяких-то людей сколько на земле, только не разглядишь каждого на ходу. Не чинить бы нам тракт, не ставить щитов, пусть дорогу заметает. Вот они бы тогда и останавливались у нас. А ведь тоже, поди, глядят, едут и думают: вот какие всякие люди да девушки живут в Саянах.

Из-за хребта, покачиваясь, вышло в небо и стало приближаться желтое зарево. На фоне зарева обозначились кудлатые вершины кедров, похожие на вереницы напряженно потягивающихся черных медведей.

— Твой Митька это, — сказала тетя Тася.— Я бы не отшарашивалась от него.

— А я ведь ничего. Что ты мне житья не даешь? — отозвалась Майка раздраженно.

Наступила тишина с отчужденностью всех собеседниц, и прервала ее тетя Тася.

— Пойдем, Полина, — сказала она, раздавливая окурок о разбитый дорожный щит.

Женщины поднялись и, осторожно перешагивая коряги, пошли к тракту. Они вышли на дорогу, когда из-за поворота вывернула машина. Она обдала женщин клубящимся снопом света, на мгновение сделала фигуры их словно вырезанными из черного картона и пролетела мимо.

Майка осталась сидеть одна. Сквозь тонкие ночные облака местами просвечивало чистое небо. Очертания гор мягко, но уверенно ограничивали белесоватое небо тьмой.

Глубоко внизу кто-то ломал над рекой тайгу: он трещал пихтачом, иногда оступался в воду, или он просто швырял с берега лес, а может быть, строил какие-то сооружения по своему капризу. Но звуки эти не трогали Майку. Внутренне Майка была сосредоточена на Митьке и не хотела встречи с ним. Но Полина вскоре позвала ее далеким криком сквозь ночь: «Май-ка-а!». Майка послушно поднялась и, опустив голову, широко размахивая руками, торопливо пошла на тракт.

Митька сидел в комнате, где жили тетя Тася и Полина. Он играл на гитаре и пел песенки, которые Майка услышала еще издали. Когда она вошла, Митька встал из-за стола, не выпуская из рук гитару. Низкая комната была густо освещена слабой керосиновой лампой, так что казалась зеленовато наполненной пихтовой смолой. В этой смолистой прозрачности света Майка увидела за столом, кроме троих знакомых людей, незнакомого. Лицом он был молод, прост, черноват, сидел спокойно, как дома. Он держал в руке стакан с красным вином и в упор смотрел на вошедшую Майку. Митька шагнул ей навстречу и, радостно ухмыляясь, заиграл и запел:

Есть по нашему тракту дорога,
Много смелых по ней шоферов,
Но один был отчаянней много,
Звали Митька его Пискунов.
Он девчонку курносую Майку,
Словно родную маму, любил.
Ну-ка, Майка, его обнимай-ка,
Чтобы Митька тебя не забыл.

С этими словами Митька положил гитару на кровать и обнял Майку, усаживая за стол. Одной рукой он пододвинул ей стакан, а второй поднял до половины опорожненную бутылку и, указывая ею на незнакомого человека, сказал:

— Везу человека, Май. Первый раз везу так: напою, и накормлю, и языком ублажу. Я его, а не пассажир меня. Дела пошли на земле — одно умоочумление!

Митька широко, добродушно рассмеялся и с высоты плеснул в стакан красную гущу вина.

— Вы не знаете, как называются эти гольцы, вот за перевалом? — спросил проезжий, глядя с ожиданием в глаза Майке.

— Не знаю. Я недавно здесь, — растерянно моргнула Майка.

— Никто здесь таких вещей не знает, — успокоительно улыбнулся Митька.— Никто здесь таких вещей не хочет знать. Кому нужно, как называется та или та гора? Важно, что растет на ней да какой зверь живет. Вот таежники — другое дело.

— Ужасные люди, — добродушно, но без улыбки согласился проезжий.— Если так жить, то для меня совсем не важно, что вы Митька, откуда и что вы за человек. Важно только, что вы шофер и довезете меня до Куярта.

Митька ухмыльнулся и довольно подмигнул Майке, кивнув на проезжего.

— А вы зачем на Куярт? На маральник? — спросила Майка.

— У меня дед умер, — ответил проезжий.

Все, кроме Митьки, быстро взглянули на него. Митька же сидел с видом человека, который давно уже изведал весь смысл этих разговоров.

— Так он на Куярте жил? — спросила Полина.

— Нет, он жил в Ермаках. Я потому и еду теперь, что он умер.

— У меня бабушка тоже в прошлом году померла. Вот я и приехала сюда, — быстро сказала тетя Тася, стараясь попасть в тон проезжему и тоже быть участницей разговора.

— Я еду к маралам. Лечить их буду. Они ужасно болеют. А в маральнике их не лечат, — сказал проезжий с какой-то беззащитной улыбкой, как бы опасаясь, что ему не поверят.

— Вы ветеринар? — спросила Майка.

— Нет, не ветеринар. Просто я узнал, как их надо лечить. Об этом давно забыли, а кто знал, молчал.

Митька поднял с кровати гитару и заиграл разухабисто:

Ну-ка, Майка, отвечай-ка,
Глуп он или нет...

Пропел и заговорил, не переставая играть:

— Забавный ты человек, Костя. Умный вроде, а самого простого понять не хочешь. Какое мне дело, или ей, или еще кому маралов лечить, когда люди болеют не меньше маралов. Вот ты вылечи меня от водки, тетю Тасю — от сплетни, Полину — от тоски, а Майку — от любви. А после дуй своих зверей лечить!

Наступило молчание. Тетя Тася худыми пальцами стала расталкивать по столу куски воблы. Подавая воблу Майке, она деловито метнула глазами в сторону проезжего. Проезжий поднял свой стакан, долго, но без внимания посмотрел на Митьку, выпил, встал и вышел на воздух.

— Дед у него был хозяйчик. Маралов держал, — сказал Митька, глядя на дверь, словно в спину ушедшему.— Скупили у него тог-

да маралов по постановлению. Вот он злобу и затаил, а секретов много знал. До самой смерти утаивал. Перед смертью взял и выложил все внуку. Внук-то теперь бросил свою бухгалтерию и на маральник подался. Он думает, что ему там сейчас все ворота раскроют. Умников-то теперь везде много.

— Так-так-так,— согласилась тетя Тася.— Нынче все куда-то ехать порешились, от синицы ворона искать.

— Чудной он, конечно, малый! — продолжал Митька, думая вслух.— Я чую: не дед да не маральник,— все одно куда-нибудь подался бы. Такой уж у него зуд в голове. Без гор, говорит, жить не могу. Пить бы ему больше надо, и все бы прошло. А так ехать с ним — одно разнообразие.

Майка внимательно слушала Митьку и задумчиво, с напряженным вниманием смотрела на лампу.

Митька поставил гитару на пол, прислонив к столу, и придвинулся к Майке. Он любовно, по-хозяйски обнял ее. Лицо Майки тотчас же стало красным, и руки принялись искать на столе, что бы повертеть. Вот они нашли вилку и стали ею чертить по столу линии, все выкручивая их, все закручивая. Вдруг она круто вскочила, вырвалась и выбежала из комнаты. Длинно перечеркнув тонкой изогнувшейся тенью двор, она сбежала по тропинке за баню и спряталась.

Немного погодя вышел Митька. Он долго оглядывал двор, дышал чистым воздухом, потом сказал примиряюще:

— Май, ну иди, хватит.— Подождал. Снова позвал. Опять подождал, глянул на луну и полез в дверь, пробурчав:— Кот с ней, сама придет.

Майка осталась одна. Она оглядела посиневшие в предрассветье горы и голубой лунный воздух. Тишина ночи вошла в нее легким спокойствием, какое всегда приходит от чистого воздуха и одиночества среди гор.

Там высоко, на таскылах, уже чувствовалось приближение зари. И Майка, глядя на эти вершины, подумала, что скоро там столкнутся два утренних света: свет не успевшей скрыться луны и ранний свет солнца. Хотя она почти всю жизнь провела в горах, никогда ей не приходилось встречать столь необычное состояние природы с чувством собранности и понимания того, что происходит.

— Какой ужас,— выговорила она медленно, как бы ликуя от слов,— всю жизнь жить здесь и ничего-то не знать! Как называются эти горы? Ведь их, видно, как-то назвали? Какие всякие звери ходят там? Мамочка, сколько же их там! А травы-то, травы, деревья разные! Ведь это же все вокруг, и какое ж это оно все!..

И это ощущение ожидания рассвета подсказало Майке ожидание какого-то еще непонятного, но неслыханного счастья от наступления утра. Майка вышла из-за бани на лунный свет и легкими толчками пошла берегом реки вверх. Ступая по камням и лишайникам, Майка чувствовала и даже, ей казалось, видела, что все ее тело сплетено из белых поблескивающих струй света, которые натянуты туго и весело.

Река шумела под ней, внизу, и над ней, впереди. Над горами стояла луна, и река тоже была сплетена из белых, туго натянутых струй. Струи юлили с шумом и немножко важничая от сознания своей причастности ко всему, что происходит сейчас там, вверху, в горах, в небе и в самой Майке.

Майка шагала, разгребая руками высокие кусты смородины, и кусты шумели мелкой листвой, осыпая ее слегка позелененным лунным светом. Вдруг слева под обрывом она услышала шум, который не был похож на обычный говор воды. Майка шагнула к обрыву, раздвинула куст и увидела внизу по колени в реке человека. Искрясь всем телом и загребая сильными руками охапки воды, человек окатывался ими и фыркал перехваченным стужей горлом. То был проезжий.

Майка только одно мгновение смотрела на него. Она быстро пошла дальше и еще долго слышала плеск воды, играющей с челове-
[illegible]

Скоро она поднялась в распадок и зашагала по правому притоку к вершине понюже. Теперь навстречу катился ручей, и становился он все у́же и у́же. Майка шагала, огибая небольшие островки кедров — последние остатки тайги. Неожиданно за спиной среди кедров кто-то угрюмо и сильно выдохнул мощную струю воздуха и полез в сторону, ломая деревья и шумя травой. «Медведь»,— подумала Майка, но не испугалась.

Скоро ручей пропал, и осталась только длинная дорожка озерков, каждое величиной с сомкнутые мужские ладони. Озерки чисто светились между мхов и кустиков голубики, в озерках жило течение, которое из одного в другое передавалось под слоем травянистой почвы. Возле одного из них на серебристом слое ила Майка увидела свежий след медвежьей лапы. Он, видно, совсем недавно пил здесь, и вода еще не успела насочиться в след, только чуть наполнила острые углубления, оставшиеся от когтей. Майка высоко подобрала платье, присела на корточки, уперлась руками в берега и тоже стала пить, пока остро не заломило зубы.

Она взошла на таскыл, когда солнце уже готовилось прорваться в долины из-за синих гор горизонта. Она встала и посмотрела на юг, куда уходила узкая полоска тракта. Эта полоска шла в Туву. Про Туву Майка слышала, что там немало золота, водопадов, соболей и лесов. Она слышала и еще что-то, но остальное забыла.

Сейчас она видела всю эту даль, которая шла на юг до Тувы и на восток до Байкала, на которой лежала черная тайга, и в тайге жили звери и пели птицы. Майка посмотрела налево, на огромную соседнюю вершину, и сказала ей: «Ты Буйба. Ты гора. А я Майка. Хочешь, я скажу, что на тебе растет? На тебе мох и черника. На тебе следы оленей и козлов и камни. И я никогда не видела оленьих следов, а теперь я сама хожу по ним. Видишь, как по ним хорошо топтаться и какие они мягкие, эти следы...» Майка посмотрела под ноги и еще раз прошлась и пробежалась по оленьим следам.

Вдруг как бы легкий звон пронесся у нее над головой. Она взглянула вверх и увидела, что совсем низко над ней летели красные лучи солнца. Она подняла руку и погрузила ладонь в эти лучи. В ладони тоже послышалось легкое ликующее звучание, и она стала красной. «Пусть поет ладонь»,— подумала Майка. Солнце поднималось быстро, и скоро рука стала красной до локтя. Потом порозовели и заискрились Майкины скулы, плечи, платье, и вот она вся уже зазвенела на утреннем свете солнца. И, стоя так, она говорила себе: «Пусть я вся пою».

И вот тогда она вдруг почувствовала, что на нее смотрят. Она оглянулась и увидела на вершине Буйбы человека, который смотрел в ее сторону. И хотя самого этого человека трудно было разглядеть в такой дали и в красном свете начала дня, Майка поняла, что это проезжий. Она шагнула в сторону. Но вершина была открытой, и спрятаться было некуда. Тогда, облегченно рассмеявшись и радостно бросившись всем телом на встречный утренний ветер, Майка счастливо пустилась бежать с горы вниз мимо Буйбы, к перевалу.

На тракт к перевалу Майка вышла, когда солнце уже светило в полную силу. Машины шли одна за одной, и слышно было, что они очень спешат и в Туву и из Тувы, и Майка боялась не успеть к Митькиной машине. Тетя Тася и Полина сидели за обочиной, пили молоко из зеленой бутылки и поджидали Майку.

— С какой машиной приехали? — спросила Майка, присаживаясь рядом.

— С какой бы ни приехали, да не с Митькиной! — ответила тетя Тася, ухмыляясь.— Он-то чичас подкатит, держись, девка.

Скоро Митька вывернул с перевала в долину, лихо срезая петли, и Майка, сама не зная для чего, поднялась и поправила прическу. Сердце ее билось ровно, но до гула в ушах усиленно. «А вдруг Митька не остановит?» — подумала она со страхом. Но, поравнявшись с женщинами, Митька круто остановил бензовоз. Майка подошла к машине. Дверца кабины отворилась, вылез дорожный мастер Андрей Панфилыч. Он поздоровался с Майкой и спрыгнул на дорогу.

Только тогда Майка увидела за стеклом внимательно глядевшее на нее и напряженное лицо проезжего. Митька курил и смотрел в небо с видом человека, держащего над рекой за узду коня и ждущего, когда тот напьется. Майка шагнула к проезжему, чтобы попрощаться, но вместо этого протянула руку [illegible]:

— Здравствуйте!

Проезжий пожал ей руку и сказал:

— У вас в глазах поют птицы. Впрочем, ведь вы никуда не уезжаете... Да и я уезжаю всего до Кулрта. Мы на одном тракте...

Митька тронул машину. Майка зажмурилась, но быстро открыла глаза и стала смотреть вслед.

К ней подошла Полина, взяла за плечи, заглянула в лицо и удивленно спросила:

— Господи, откуда у тебя сегодня такие глаза? Милая! — и обняла Майку.

— Какие у меня глаза? — удивилась Майка.— У меня всегда такие глаза. Я и сама не знаю, какие у меня глаза,— сказала она.

Рисунок Ю. Черепанова.

ФОТОАППАРАТ, ТАЙМЕНИ И КОМАРЫ

О. ИГНАТОВ

Уезжая из Туруханска, захожу в горисполком отметить командировку.

— Как, вы хотите уехать, не поймав ни одного тайменя? Некогда? Ерунда, поспеете. Москва подождет. В Сибири месяц — не время, сто километров — не расстояние. Обязательно поезжайте на Нижнюю Тунгуску. Мы вам дадим нашего лучшего спиннингиста Виктора Окулова — работника конторы связи.

Нельзя сказать, чтобы Окулов оказал бешеное сопротивление, когда ему предложили съездить на рыбалку с корреспондентом. Не задумываясь, он сказал, что готов ехать через три часа, но предварительно желает задать корреспонденту два вопроса: первое — ловил ли я когда-нибудь на спиннинг тайменя и второе — знаю ли я, что такое здешние комары? На первый вопрос я ответил отрицательно, а относительно комаров сказал, что за несколько дней пребывания на реке я имел честь неоднократно с ними встречаться и еще не доеден ими до конца.

Осмотрев мои московские снасти, он мрачно сказал, что на них, видимо, хорошо ловить рыбу на улице Горького, но здесь все это никуда не годится. Леска не выдержит. А мои изящные блесны порядочная рыба и в рот не возьмет, а если возьмет, то обязательно выплюнет. После этого мне была вручена миллиметровая леска и гигантская блесна с крючком, формой и размерами напоминающая корабельный якорь в натуральную величину.

И вот, груженные мотором, канистрами, спиннингами и прочим рыболовным инвентарем, мы спускаемся к реке и грузим все это в легкую алюминиевую лодку. Пока Виктор возится с мотором, я проверяю фотоаппаратуру, так как все-таки цель моей поездки — сфотографировать, как будут вытягивать короля сибирских рек — крупного тайменя.

Обгоняя тихоходные «туруханки», мы вдоль берега поднимаемся по Нижней Тунгуске. Весенняя вода ушла, и уровень реки понизился метров на 15—20. Проплываем под огромными скалами с примечательными названиями: «Бастион», «Смерть». Первая действительно напоминает гигантскую крепостную стену с целым рядом выдвинутых вперед башен-утесов, а вторая получила свое мрачное название за то, что много лодок и плотов разбила грозная река о ее гранитные основания.

Высаживаемся на плоские, наклонно спускающиеся в воду камни и готовим спиннинги. Любимое место тайменя где-нибудь за камнем, по соседству с быстриной.

Первые забросы блесны делаем издалека, чтобы не спугнуть рыбу, если она стоит под берегом. Затем — дальние забросы, прямо в бурун.

Есть! Удилище Виктора согнулось в дугу. Что-то темное бешено бьется в водовороте. Что — рассмотреть еще трудно.

— Крючок, тащите скорее крючок! — кричит мне Виктор.— Уйдет!

Мчусь к лодке. Проклятый багорчик, конечно, завален палаткой и плащами. Когда я прибежал с крючком, таймень уже лежал на берегу, убитый камнем. Фотографировать нечего. Условливаемся, что если поймает Виктор, то он не будет торопиться вытаскивать рыбу на берег и даст мне возможность сделать несколько снимков. А если клюнет у меня, то я должен передать спиннинг ему, а сам снимать. Забрасываем снова. Медленно подматываю леску спиннинга. Вдруг резкий рывок. Катушка с треском раскручивается и больно бьет меня по пальцам.

— Есть! — истошным голосом кричу я.

Огромная розовая рыбина отчаянно сопротивляется. Рвется то влево, то вправо, почти на метр выскакивает из воды. Медленно, метр за метром, подтягиваю рыбу к берегу. О передаче спиннинга не может быть и речи. Перехватываю леску рукой, плавный рывок — и таймень на берегу. Но, сорвавшись с крючка, прыжками скатывается обратно к воде. «Держи!» Вдвоем набрасываемся на рыбу, падаем на нее животами, и через минуту все кончено. Убитый таймень лежит на берегу, а счетчик аппарата так и остался стоять на нуле.

За эту ночь мы поймали несколько тайменей и столько же упустили, не сумев вытянуть их на берег. Но каждый раз вспоминали о фотоаппарате, когда снимать было уже поздно. Нет, фотографировать борьбу с тайменем может только человек с рыбьей кровью.

А потом на берегу мы варили уху. Моросил мелкий дождь. Набрали плавника и развели костер. Но даже дым не оказал никакого действия на облако комаров, нависшее над нами. Я в накомарнике, руки смазаны мазью от комаров. Виктор без сетки и ничем не намазан. На комаров он просто не обращает внимания.

До чего же была хороша уха!

Днем, ради отдыха, я ловил хариусов. Виктор считал такую мелочь недостойной внимания и спал на берегу. Рядом с ним покоился мой фотоаппарат.

Вернувшись в Туруханск, я гордо прошествовал по городу, неся на кукане своих тайменей. Но на них почему-то никто не обращал внимания.

Доконал меня мой квартирный хозяин, которому я принес свою добычу. Мельком взглянув на моих метровых красавцев, он равнодушно сказал:

— Таймешата? А что, крупных не было?

СИБИРЯКИ О СИБИРИ

СТЕПНОЕ БРАТСТВО

Галина БОЯЩКО,
инструктор Алтайского крайкома ВЛКСМ

Да, теперь и я припоминаю тот очерк в «Огоньке» под заголовком «Запорожская коммуна». Нас тогда, шесть лет назад, называли школьниками из Верхней Хортицы. А мы уже не были школьниками, мы уже были вполне взрослыми людьми, принимавшими самостоятельные, достаточно серьезные решения. Еще бы! Почти всем классом задумали поехать на целину — за тридевять земель — и поехали, добились своего! И все мы остались, конечно, во многом детьми, теперь-то это видно, как говорится, невооруженным глазом. Но разве дело в частностях? Главное то, что семнадцатилетние сделали свой первый шаг в бучу жизни смело и правильно, и никто из нас потом не раскаялся. Вы уже знакомы с моей мамой? Даже она теперь довольна, а тогда, в 1955 году...

Марфа Ивановна со своей дочкой Галиной на Оби
Фото А. Гостева.

Мы приехали на Алтай 23 июля 1955 года, а 25-го уже все, как один вышли на работу. С этой даты у всех у нас открываются трудовые книжки, выданные отделом кадров совхоза «Поспелихинский».

Семнадцать семнадцатилетних!.. По-разному сложилась судьба их. Было всякое, но ничто не разрушило нашего степного братства. Да, кое-кто позже уехал с Алтая, но мы и не думали строить жизнь свою по единому стандарту, определенному общим голосованием. Главное, что никто не уехал из-за трусости, скепсиса, с мыслью о неправильно начатой жизни.

Расскажу о тех, кто сегодня имеет право сказать о себе: я сибиряк, я сибирячка! Все мои друзья трудятся в том же совхозе «Поспелихинский». Только я вот уже несколько месяцев работаю в крайкоме.

Судьбы бывших школьников крепко-накрепко связаны с крупнейшим целинным совхозом. Мы стали лучше потому, что сразу же окунулись в бивачную жизнь молодого коллектива энтузиастов-целинников. Нам посчастливилось: в только что организованном совхозе «Поспелихинский» нас окружили очень хорошие люди. Очень!

Ну, а что сейчас? В первую же свою сибирскую осень некоторые из нас сразу сдали документы в Алтайский сельскохозяйственный институт. Правда, это относится к девчатам, а ребята поступили в училище механизации и уже весной сели на тракторы... Нынешней весной я получила диплом зоотехника. При вручении было немало смеха: когда выкликнули фамилию Боящко, никто не сдвинулся с места. Оказывается, вызвали меня, Галю Алещенко, то есть теперь уже бывшую Алещенко!.. И так произошло со всеми нашими: в дипломах стояли новые фамилии, а мы еще называли друг друга по-школьному.

Диплом агронома получила Валя Токман. В момент вручения ей диплома была зачитана поздравительная телеграмма от дирекции и партийной организации совхоза. Ведь пока Валя училась заочно, она все годы работала агрономом! И сейчас она агроном четвертого отделения.

Катя Круголь (ныне у нее фамилия шофера совхоза Саши Морозова) работает зоотехником первого отделения. Она была участницей первого слета целинников в Москве, награждена орденом Трудового Красного Знамени. Это ей посвятил свою поэму «Катерина» один украинский поэт. И мы все гордимся нашей Катей!

Интересно сложилась судьба Веры Помити. Она очень дружила с нашим же Колей Заяц. Поженились. Вера училась заочно на агрофаке АСХИ, а Коля работал трактористом. И вот ему, как лучшему механизатору, предложили поехать на новую целину — в Монгольскую Народную Республику. Супруги Заяц отправились далеко-далеко, чтобы помочь нашим друзьям распахать их плодородные степи. Недавно они со славой вернулись домой в совхоз. Вера спешит закончить учение, она только что сдала экзамены за четвертый курс. А ее Коля — токарь в мастерской. Он теперь мастер на все руки: две целины парень прошел!

Хорошо живут и Света Коробцова и супруги Свинаренко — Петро и Полина. У Свинаренко трое сыновей. Все трое в детском саду, где заведующей наша Лида Павленко, она такая же хохотушка, какой была в школе.

За шесть лет в коммуне родились двенадцать мальчиков и одна девочка!

Были и трудные дни. Это касалось, как вы, наверное, догадываетесь, личной жизни. Но мы держались друг за друга, никого не дали в обиду.

Наш совхоз теперь не узнать. Красивый поселок, водопровод, телевизоры, электричество и радио — это само собой. Как-то нам показали документальный фильм «Совхоз на целине». О нашем «Поспелихинском». Сколько споров было после просмотра! Дело в том, что многие не поверили кинокадрам, особенно красивым — таким, как восход степного солнца. «Нет у нас такого! — кричали некоторые.— Это фокусы кино, где-нибудь на Днепре снимали...» Решили проверить. И вот однажды всем классом (так я по старинке называю наше степное братство) мы поднялись раньше солнца и вышли в степь, чтобы специально посмотреть восход. Нас ожидала картина удивительная! Слов нет таких, чтобы передать тот восторг, который охватил нас. Это наша степь, наше солнце, наше утро!

В общем, несмотря на семьи, дипломы, награды и все пережитое, мы по-прежнему остаемся энтузиастами и отчаянными мальчишками и девчонками, которых комсомол научил смело смотреть трудностям в глаза. Теперь многие из нас хранят у сердца партийные билеты.

Наше поколение связало свою судьбу с судьбой Сибири. И мы счастливы, что можем сегодня называть себя сибиряками.

Энергетики Иртыша и Ангары довольны агрегатами с маркой «НТГЗ». Новосибирский турбогенераторный — колыбель и этого гиганта — генератора для Братской ГЭС.

Фото М. Начинкина.

В цехе крупных машин завода.

Огни марковской буровой.

См. очерк «Новая история деревни Марково»

Новосел и «туземцы».

Вот она, кембрийская нефть.

Старший геолог Л. К. Овченков.

Фото Г. Копосова.

Город Норильск. Проспект В. И. Ленина.

Фото О. Кнорринга.

Сказка Горного Алтая... Через день-два красавцы маралы расстанутся со своими ветвистыми коронами.

Фото А. Гостева.

оворят, что этой деревне не одна сотня лет. Доподлинно известно, что останавливался тут на ночь по пути в ссылку Н. Г. Чернышевский. Вероятно, были в истории Маркова и другие знаменательные события, но мы расскажем только о самых последних, перелистаем несколько страниц новой истории старинной сибирской деревни.

Вышка на карте

В комнате висит большая политическая карта мира. На ней, там, где река Лена делает один из своих многочисленных зигзагов, нарисована чернилами нефтяная вышка и написано: «18.III.1962 г.». Если ткнуть карандашом в чернильную вышку на карте, то как раз окажешься где-то поблизости от комнаты, в которой она висит. А может быть, и в ней самой.

Под картой на полу на новеньком матраце спит девочка. За дверью горой навалены чемоданы

— Вчера приехала жена с сыном. Она статистик. Хочет тоже работать здесь. Помните, я предупреждал заранее?

С Раисой Александровной Травиной мы беседовали в Красноярском аэропорту. Она все волновалась, как доберется до Маркова.

— Работу найдем,— бодро отвечает начальник нефтеразведки.— Работа есть. Можно бухгалтером в конторе...

— Вы ко мне? — Шалагин перебивает очередного посетителя и обращается к женщине, что сидит уже полчаса молча, видимо, подавленная каскадом споров, разговоров, требований, жалоб.

— Да, к вам,— нерешительно начинает она.— Я учительница. Привезла ребят на экскурсию из соседнего района. Хотим сначала посмотреть. Потом дайте нам работу, мы до отхода речного трамвая что-нибудь сделаем.

А девочка под картой продолжает сладко спать. Родители ушли куда-то по делам. Ее привезли сюда ночью и устроили пока здесь, в кабинете начальника Марковской нефтеразведки.

Новая история деревни Марково

О. КУПРИН

Фото Г. КОПОСОВА.

и узлы. В комнате полно народу. За столом человек с пышной светлой шевелюрой и аккуратными усиками, которого можно вполне еще назвать молодым,— начальник геологической партии Валентин Михайлович Шалагин.

— Пароходы ходят вверх и вниз,— говорит он. Это — его любимое выражение.

На столе — письменный прибор на две авторучки. Авторучек давно нет. На мраморной подставке торчат на шарнирах два патрона для них. Один шарнир уже сломан, потому что в этой комнате начальник принимает посетителей, и каждый считает своим долгом во время разговора забавляться этим нехитрым атрибутом канцелярской цивилизации. Сейчас таким делом занят невысокий парень в черной кепочке с едва заметным козырьком. Кепочка называется «бакинкой». И сам парень из Баку. Это Юсуф Гаджиев. Он буровой мастер с двухдневным стажем работы в этой должности.

— Не надо пароходов,— говорит он.— Народ работать хочет. Надо трактор и бульдозер. И все будет первый сорт!

Первый сорт — это выражение соперничает по своей популярности с пароходами, которые ходят вверх и вниз.

Входит буровой мастер Травин. Разговор начинает с порога:

Экскурсия

Первым и самым главным объектом экскурсии была «елка». Она стоит, как памятник, на бревенчатом пьедестале среди груды исковерканного железа, почерневших, изломанных досок. Она скорее похожа на русскую березку, чудом уцелевшую на поле жестокой битвы и обыгранную в десятках стихотворений и поэм. Только она не деревянная, а стальная. И «елкой» ее мог назвать лишь скульптор-абстракционист или инженер с богатой фантазией. А то, что она стоит здесь, пожалуй, и есть чудо...

Экскурсию ведет старший геолог Леонид Кузьмич Овченков. Он начинает повествование издалека и говорит не спеша.

— Много-много лет назад люди заметили, что иногда на Байкале попадаются пленки нефти на воде. Казалось бы, все ясно: где-то около озера должны быть богатые месторождения нефти. Искали по берегам ее естественные выходы, но ни одного не нашли. Нефтяные пленки на байкальской прозрачной воде так и оставались загадками. Все чаще высказывались предположения, что в Сибири нефти нет.

В науке тем временем шел большой спор: в каких земных слоях может прятаться нефть? Одни говорили, что искать ее нужно в молодых отложениях. Вторые доказывали, что глубокие, кембрийские отложения тоже не стоит сбрасывать со счетов. Самым веским аргументом первых была практика: во всем мире кембрийская нефть составляла всего один процент от общей добычи.

Пока шли споры, в то время молодой еще геолог Василий Михайлович Сенюков с небольшим отрядом прошел сотни километров по тайге, провел какие тогда были в его силах исследования и пришел к выводу: в Сибири должна быть нефть, и нефть кембрийская. Ему не верили.

Сенюков обратился тогда за помощью к Орджоникидзе, просил, чтобы дали ему станок для бурения, доказывая, что есть в Сибири нефть. Орджоникидзе выслушал молодого геолога, улыбнулся и сказал: «У меня двадцать одна рубашка. Двадцать первую я отдаю вам». В его распоряжении был всего двадцать один станок, и один был отдан сибирякам.

В 30-х годах из скважины, пробуренной в Якутии, добыли несколько кружек нефти. Была она тяжелая, вязкая и промышленного значения не имела. Но это была первая ласточка.

После этого много было радостей, а после каждой радости следовало разочарование — нефти находили мало. Одно время хотели даже ликвидировать трест.

И вот восемнадцатое марта этого года...

День первый

Деревня поднялась в тот день спозаранку. Из шкафов извлекались лучшие платья, костюмы. Начиналось утро большого праздника — выборы в Верховный Совет СССР. И как раз в этот день ярко-желтый столб вырос над устьем скважины, подскочил к самой вершине буровой и упал жирными каплями драгоценного дождя на снег.

Марковский телефонный коммутатор никогда еще не знал такой нагрузки.

— Киренск... Усть-Кут... Говорит Марково. Нефть!.. Много нефти. Фонтан!.. Цвет? Как солнце... Срочно нужны...

Надрывается тревожным звонком телефон в кабинете секретаря Усть-Кутского райкома партии.

— Сябренко нет. Он на избирательном участке. Что передать? Нефть?!. Хорошо. Обязательно.

А через час...

— Братск, Братск. Говорит Сябренко. Нужна ваша помощь. Пожарные и техника. Срочно! Да, скорым поездом.

— Алло! Девушка, ну что вы спите в такой день! Дайте квартиру военкома!.. Здравствуй! Да, да, с праздником. С двойным! Какой второй? Нефть в Маркове! Нужны противогазы. Сколько? Десятка два.

— Начальника порта. Побыстрее!.. Василий Максимыч? Сябренко говорит. Чем поможешь Маркову?.. Хорошо!

— Марково! Алло! Марково!.. Плохо слышно! Ну, как там у вас? Не утихает? Нет? Еще сильнее? Разгулялась, значит. Как идет голосование?.. Отлично! Скоро буду у вас.

В Маркове на избирательном участке с каждым часом многолюднее. Молодежь атакует председателя избирательной комиссии старшего геолога Овченкова.

— Да, нефть кембрийская... Глубина? 2 164 метра... Возраст? Больше 500 миллионов лет...

Смеркается. Нефтяные капли барабанят по крышам домов. Снег вокруг вышки потемнел, размяк, превратился в бурую кашу. Валенки надо менять на сапоги.

В деревне сегодня строго-настрого запрещено курить и объявлена эвакуация всей улицы, прилегающей к вышке.

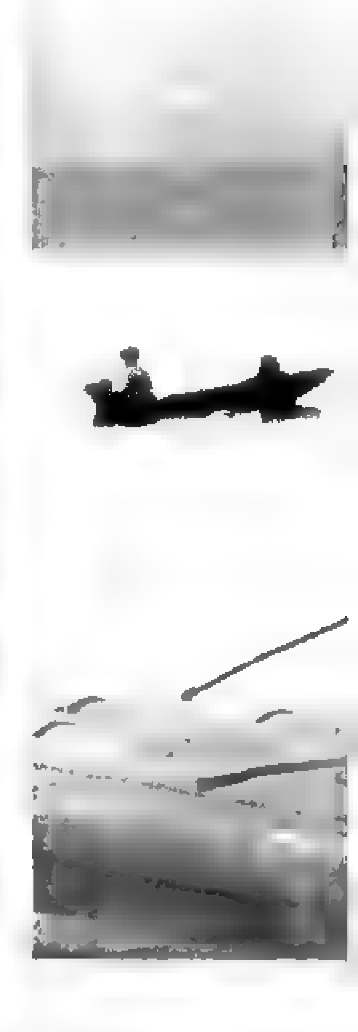
...Скважина поет свою нескончаемую громовую песню. Будит медведей в соседней тайге и летит через замерзшую реку на ту сторону, где в сельсовете члены избирательной комиссии подводят итоги голосования.

«Елка»

«Елка» — это фонтанная арматура. Ее ставят на устье скважины, и нефть идет через ее «ствол» и «ветви». На «ветвях» и на «стволе» — задвижки, которыми можно регулировать дебит скважины.

Регулировать — дело не очень хитрое. А вот как ее поставить, когда фонтан хлещет до самой вершины буровой?

План разработали смелый. На лебедках поднять «елку», завести

Вахтовики приехали...

ее в фонтан, так чтобы он пошел по «стволу» и вышел у вершины стального «дерева». Потом опустить «елку» на устье скважины и отвести нефть по «веткам» в сторону.

Быстро организовалась ударная бригада: Виктор Чувашов, Николай Фандеев, Георгий Сокольников, Николай Мельников, Семен Седунов, Вениамин Масленников. Командовал ударной группой инженер Иван Черняков. Недавно на партийном собрании его приняли кандидатом в члены партии. Уже было назначено бюро райкома, на котором должны были его принимать, но нефть спутала все планы.

...Вокруг буровой километра на два оцепление. Проход — только по специальным пропускам. Заняла боевые позиции пожарная команда.

Вот уже «елка» медленно вплывает в фонтан. Среди стропил вышки неистовствует нефтяной смерч, и «елка» уже различается с трудом. А где-то там, в этом нефтяном аду, работают люди.

Выходит с лицом, залитым нефтью, Масленников. Протирает глаза и бежит обратно на помощь к товарищам.

Шальная струя, как пулеметная очередь, скосила Седунова. Друзья выносят его с поля боя. Суетится врач, кто-то бежит с бутылкой молока. Седунов открывает глаза, дышит и не может надышаться. Но время не ждет, и он опять там, где вместо воздуха, земли и неба одна только нефть.

Наконец фонтан неохотно лезет в приготовленную для него стальную рубашку. «Елка» медленно опускается к устью скважины. Теперь нужно намертво ее закрепить. Это очень трудно и опасно. Малейшее неверное движение — удар гаечным ключом о железо — искра, взрыв, пожар.

Работают с остервенением, но молча, осторожно. Брызг становится меньше, легче дышать. Фонтан бьет теперь только через вершину «елки» и на пятидесятиметровой высоте, успокоившись, заигрывает с ветром.

Люди, промокшие до костей, идут, еле передвигая ноги. Оглядываются на фонтан. Недолго осталось ему лизать сибирское небо. Проиграв он генеральное сражение за свою свободу, не устоял, подчинился человеку.

...А в Сибирь тем временем незаметно прокралась весна. Силы своей она еще не показывала, но чувствовалось, что прячется где-то рядом и скоро расправится со снегом, поломает лед на Лене, погонит с сопок ручьи и, чего доброго, унесет в реку нефтяное озеро.

Озеро разлилось почти на полтора километра. По скромным подсчетам, в нем не меньше двадцати тысяч тонн нефти. Решено во избежание неприятностей озеро сжечь. Как ни парадоксально, но первыми за такой грандиозный пожар высказались... пожарные. Иного выхода не было.

Планы

Итак, нефть есть. Много нефти. Но сколько «много»? Этого сказать пока нельзя. Свободный дебит скважины был большой — около тысячи тонн нефти и полмиллиона кубометров газа. Первые лабораторные исследования показали: марковская нефть отличнейшего качества — содержание серы и парафина небольшое. Нефть очень легкая. В этом убедились без лабораторного анализа.

После укрощения скважины пожарные ходили по деревне и показывали на крыши домов, почерневшие от нефтяного ливня. Советовали немедленно сменить кровлю. Дома покрыли свежим тесом, а старый свалили в кучу и хотели сжечь. Но не тут-то было: доски не загорались, нефть улетучилась. Хозяйки даже погоревали, что лишились таких надежных крыш.

Геологи углубились в свои полосатые карты и определяли места будущих скважин. Они и покажут границы нефтяной залежи. Тогда можно будет примерно подсчитать запасы марковской нефти. Это ближайшие планы.

А потом... Потом, если оправдаются прогнозы, вышки станут подниматься одна за другой, зашагают по сопкам, перепрыгнут через реку, выстроятся вдоль берегов. А на холме, где сейчас тайга и откуда прошлой осенью заявился в деревню голодный медведь, будет город, большой, красивый, зеленый. И называться он будет Нефтеленск или Новоленск. Во всяком случае, на конвертах, которые почта приносит в Марково, уже сейчас можно встретить два эти названия. Это дальние планы.

Но планы планами, а дело делом. Около утихшей буровой опять многолюдно. Рычат тракторы, скребут землю гусеницами. Вышка, под которой бесновался недавно фонтан, покачнулась и зашагала следом за тракторами на новое место, через болото, поближе к тайге.

И вдруг — вертолет. Покружил-покружил над деревней и сел. Открылась дверца. Вышли люди, темноволосые, загорелые, улыбающиеся. Гости? И да и нет.

Юсуф

О Сибири Юсуф читал в книжках и видел ее в кино, когда жил еще в детском доме. Было их пять братьев Гаджиевых. Старшие ушли на фронт, а Юсуф с младшим попали в детский дом после смерти родителей.

В Баку выбирать юноше профессию нетрудно. Юсуф пошел в нефтяной техникум. А когда окончил — не промыкал. Было ему тогда восемнадцать лет. Пришел в детский дом за братом. Диплом показал. Но брата отдавать не хотели. Мол, сам еще ребенок. Долго спорил. Потом все-таки отдали. Правда, под расписку.

Позже учился еще Юсуф в институте. Изучал арабский язык. Недолго это длилось, слег в больницу, и институт пришлось бросить. Но по-арабски Юсуф и говорить и писать умеет.

Однажды шел мимо института. Смотрит: сидят иностранцы. Прислушался, знакомый язык. Подошел, поздоровался. Оказалось, студенты, только что приехали в нашу страну. Удивились иностранцы: откуда прохожий знает их язык? Спросили: кто он такой?

— Я местный, бакинский,— ответил Юсуф.— Вы приехали к нам учить русский язык. А я дома ваш выучил. Вот так.

— Хорошо,— улыбнулись студенты.

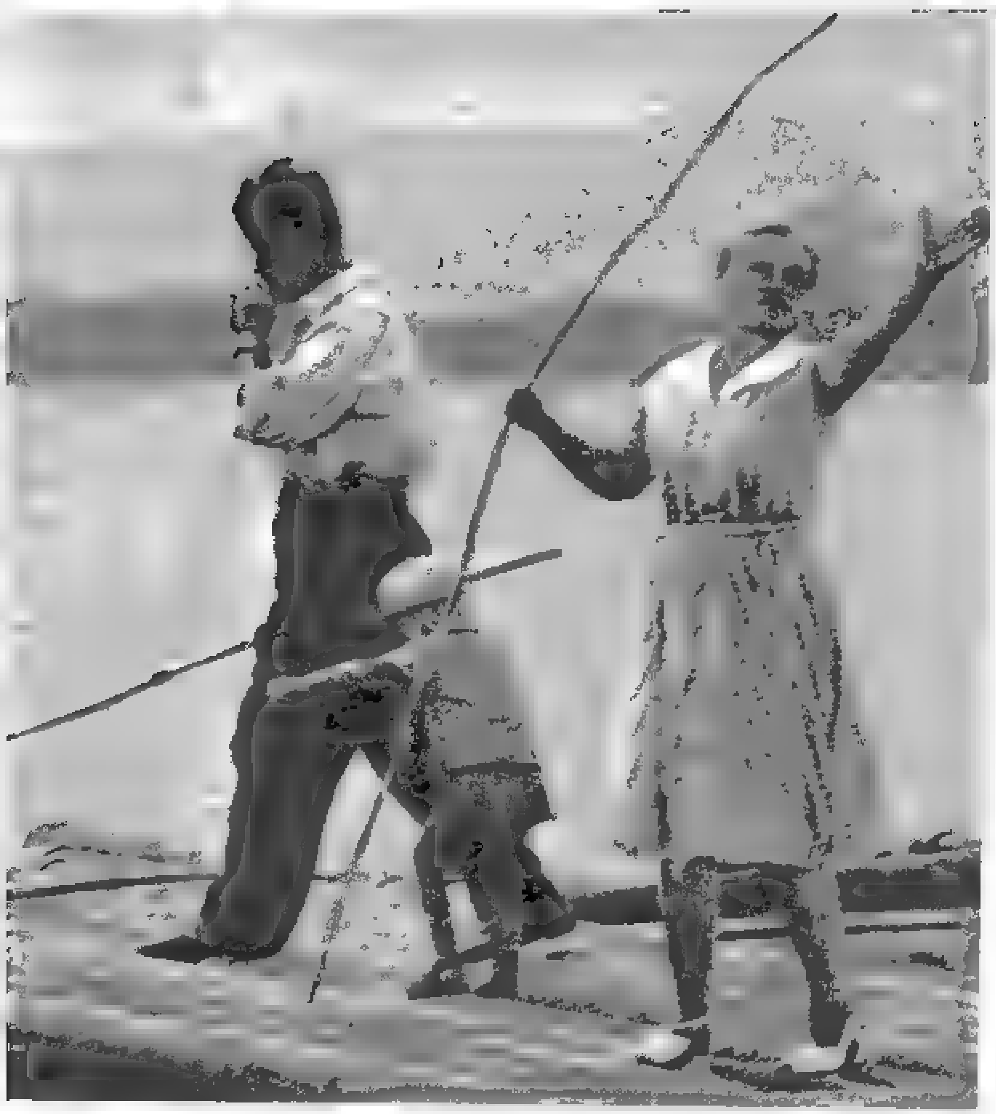
Один ткнул пальцем в комсомольский значок на груди Юсуфа и по слогам произнес:

— Ленин! Да?

— Точно, Ленин,— подтвердил Юсуф и добавил:— Комсомольский значок. Понятно?..

Вызвали однажды Юсуфа в ЦК комсомола республики. Прямо с работы вызвали. Сказали, что посылают его с делегацией в Сибирь. Посмотреть, чем можно помочь сибирякам и какая она, марковская нефть.

...Только выпрыгнул из вертолета — и ходом к вышке. На следую-

Теперь вся семья Травиных в сборе.

щий день начался монтаж буровой на новом месте. Юсуф забыл про свои делегатские обязанности, весь день работал. Когда делегация собралась в обратный путь, пообещав, что бакинцы обязательно приедут к сибирякам, Юсуф сказал руководителю:

— Трудовая книжка моя в конторе. Военный билет у военкома. Диплом в тумбочке в общежитии. Пришлите с нашими сюда... Я никуда не поеду. Остаюсь здесь. Работать буду. Сибирь — это хорошо. Красиво! Первый сорт!

Все засмеялись. И все пожали ему руку.

[redacted]

В Азербайджане желающих поехать в Марково было предостаточно. Подано около тысячи заявлений. Но из Маркова сообщили, что пока могут принять не больше ста. ЦК комсомола республики отобрал сто человек. Потом приехал из Иркутска в Баку представитель треста и сказал: «Не сто, а сорок». Представитель не скупился на описание трудностей и невзгод, которые поджидают в далекой сибирской деревне новоселов. Это была хитрость: пусть на месте они испытают приятное разочарование.

На бакинском вокзале будущие сибиряки начали собираться за час до отхода поезда. Ехали не сорок, а сорок шесть. Высокий и всегда серьезный Тельман Рзаев, молчаливый Александр Сулейманов, весельчак Хачатур Бегиян, Месрихон Мамедов, перекрестивший сам себя в Митрофана, его жена Мария, решившая тоже ехать в Сибирь. Все были веселы и взволнованы. Только Элла Мамедова сидела на чемоданах озабоченная и все посматривала на часы: муж Ариф до сих пор не приехал. Младший брат Арифа пытался ее успокоить. Он тоже уезжал в Сибирь. А Ариф...

О, у Арифа дел было выше головы. Отъезд нагрянул как-то неожиданно, а самое главное не сделано — защита диплома в техникуме будет только через несколько дней.

Директор нефтяного техникума все понял с полуслова, но безнадежно развел руками: членов комиссии нет. До отправления поезда оставалось часа четыре.

— Дайте, пожалуйста, мне их адреса, — попросил Ариф.

— Это можно, но едва ли вы их найдете, — заметил директор.

— Найду!

Мечется по Баку «Волга» с белыми шашечками на дверце. Шофер все уже знает, а потому гонит машину, как может.

Через два часа в кабинете директора заседает комиссия. На диване разложены чертежи. Ариф Мамедов защищает диплом. Кажется, что стрелка на часах бешено скачет по кругу. Вопросы, вопросы, вопросы. Ариф отвечает по возможности спокойно.

Наконец директор и члены комиссии поднимаются из-за стола и жмут Арифу руку. А он мыслями уже на вокзале. Срывается с места, выбегает на улицу. Стоп. Диплома-то нет. Бегом возвращается обратно. Секретарь торопливо пишет справку. Справка в кармане. Теперь на вокзал. До отхода поезда [redacted]...

[redacted]

По кабинету начальника нефтеразведки взад и вперед ходит Юсуф Гаджиев. Весь день он готовился к встрече земляков. Доставал матрацы, беспокоился об обеде. Теперь все как будто сделано. Вот-вот должен показаться пароход. На подоконнике стоят две бутылки с прозрачной желтоватой жидкостью. Это первый символический подарок новоселам.

— А ведь наверняка примут это за коньяк, — смеется старший геолог Овченков. — Новому человеку трудно догадаться, что здесь такая нефть.

Начальник нефтеразведки Шалагин поднимается из-за стола. На нем щегольские светлые брюки и темный пиджак.

— Суббота ведь сегодня. Банный день пропадает из-за встречи. Жаль...

Юсуф мрачнеет и молча выходит из кабинета.

Из-за поворота реки показывается белый пароход. Две скорых линий остановка в Маркове введена буквально на днях. Причала пока еще нет. Поэтому пассажиров перевозят на берег катерами.

Маленький пароходик «Баргузин», закрепленный за нефтеразведкой, спешит навстречу новоселам. Бакинцы шумно берут «Баргузин» на абордаж. Смех, разговоры, вопросы... И первый вопрос:

— Где будет наша буровая?

Идут по кругу из рук в руки бутылки с марковской нефтью.

— Хороша! Первый сорт! Смотрите! Одна вышка, а запах, как от целого промысла.

— У нас лес вышек, а тут одна вышка в лесу.

— Ничего, скоро и здесь будет лес среди леса.

— Надо, чтобы в новом городе была улица Шестого Баку...

«Баргузин» врезается носом в берег. Летят на крупную береговую гальку узлы, чемоданы, ящики. Через час на зеленой поляне за школой вырастает палаточный городок. После обеда собрание. Шалагин говорит о том, что патриоты-комсомольцы должны подключаться к строительству, что всякое рождение происходит в муках и что пароходы ходят вверх и вниз. Говорит еще о комарах, мошках, морозах, метелях. А приезжие в это время с интересом смотрят по сторонам, еще и еще раз спрашивают, где будет их буровая, где будет город Нефте-[redacted]

Вечереет. У палаток вспыхивает веселая лотерея. Разыгрывают квартиры дома, который завтра сами пойдут закладывать.

Недавняя поляна принимает вид вполне обжитого лагеря. Протянуты веревки для белья. Месрихон (он же Митрофан) Мамедов с женой осторожно распаковывают багаж. В палатке на столик, сделанный из чемоданов, устанавливают две статуэтки. Александр Сулейманов сидит за партой, вынесенной из школы, и пишет первое [redacted]

* * *

На этом мы пока закончим историю старой сибирской деревни, что приютилась на берегу красавицы Лены. История идет вперед, за ней не угонишься. Недавно мы позвонили по телефону секретарю Усть-Кутского райкома партии Николаю Семеновичу Сибренко. Оказалось, в Маркове произошли еще кое-какие изменения. Нефтеразведка преобразована в экспедицию. Заложены новые буровые. Построена столовая, работает пекарня. Инженер Иван Черняков, который в свое время не смог попасть на бюро райкома, принят кандидатом в члены КПСС.

Зеленая гостья

Микуль ШУЛЬГИН

В край сибирский, суровый и вьюжный,
Где снега обжигают огнем,
К нам пришла она девушкой [redacted]
В зеленеющем платье своем.

Мы сказали: «Тебя не обидим,
Принимаем в семью как сестру...»
О друзья, этим летом я видел:
Кукуруза подобна костру!

Листья зелено остро лучатся,
Север мой стал теплей и нежней.
И сверкают головки початков
Златозубой улыбкой своей.

Перевел с хантыйского
Николай КАСЬЯНОВ.

Ханты-Мансийск.

Цветы на снегу

Борис КУНЯЕВ

Якутскому художнику А. Осипову.

Над лаем собачьим
Сиреневый пар.
Над сизою далью
Оранжевый шар.

Мороз на губах,
Горьковатый, как медь,
И каждый сугроб,
Словно белый медведь.

Поземка шипит
И свивается в жгут.
Но к самому солнцу
Собаки бегут.

Собаки бегут
И пускаются в пляс.
В оленьих мехах
Только ниточки глаз.

Под жаркой кухлянкой
Согрет карандаш.
И тюбики с красками,
Как патронташ.

Лишь ударит в лицо
Теплотою ночлег,
Ложится на холст
Тот взъерошенный снег.

Простор удивит,
Необычен и нов,
Созвездием красок
И полутонов.

В снегу загорятся
На склонах литых
Не только цвета,
А живые цветы!

Чукотка,
колхоз «Турваурген».

ИНСТИТУТ, НЕ

Георгий Антонович Наливайко.

Н. БЫКОВ, А. ГОСТЕВ

Репортаж с полей Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Июньский дождь — это то, о чем на Алтае даже не мечтают. В те срединные дни июня, когда мы колесили по краю, там прошли нежданные дожди. Не удивительно, что вокруг только о них и говорили: где, когда, сколько миллиметров...

Теплые, светлые, они прошелестели над неоглядной равниной, и еще краше стала приобская степь. Зеленый цвет земли и голубое небо, а между ними солнечные стволы берез!.. Особенно хороши места, где расселился Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (АНИИСХ). Человеку, не бывавшему ранее в Сибири, трудно поверить, что она вот такая, что это она и есть: жгучее солнце, хлеба по пояс, буйные горохи и бобы-новоселы, королевской осанки кукуруза...

Здесь, в скверике института, мы и встретились вновь с Иосифом Ефимовичем Бухаром, заведующим комплексной опытной станцией Академии наук Молдавской ССР, у которого брали интервью на высоте 9 тысяч метров. Нам тоже не терпелось подробнее узнать о жизни, работах и людях института — колыбели пропашной системы.

Приезжие обычно ищут глазами высокое здание, возможно, даже с массивными колоннами, с тяжелыми дверями... Такого здания у института нет; есть довольно тесные лаборатории, обширные поля, умный и дружный коллектив. В 1926 году здесь было организовано Западно-сибирское опытное поле. Потом долгое время была краевая опытная станция, а с 1955 года — научно-исследовательский институт. Институт, не имеющий стен, ибо его опыты, исследования, наконец, сами поля давно уже шагнули далеко в степь, а его научные сотрудники большую часть времени проводят в колхозах и совхозах. И не только подшефных! И не только своего края!..

50 тысяч гектаров в хозяйствах АНИИСХа. Институт выращивает в год до 70 тысяч уток, до 40 тысяч кур, содержит до полутора тысяч овец, до четырех тысяч голов крупного рогатого скота, столько же свиней... За счет этого многоотраслевого хозяйства и живет сам институт — никаких дотаций! Половина прибылей идет на плановое расширение производства... Правда же, несколько необычна такая вот характеристика деятельности научно-исследовательского института. Но в том-то и новизна, в том и смысл всей деятельности коллектива, во главе которого стоит Георгий Антонович Наливайко, ныне Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. И доктор сельскохозяйственных наук! Да, теперь еще и доктор: мы были свидетелями того, как в институт пришло решение межвузовского ученого совета города Томска о присуждении Наливайко Г. А. этой высокой ученой степени без защиты диссертации.

С работами института и с принципами, лежащими в их основе, нас познакомил кандидат сельскохозяйственных наук Федор Прокофьевич Шевченко, заместитель директора института. Федор Прокофьевич — чудесный собеседник. Вряд ли кто-нибудь другой мог бы помочь нам лучше постигнуть душу и характер АНИИСХа, чем это сделал Шевченко. Поле его научной и общественной деятельности — это не только степь, что раскинулась за окном кабинета, но и конференция в Новосибирске, Москве, конгрессы в Париже...

Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства — колыбель новой системы земледелия. Институт родился и живет в крае, который является давнишним зачинщиком борьбы за новое земледелие. Кто не помнит подвига простого сибирского крестьянина Михаила Ерофеевича Ефремова, который еще в довоенное время собрал 60 центнеров пшеницы с гектара! Не сто пудов, а сто один центнер пшеницы с гектара намолотила его последовательница на Алтае А. С. Сергеева! Взять от земли как можно больше — именно здесь, на Алтае, родилось движение за высокую культуру земледелия. Три богатыря — бригадиры Герой Социалистического Труда Александр Беккер, Гавриил Буханько, Павел Печенкин — первыми добились того, что урожайность их полей стала меньше всего зависеть от милостей неба.

От каждодневных, весьма прозаических нужд производства неизменно шел в своих поисках Алтайский научно-исследовательский институт. Сорняки, заполонившие поля, распашка пастбищ и целины, бескормица... Не в кабинетах, а в распаханной степи пришли и сам Георгий Антонович Наливайко и энтузиаст нового земледелия Григорий Тихонович Руденко к мысли о порочности и бессилии травополья.

Война с чистыми парами, война за пропашные далась институту нелегко. Ведь он поднял руку на святая святых — травополье. А что прикажете делать, если пастбищ не осталось, пшеницу забивает осюг и осот, овес малоурожаен, а миллионогектарные пары «гуляют» в то время, когда на счету каждый клочок земли? Еще в 1960 году на секции земледелия ВАСХНИЛ от «беспардонных» дерзких предложений института не оставили камня на камне, но уже в 1961 году бывые оппоненты сами заговорили об интенсивном использовании земли.

И вот началось паломничество в АНИИСХ! В прошлом году здесь побывали пять тысяч человек. Специалисты, партийные работники со всех концов страны.

— У нас не были только представители Курильских островов и острова Диксон, а вот заведующий Магаданской опытной станцией был! — говорит Шевченко.— Увез мешок бобов, а потом написал: магаданцы диву дались, как быстро эти бобы растут. А все понятно — бобам много тепла не надо, а день на Дальнем Востоке длинный. Вот они и вымахали в рост человека, дали по триста пятьдесят центнеров зеленой массы с гектара.

Разве после такого скажешь, что институт замкнулся в своих четырех стенах?..

— Мы стремимся уже в этом году провести по полям института до восьми-девяти тысяч человек,— рассказывает Федор Прокофьевич.— Одна из наших задач — пробудить в специали-

Лагерь для свиней — одна из лабораторий института.

М. Н. Шумилова определяет качество кормов.

ИМЕЮЩИЙ СТЕН

стах, руководителях районов и областей творческое отношение к земле. Травопольe, по существу, лишало агронома права думать, экспериментировать. Было известно, что плодородие создают только травы, сорняки уничтожаются только в пару и так далее. Агроному предписывалось: после трав надо сеять яровую пшеницу и ни в коем случае — озимую, зябь выравнивать нельзя, борона разрушает структуру... Над агрономами довлел целый свод непреложных законов, нарушение которых строго каралось... Новая система земледелия всей своей революционной сущностью направлена против шаблона.

О том же говорил нам и заведующий отделом земледелия Григорий Тихонович Руденко, и заместитель директора по науке Валентин Яковлевич Метелев. А что скажет Г. А. Наливайко?

Уже несколько дней он мотался по Кулунде, и мы ждали его с минуты на минуту. Вот и «Волгу» послали за ним в аэропорт, а он нежданно появился в дверях — в мятой шляпе, выгоревшем плаще и, конечно, дотемна загорелый, как всякий агроном и тракторист, встречающий и провожающий солнце в степи.

— Не дождался вашей «Волги», на «МАЗе» прикатил, на попутном! — смеется Георгий Антоно[illegible]

Он достал из карманов привядшие растения пшеницы, и все сразу склонились над ними, внимательно вглядываясь в корневую систему. Снова разговор об июньских дождях: корни рассказывали ученым, что урожай будет, даже какой он будет...

А часом позже мы поехали с Наливайко в поля. Только что из степи, он снова спешил в степь — теперь в свою, институтскую.

Прямые полевые дороги — коридоры вдоль зеленых лабораторий. Поля чистые, а ведь еще недавно эти земли давали только 7—10 центнеров зерна с гектара. Теперь — вот уже седьмой год — дают по 20 центнеров!

Справа — бобы, слева — травы. Травы, здесь?

— Это классический травопольный севооборот,— объясняет на ходу Георгий Антонович.— Музейные травы. Мы их не угнетаем. Пусть-ка с кукурузой да с бобами посоревнуются...

— Хороши поля!

— А зачем нам плохие? — оборачивается Георгий Антонович.— Нынче нет никакого экономического смысла держать землю в черном теле. Невыгодно и перед землей неудобно!.. Вот, говорят, всем хороша Сибирь, только зимы здесь суровы, изменить бы, мол, их повадку. Нет, не надо менять нашу зиму! Любим мы, сибиряки, свою зиму! Нам бы вот весну с осенью местами поменять. Чтоб весна была влажной, а осень сухой, тогда бы никакая Кубань за Алтаем не угналась!..

Георгий Антонович делится своим сокровенным: надо решить до конца проблему белка, а значит, и проблему мяса, молока; надо создать школу пропашной системы; создать при институте аспирантуру; форсировать строительство института на новом месте: город уже теснит...

Сибирское земледелие вышло на дорогу устойчивых, высоких урожаев. Отошло время допотопных перелогов и «научно обоснованных» паров. Сибиряки получили в руки такую систему, которая дает им обилие и зерна и кормов для скота — кукурузу, горох, бобы, свеклу. Институт сейчас разрабатывает метод беспривязного стойлового содержания не только коров, но и овец. Да, и овца, которую, казалось бы, сам бог велел пасти, в институте вот уже два года не пасется, а получает круглый год корм, в основном силос, в кормушке. И это продиктовала земля, распаханная, без пастбищ...

Овцы на силосе — так грубо формулируется научная тема молодого кандидата сельскохозяйственных наук Ревомира Гавриловича Гусева. Мы видели, как отара овец спешила по залитой солнцем сочной луговине к кормушкам с силосом и бобовой мукой. И ни одна не наклонилась по дороге к такой вкусной на глаз траве. За этой необычной картиной стоит расчет Ревомира Гусева.

— Тысяче овец нужны триста — триста пятьдесят гектаров пастбищ. Но чтобы получить необходимое для них количество кормов, достаточно всего тридцать — тридцать пять гектаров кукурузы, выращиваемой на силос. Что выгоднее?.. Пастбищное овцеводство — анахронизм, нельзя опыт древних возводить и сегодня в научный принцип. Это недостойно нашей современности!..

Так сибирское животноводство поворачивает на путь круглогодичного содержания скота на силосе. В этом еще одна зримая связь института с совхозами и колхозами края.

Но не одним силосом живы коровы и овцы! Существует белковая проблема. Белки в кормушке — это мясо на обеденном столе. На поля пришли бобы.

— Каждое бобовое растение,— говорит Валентин Яковлевич Метелев,— скрывает два! Каким образом? Ранний посев дает урожай зерна. А поздний дает зеленую массу для силосования — это до четырехсот пятидесяти центнеров на гектаре!

Уже в 1961 году институт высевал 260 сортов бобов — сорта Польши, Болгарии, Франции, Испании, Аргентины, Индии, Китая, в том числе и самые морозостойкие тибетские... Испытываются сорта, сроки и способы посева, сроки уборки... Тысячи вариантов, тысячи делянок. Да, здесь не только безбрежность степных полей, но и строгая графика делянок, поэзия этикеток. Это я к тому, что там, где речь идет о работе большого коллектива научных работников, о жизни научно-исследовательского учреждения, нельзя без делянок, как это думается дилетантам, нельзя без хорошо оборудованных лабораторий, без асфальта на территории института, чтобы не месить грязищу сапогами...

Показал нам Георгий Антонович и место, где стоять через несколько лет лабораторным корпусам обновленного АНИИСХа. Высокий — страшно глянуть вниз — обрывистый берег Оби. Березовая роща над солнечным разливом могучей сибирской реки. И облака, облака над соловьиными кущами, над обширнейшей поймой.

— Облака на Алтае какие! — задумчиво говорит Георгий Антонович.— Лучше нигде не найдете. Ни в Молдавии, ни в Прибалтике, ни в Москве...

Он сорвал полынную верхушку, растер в пальцах, понюхал. Он любит полынь — с детства дышит ею (родился в Казахстане), он любит облака и все время хвалится алтайскими...

— Под новый институт отведено сто гектаров. Половину займет парк — дендрарий. Ни одной этой березы не тронем. Встанут здесь лабораторные корпуса, жилые дома, магазины... Будет городок — тогда каждый захочет работать в нашей глуши...

Мы уезжали из «глуши» неохотно, с чувством зависти к людям, работающим здесь так интересно и плодотворно; и с чувством восхищения ими, так много сделавшими для науки, для всего народного хозяйства.

В зеленой «аудитории»...

Кандидат сельскохозяйственных наук Р. Г. Гусев.

КОКИ

Фрэнк ХАРДИ

Эй вы, бродяги с больших дорог, чьи руки скучают без дел,— гнусаво запел Арти Макинтош,— держите путь на Бангари, картофель давно там поспел!»

Мы — я и Арти — подъезжали к Бангари в балларатском пивном фургоне, и вслед за нами с пустынных холмов наползала темнота. Но мы еще смогли разобрать рекламу около железнодорожного шлагбаума:

«Добро пожаловать в Бангари — город лучшего мыла!»

— Эти бангарийские коки[1] и не слыхали, что на свете существует мыло,— заметил Арти.

— Ну, доехали,— сказал Берти, шофер из Балларата, останавливая машину у гостиницы.— Бангари вас приветствует.

Берти был в фуражке и кожаном фартуке. Этот парень, толстый и добродушный, как какой-нибудь сластена-монах, возил, должно быть, больше бесплатных пассажиров, чем Канберрский экспресс.

— Спасибо, Берти,— сказал я.

Мы потащили наши чемоданы вверх по крутому откосу, поднимающемуся над дорогой. Мы никогда не брали с собой одеял и прочих пожитков и вообще редко отъезжали далеко от Бенсоновой Долины в поисках сезонной работы. К чемодану Арти были привязаны ремнем специальные вилы для копки картофеля. Он ковыляя за мной, прихрамывая: еще мальчишкой Арти приходилось делать всякую тяжелую работу, вот он и нажил себе плоскостопие. Но судить об Арти по походке я бы не советовал. На самом деле он был проворен и ловок, как олень, и вынослив, как бык.

С веранды трактира мы разглядывали город: магазин при почтовом отделении, полуразвалившуюся кузницу, забавные, в ирландском стиле дома, отдаленные огни разбросанных вокруг ферм. Где-то лаяла собака. Слабое погромыхивание бидонов и жужжание сепараторов возвещало конец дойки. Окрестные холмы и низины уже окутала ночь, она скрыла и поспевшие к уборке картофельные поля.

— «Как со мною все это стряслось, расскажу я вам, не тая: остался я без гроша за душой и не знал, что делать, друзья,— тянул Арти Макинтош монотонно, как принято петь народные песни.— В бюро по найму пришлось махнуть, пришлось согласиться — увы! — картошку у коки ехать копать, у коки в Бангари».— Он обернулся ко мне и добавил таким тоном, точно городок этот был делом моих рук:

— Самая распоследняя, богом забытая, однолошадная дыра! Эти коки не оставляют в покое ни одной женщины моложе пятидесяти, заставляя их беспрерывно рожать мальчишек — дешевую рабочую силу. Мы ведь, кажется, решили никогда больше сюда носа не показывать?

— Было дело, решили,— подтвердил я.

Мы лениво рассматривали витрину магазина, торчащую прямо напротив гостиницы: стандартные пакеты с завтраком, реклама чая, выгоревшие плакаты, а посреди — серебряный прибор для приправ: графинчик и три баночки, и при них засиженный мухами ярлык с ценой: «Только 3 фунта».

— Не перевелись еще эти чертовы оптимисты на свете,— сказал Арти, указывая на прибор.

Он направился к двери, через которую входили в бар завсегдатаи. Хотя час закрытия давно прошел, в баре еще сидели несколько мужчин: сыновья фермеров, рабочие, приехавшие копать картошку.

— Хэлло, Мак! — обратился один из них к Арти.— Ну, чем тебя жизнь радовала все это время?

— Выпивкой, только очень редко.

— У кого будете копать?

— У Жадюги-Филлипса,— ответил Арти Макинтош. Издевательская улыбка мелькнула на его лице и тут же исчезла, словно стертая рукой волшебника.— Такой уж я, не стану на кого попало работать.

— Само собой!

Мы прислонились к стойке, ожидая старого трактирщика или его болтливую супругу, но вместо них появилась молодая женщина лет двадцати, не больше.

— Две кружки,— заказал я.— Нам тут вроде верят в кредит, на сезон уборки.

— Пойду спрошу у мистера Мерфи,— чуть ли не шепотом ответила она и скрылась.

— Видал? — сказал Арти и присвистнул. Трактирщик тем временем пытался разглядеть нас из-за двери позади бара.— Не так уж плоха для Бангари! — Он повернулся к ближайшему посетителю: — Что за девица?

— Понятия не имею. Всего несколько дней, как появилась. Приехала из Мельбурна. Зовут Мэбел. Боится своей собственной тени. Зря время потеряешь.

Девушка вернулась.

— Все в порядке,— сказала она, неумело наливая две кружки.

— И запомните,— голова Мерфи высунулась из-за двери,— в этом году я не желаю никаких неприятностей, иначе не видать вам здесь кредита.

— Стоит ли вдаваться в подробности? — ответил Арти, давая понять, что замечание трактирщика неуместно; Мерфи намекал на прошлый сезон, когда бар разнесли вдребезги в драке из-за проститутки, которая завернула в

[1] Так в Австралии называют фермеров. (Прим. перев.)

ИЗ БАНГАРИ

Рассказ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Бангари по пути домой со скачек в Балларате, надеясь вернуть проигранные деньги.

Мэбел записала, сколько мы выпили, и робко спросила наши имена. Я назвал свое.

— Арти Макинтош,— скромно отрекомендовался мой напарник и тут же добавил: — Сто семьдесят пять фунтов мозгов и мускулов, чемпион Бенсоновой Долины, в каждом городе отсюда до Милдьюры жена.

Девушка порядком растерялась, но все же внесла наши имена в потрепанную конторскую книгу. Я рассматривал Мэбел. Она была небольшого роста, коренастая, с крепко сбитым, слишком мускулистым для женщины телом, длинное обтягивающее платье обрисовывало полные ноги. Грудь у Мэбел была, пожалуй, велика и некрасивой формы. Блестящие черные волосы девушка носила по моде на пробор и взбивала их над ушами; это не шло к ее широкому лицу. У нее была желтоватая кожа, округлые щеки, как у куклы, вздернутый нос и розовые чувственные губы. Веки ее глубоких синих глаз иногда трепетали, словно готовые вдруг опуститься и скрыть какую-то тайну. И странная улыбка, грустная и робкая, все время пряталась в уголках ее рта.

Арти Макинтош оглядел девушку с дерзкой самоуверенностью. Многое в жизни доставляло удовольствие моему приятелю: выпивка, грубоватые шутки, игра в крикет, скачки, танцы. Но излюбленным его развлечением были женщины. И женщины — замужние ли, одинокие ли — находили его неотразимым. Почему, это известно только им самим. Арти обычно так безжалостно измывался над ними, что даже кое-кто из мужчин осуждал его.

Я все смотрел на Мэбел, хотя она и не была в моем вкусе. Женщины, которых я любил (или думал, что любил), на которых мог бы жениться, из-за которых валял дурака, были стройные, с каштановыми волосами, мягкие и уютные, как пуховые детские одеяльца. И все же сильное тело Мэбел чем-то притягивало. Выражение нежности в ее глазах говорило о быстро вспыхивающем желании. И даже стыдливость Мэбел казалась просто созданной ею самой плотиной, сдерживающей тайные порывы страсти. При всем том было в этой девушке что-то расчетливое. Она, наверное, тщательно все взвешивает, прежде чем сделать ход в любовной игре.

— Мне начинает нравиться Бангари,— сказал Арти Макинтош, допивая пиво.— Ну, еще на дорожку.

Мы снова выпили и перешли в тесную столовую. Мэбел, успевшая надеть белую наколку и фартук, стала накрывать на стол.

— Как вас звать? — спросил Арти, когда мы уже заказали суп и говядину.

— Мэбел, Мэбел Эверард,— ответила она как-то слишком уж застенчиво.

— Мэбел. Это мое любимое имя! — воскликнул Арти. Он облапил ее и слегка шлепнул пониже спины. Я улыбнулся, вспомнив часто повторяемые Арти слова: «Порой мне девушки отказывают, порой отвечают согласием».

Она отстранилась, вспыхнув до корней волос, и сбежала на кухню.

— Сначала всегда трудновато,— объяснил Арти. Когда Мэбел появилась, неся суп, Арти протянул ей коробку из-под шоколада.— Угощайтесь.

Мэбел подняла крышку — там оказался игрушечный черный паук. Она вскрикнула, а Арти расхохотался.

— Куплю вам настоящую коробку конфет, это уж обещаю.

Мэбел, совсем смущенная, снова умчалась на кухню.

— Так завоевывают сердца и добиваются женской благосклонности? — поддразнил я Арти.

— А ты думал? — отпарировал Арти.— Женщины, как и мужчины, все ищут чего-то. Надо дать понять, что она тебе не безразлична.

Пока мы ели, Мэбел то появлялась, то исчезала. Арти все вызывал ее на разговор. Она рассказала, что мать ее умерла, а отец неизвестно где. В Мельбурне работала официанткой, потом уволили. В Бангари приехала на месяц, прочтя объявление агентства по приисканию работы. Ей понравилось здесь, и она даже не знает, куда деваться, когда кончится сезон, а с ним и работа.

Ее отношение к Арти озадачило меня. Несомненно, он ей пришелся по душе, но она словно сдерживала себя, стараясь понять, что он за человек. Арти же как будто видел в ее поведении лишь нечто обещающее и не чувствовал скрытого расчета и осторожности.

Кончив есть, я вернулся в бар, ожидая, что Арти Макинтош тоже придет. Но он вызвался помочь Мэбел мыть посуду. В баре оставались всего двое пьяниц. Мерфи, уже приодевшийся и готовый уходить, подал мне кружку пива.

— Я уже закрываю,— объявил он.

Показалась миссис Мерфи, затянутая, накрашенная, молодящаяся изо всех сил.

— Как закончишь там, убери в баре! — крикнула она Мэбел.

Ушли наконец и двое пьяниц.

— Мэбел,— снова позвала миссис Мерфи,— не забудь про бар, когда покончишь со столовой.

— Я уберу сейчас,— ответила Мэбел, входя в бар, и принялась мыть стаканы.

— Мы не задержимся. Пива больше не отпускай,— резко бросил трактирщик, и дверь за четой Мерфи захлопнулась.

Мэбел взяла тряпку и торопливо подошла ко мне, делая вид, что собирается вытереть стойку бара.

— Вы хорошо знаете Арти? — спросила она.

— Еще бы! — ответил я.

— Что вы о нем думаете? — продолжала она, нервно поглядывая на дверь.

— Он мой приятель.

— У него... у него много девушек?

— Кто его знает! — нерешительно уклонился я, еще не зная, что лучше: хвалить Арти или ругать.

— Вы должны сказать мне правду,— настаивала Мэбел. Она уже не казалась страстной, загадочной женщиной, а скорее ребенком, брошенным, одиноким и очень напуганным.— Я хочу знать. Понимаете, мне надо устроиться наконец, я не могу опять очутиться в Мельбурне без работы. У меня сын, ему три...

— А где муж?

— Мужа нет,— призналась она, опуская глаза и вспыхнув от стыда.

— А куда вы дели малыша?

— Он в приюте. Я должна забрать его, пока он меня не забыл,— продолжала она торопливо.— Арти говорит, что любит меня. Сейчас на кухне сказал. Может он соврать в таком деле?

Я колебался, смущенный и глубоко растроганный. Она влюбилась с первого взгляда. Но она однажды уже была влюблена, и ее обманули. Теперь новый мужчина должен избавить ее от страха и вернуть ей сына. Я это прочел в ее глазах; вот и все, что могла для нее означать теперь любовь. Я попробовал представить Арти Макинтоша в роли мужа и отчима. Добродушный, но непостоянный, по шею в долгах и часто без работы, Арти принимал жизнь как она есть и брал любовь, где она подвертывалась под руку. К чему взвинчивать

книгу, когда проще отправиться в библиотеку!

Я еще раз взглянул на Мэбел. Зачем ей знать все о мужчине, если между ними ничего и нет пока? Чему научила ее жизнь и какие планы могут у нее быть на будущее, если утрачено главное — непосредственность, без которой невозможна любовь!

Мне не пришлось больше ломать над этим голову, ибо появился Арти Макинтош.

— О чем вы тут ворковали?

— Да так, ни о чем,— ответил я.

— С горшками и мисками покончено,— объявил он Мэбел.— Обожаю легкую работу. Как насчет пивка?

Мэбел помедлила, потом налила две кружки.

— Себе тоже налейте,— сказал Арти.

— Нет, Артур, спасибо. Я не пью,— ответила она.— И мистер Мерфи велел закрывать.

— Слушай, дружище, нам давно пора,— заметил я.— Завтра до света вставать.

Мы допили пиво и собрались уходить.

— До субботы,— попрощался Арти с девушкой.

Когда она закрывала за нами дверь, он обернулся и поцеловал ее в щеку.

Ночь была черным-черна, как переплет библии. Мы ощупью пробрались по веранде и повернули на дорогу к ферме Жадюги-Филлипса, расположенной в трех милях. Вначале мы все спотыкались на выбоинах и ухабах, потом, свыкнувшись с темнотой, пошли ровным шагом.

— Скорее бы суббота! — прервал молчание Арти Макинтош.— Этот день мне кое-что обещает.

Язык у меня не повернулся предостеречь Арти. Я почувствовал, что не должен выдавать тайну Мэбел. Скоро я устал и вспотел; я опустил чемодан на землю, чтобы сменить руку. Мы посидели на чемоданах, и отдохнули, и снова потащились; наконец показался огонек справа от дороги — мы добрались до цели.

Только мы вошли в калитку, которая болталась на одной петле, как поднялся свирепый лай. Я пропустил Арти вперед: не умею ладить с собаками.

— Тише, тише, малый,— сказал Арти успокаивающе, когда пес попытался загнать нас, словно овец, в угол.

— Лежать, ты, ублюдок! — загремел низкий раскатистый голос, и огромная мужская фигура заполнила весь дверной проем. Человек пересек веранду. Правая нога его ступала громче левой: штанина хлопала по деревяшке. Ходили такие слухи: когда у Жадюги-Филлипса заболела нога и началась гангрена, он, лишь бы не звать доктора, стал высовывать ногу из окна во время еды: уж очень она воняла. Вот и пришлось обзавестись деревянной.

— Наконец-то явились,— добавил наш хозяин, а пес отступил, разочарованно ворча. Жадюга повел нас в дом.

«Усадьба его — непролазная грязь, а крыша — гнилая солома,— снова затянул Арти.— Двери и окна висят на гвоздях, ни задвижки тебе, ни засова. Куры разгуливают по столу — смотри-ка, приятель, смотри. Прямо в тарелку яйца несут для коки из Бангарии.

— Ничего, утром тебе не до песен будет,— проворчал Жадюга-Филлипс, очевидно, еще незнакомый с песней, увековечившей его округ и таких же, как он, бангарийских коки.— Картошка поспела, да и другая работенка найдется для вас.

— Мы приехали копать картошку — и только,— предостерег я, осматривая комнату.

Неизвестный сочинитель песни, можно сказать, почти не прибегал к поэтическим вольностям. Комната была грязная и запущенная. Мошки бились о стекло керосиновой лампы. На полу валялись старые газеты и консервные банки. Оловянные тарелки, эмалированные кружки, ножи и вилки, сковорода и кастрюли — все немытое — громоздились на столе. В кирпичном камине скопилась зола, должно быть, от сотни топок. На закопченных, затянутых паутиной стенах — ни обоев, ни картины в рамке. Собака, вошедшая в дом вместе с нами, вылизывала остатки еды из тарелки Филлипса.

Жадюга-Филлипс, грубо сколоченный, неопрятный, был под стать своему дому: от старика буквально несло неряшливостью. Неумело залатанные штаны из бумажной ткани, старая серая фланелевая рубаха, пропитанная потом и пылью, и заношенная, выцветшая куртка — таков был его наряд. Неимоверной величины башмак, подбитый гвоздями, никогда не знавал мягкого прикосновения сапожной щетки. Лицо и шея Филлипса были в складках, словно воловья шкура, и иссушены солнцем; огромные руки узловаты и в мозолях, грязь въелась в них навеки. Жадюге можно было дать и пятьдесят лет и шестьдесят пять. Словом, он выглядел тем, чем и был: самым скаредным из всех скаредных коки в Бангари.

— Вы ужинали? — спросил он.

Мы поспешили сказать «да»: чем позже перейдем на его довольствие, тем лучше.

Хотя ночь была теплая, Филлипс зажег камин, пододвинул старый, скрипучий стул и развернул позавчерашнюю газету.

— Случайно не читали сегодняшней? Как там цены на картошку?

— Нет,— ответил я, усаживаясь на ящик, покрытый рваным мешком.

Арти Макинтош сел на свой чемодан и по привычке протянул руки к разгорающемуся огню.

— Лучше всего начнем на рассвете, правда? — сказал Жадюга доверительным тоном, как будто мы владели фермой с ним на паях.— И хорошо бы вам поработать субботний вечер. Должен заехать грузовик за первыми мешками картошки.

Я уже собрался повторить, что мы приехали копать картошку сдельно и что из принципа не намерены работать ни по субботним вечерам, ни по воскресеньям. Но тут вмешался Арти Макинтош:

— Я лично не могу работать в субботу и в воскресенье: у меня кобыла в трактире привязана, за ней надо присмотреть.

Старик Жадюга свирепо уставился на Арти, засопел и стал тереть небритый подбородок. Филлипс всегда раздражался, если те, кого он нанимал, шли против его привычек. Но на этот раз — или мне показалось — раздражение Жадюги было вызвано какой-то более глубокой причиной. Взяв себя в руки, он заговорил:

— Спать будете в сарае. Я сколотил две койки, и одеял там сколько хочешь.

— А чем нам дом плох в этом году? — возмутился Арти.

Жадюга-Филлипс отложил газету, взял с камина пару наушников и напялил их.

— Нам и в доме места хватит,— настаивал Арти.

— Передают насчет цен,— сказал Жадюга, делая знак, чтобы мы замолчали.— Фонарь тоже в сарае есть.

Арти Макинтош поднялся, весь кипя от негодования, и взял свой чемодан. Я направился за ним в сарай. Мы зажгли фонарь и увидели две койки. Подушки были старые, все в пятнах. На одной из коек лежала куча серых одеял. Мы постелили постели; как всегда, мы привезли с собой по две простыни и по наволочке. Потом мы легли, и Мак погасил фонарь.

— Ну, это уж слишком! Хотел бы я знать, почему старик Жадюга выставил нас из дома?

А я лежал без сна и многое старался понять, прислушиваясь к возне опоссумов на крыше. Но, очевидно, в конце концов я заснул и помню только, как забарабанили удары по жестяной тарелке и снаружи хриплый голос заорал: «Завтракать! Завтрак готов!» Некоторое время я не мог сообразить, где нахожусь; но зажегся фонарь, и вид зевающего и почесывающего голову Арти Макинтоша вернул меня к действительности.

— Ладно, сейчас! — крикнул Арти Филлипсу и добавил тихо: — Ублюдок несчастный!

Спустив ноги с койки, он стал натягивать носки и башмаки, напевая под нос: «И вот спозаранку, едва рассветет — таков уж у коки закон,— бьет в колотушку изо всех сил, чтобы прервать твой сон. Звезды светят еще вовсю, луна, вон она, посмотри: наверно, совсем не ложится спать этот коки из Бангари».

Мы лениво облачились в рабочую одежду: бумажные штаны, побелевшие от частой стирки, грубые башмаки. Я надел поднив ситцевую рубашку, а Арти — фуфайку. Я обычно ходил с непокрытой головой, а Арти всегда носил шляпу с широкими обвисшими полями: светловолосый, розовощекий, он быстро загорал на солнце. По правде сказать, от долгого вынужденного безделья мы разленились, разучились находить радость в труде; кроме того, на копке бангарийской картошки и более привычные люди могли надорваться.

Завтрак, которым кормил Жадюга, состоял, как обычно, из холодной позавчерашней баранины и пышущей жаром картошки в мундире. Пока мы ели, окончательно рассвело; солнце уже показалось из-за горизонта, когда мы вместе с хозяином отправились в телеге к дальнему концу участка.

— Я начну первым,— вызвался Арти Макинтош, спрыгивая с подводы с вилами в руках.

Картофельное поле Жадюги-Филлипса начиналось на более или менее ровной местности, но к концу участок поднимался на крутой открытый холм. Поэтому-то и говорили, что бангарийскую картошку можно не перевозить, а просто скатывать вниз с горки.

— Хорош урожай! — воскликнул Мак, ощупав рукой куст.— Можно заработать большие деньги.

— Да, деньги и еще надорванные животы,— [illegible]

Учить нас не приходилось. Картошка обещала заработок и небогатому фермеру и двум совсем уж бедным работникам; бесконечные ряды кустов — это был враг, победить его можно было лишь молчаливым, упорным трудом. Арти точным движением руки и колена воткнул вилы возле первого куста. Старик Жадюга ходил взад и вперед вдоль восемнадцатидюймовых междурядий и на одинаковом расстоянии оставлял мешки. Я расправил первый мешок, завернул его края и наклонился, подбирая картофелины, лежащие там, где Арти выкопал куст. Картофелины были приятные на ощупь и блестящие; они выглядели весьма аппетитно, но, уж поверьте, если питаешься картошкой три раза в день, быстро перестанешь любоваться ею.

Я двигался за Арти, разворачивая края мешка по мере того, как он наполнялся. Арти не успевал выкапывать до конца сплошь усеянные клубнями кусты. Он не мог войти в нужный ритм и слишком торопился; с ним всегда бывало так в начале любой работы. Часть картофелин застревала в плотной земле, и мне приходилось буквально выцарапывать их ног-[illegible]

— У меня же нет вил,— взмолился я.— Бога ради, выкапывай и обирай как следует.

Он поворчал, но стал делать, как я просил. Теперь он работал равномерно, как заведенный,— опытный работник, гордый своим уме-[illegible]

Я шел за ним, время от времени встряхивая мешок, чтобы уплотнить его. Я старался держаться поближе к Арти; тому, кто выкапывает, не стоит ускорять темп, если подборщик отстанет. Мы работали на пару, и платили нам так же. Мы атаковали эту картошку, как армия, решившая стереть врага с лица земли.

Сухая пыль набивалась мне под ногти, хоть я заранее остриг их коротко; она скрипела на зубах и, казалось, пробивала кожу, щекоча кончики нервов.

Мы добрались до второго пустого мешка, но первый не был еще полон. Да, не родился еще в Бангари тот фермер, который бы не преувеличил свой урожай, как бы удачен тот ни был. Мы медленно двигались вдоль первого ряда. Позади уже осталось несколько полных мешков, и выкопанные кусты устилали междурядье. Старик Жадюга шел следом, зашивая мешки, и без видимого усилия перетаскивал их на телегу. У меня начала невыносимо ныть спина, я даже перестал замечать боль в пальцах.

— А ну, давай сюда вилы, поменяемся,— сказал я Арти.— Я уж не меньше двух часов подбираю.

У Арти часов не было, как и у меня, так что спорить он не мог. Мы поменялись местами.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Жадюга-Филлипс отвез первую нагруженную телегу к дому; он вернулся с котелком чая и тремя эмалированными кружками, но без всякой еды. Мы разогнули спины и опустились на землю, устало вытянув ноги.

— Ничего, второй день всегда тяжелее первого! — утешал меня Арти Макинтош, прихлебывая дымящийся чай.

— Ребята, вы не доплна накладываете мешки,— недовольно проворчал Филлипс.— Картошка неплотно лежит, она же испортится.

— Мы сдельщики,— ответил Арти.— А вы, между прочим, платите не по фунту за мешок.

К. Белов. ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА. ЩЕТИНКИНЦЫ В РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКА. 1958

ВСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ОМСК. 1958.

Н. Дубовской. РОДИНА. 1905.

Омский государственный музей изобразительных искусств.

Г. Мясоедов. ЗАСУХА 1878.

— Ладно, постараемся,— пообещал я. В начале сезона старика Жадюгу всегда приходилось ублажать.

Долго отдыхать Жадюга нам не дал, да мы и сами торопились. Мак снова взялся за вилы и хорошо сделал: у меня на руках уже появились волдыри. Но скоро моя измученная спина и изодранные пальцы стали требовать передышки. Ко всему прибавился еще и голод.

Арти Макинтош выпрямился, собираясь поплевать на ладони.

— Ну вот еще, волдыри! — проворчал он, удерживая плевок.— А вот мои бедные кишки, небось, думают, что мне закупорили глотку! — И даже тут он ухитрился пропеть: «Право же, сдохну я до заката в Бангари этом проклятом».

Наконец Жадюга-Филлипс отправился к дому с новым грузом; мы продолжали работать, но уже в напряженном ожидании. И вот — о радость! — задребезжала оловянная тарелка; мы заковыляли к дому и обмыли наши истертые до крови руки. Жадюга-Филлипс подал на оловянных тарелках все ту же баранину с картошкой; вдоволь хлеба — и ни грамма масла; много сахара — и ни капли молока; куча соли — и никаких других приправ.

— Передайте перец, пожалуйста,— сказал Арти.

Жадюга взглянул на него как раз вовремя, чтобы уловить мимолетную издевательскую улыбку. Я обвел глазами стол, словно и впрямь ожидая найти на нем перец. Хозяин взял большую щепоть соли из разбитого блюдца, служившего солонкой, и никак не отозвался на шутку Арти.

— Хорошо, тогда передайте маринад,— не отставал Арти.— Уж очень я люблю маринад!

Жадюга-Филлипс и бровью не повел. По-моему, Мак и сам не рассчитывал поймать его на таких мелочах и зря тратил свой пыл.

— Ладно, сойдет и красный томатный соус с пряностями,— снизошел Арти.— Пожалуй, он лучше всего к такой сухой пище.

Жадюга-Филлипс уничтожал свою порцию, не поднимая глаз. Мы с Арти Макинтошем щедро посыпали баранину и картофель солью и тоже принялись есть. Потом нам выдали добавку; напившись чаю, мы с Арти отправились в сарай и растянулись на койках — ни дать ни взять солдаты после боя. Но Жадюга не дал нам долго прохлаждаться. Тогда Арти попросил кувшин и наполнил его из бака с водой.

И снова мы работали без передышки, поочередно берясь за вилы, несмотря на боль в руках и ноющие спины. Солнце свирепо палило, пот лил с нас ручьями, я чувствовал, что руки и лоб у меня порядком обгорели. Мы часто прикладывались к кувшину, поэтому Жадюга решил обойтись без вечернего чая.

На следующее утро мы с Арти проснулись совершенно разбитые. Тело у меня одеревенело; каждый мускул болел, как ошпаренный. Я еле поднялся с постели; выпрямить спину — и то было мучением; с рук и со лба словно содрали кожу.

Завтрак съели в молчании. Я опустил рукава рубахи и попросил у Жадюги старую шляпу, чтобы спастись от палящего солнца. Как только мы вспотели, суставы стали сгибаться легче, но ничто не могло смягчить мучительную боль в спине и руках.

За обедом Арти опять завел речь о всяких деликатесах: на этот раз, должно быть, для разнообразия, он потребовал чатни[1] и горчицу. Жадюга стал терять терпение; видимо, ему уже давно хотелось осадить Арти, но он никак не мог сообразить, что бы такое сказать.

И так, переворачивая листки календаря, тянулись однообразные дни. Постепенно боль утихла, спины наши стали гибкими, руки огрубели и свыклись с тяжелым трудом — самым тяжелым, какой мы знавали до этих лет безработицы. Солнечные ожоги превратились в загар. Избавившись от всех этих мук, я мог наконец вспомнить о Мэбел. Мне очень хотелось заговорить о ней с Арти, но я решил: пусть он сделает это первым. Однако Арти и словом не обмолвился; у него все время был вид занятого человека, несклонного откровенничать.

Как-то к вечеру в пятницу мне понадобилось сходить в дом наполнить кувшин. Заодно я заглянул в старый ящик со льдом, подвешенный к столбу на веранде: я надеялся обнаружить хоть какой-нибудь признак скорого обновления опостылевшей бараньей диеты. Как бы не так — ничего, кроме половины бараньего бока, огромной, что твоя гора. Мясо пересохло и потеряло всякий цвет. Я подозрительно принюхался и обследовал его более тщательно. Меня чуть не стошнило, рот заполнился кислотой.

Из столовой доносились какие-то странные звуки. Я заглянул в дверь и увидел Жадюгу-Филлипса в чем мать родила: он сидел в жестяной ванне с водой, прижав колени к подбородку, и яростно намыливался; лицо его выражало нечто вроде блаженного восторга — насколько, разумеется, это возможно при такой грубой роже. Ну и восьмое чудо света!

Вернувшись к Арти, я сообщил:

— Старик Жадюга принимает ванну.

— Не болтай! — ответил Арти.— Упади он в сточную яму — и то после не станет мыться.

— Говорю, моется! Сидит в лохани с водой. Мало того, моется с мылом! Да, чуть не забыл: не ешь вечером мясо, оно червивое.

— Стрелять надо дураков, кто на него работает! — возмутился Арти и в сердцах швырнул [illegible]

Однако платили-то нам сдельно, и, учитывая это, мы снова принялись копать, только изредка останавливаясь поговорить о протухшем мясе да о Филлипсе, который — чем черт не шутит! — может, и вправду моется сейчас с мылом. Когда лучи заходящего солнца окрасили голые холмы в оранжевый цвет, мы нагрузили телегу. И не успели подъехать к дому, как появился Жадюга, извлек из холодильника мясо и постучал им о столб веранды.

— Нечего вытряхивать червей из мяса, ты, старая скотина! — крикнул Арти.— Не трать зря силы. Мы червивое мясо не едим.

Жадюга растерялся. Мы были до крайности разозлены, но вдруг словно окаменели от удивления: на Филлипсе был синий костюм, целлулоидовый воротничок и черный галстук!

— Мясо в полном порядке,— преодолевая смущение, выговорил Жадюга.— Но если уж вам так не хочется его есть, я открою мясные консервы.— Он положил баранину обратно в холодильный ящик и скрылся в доме.

За ужином Арти, как обычно, потребовал перцу и маринада. Но напряженность за столом царила вовсе не из-за того. Мы были страшно заинтригованы необычным видом Жадюги-Филлипса; он понимал это и вел себя, как подозреваемый в убийстве на допросе в полиции.

— Куда это вы собрались? — спросил Арти, когда мы покончили с едой.— На похороны, что ли?

— Уж это мое дело, вас не касается,— сварливо ответил Жадюга и разразился самой длинной речью, какую мы от него когда-либо слышали: — Я еду в город. Завтра не вернусь. Картошки и консервов оставлю вдоволь. И вам придется погрузить мешки, когда заедет грузовик.

— И не подумаем! — отрезал Арти Макинтош.— Мы сами собираемся в город.

— Зря время потратите да и денежки,— проворчал Жадюга-Филлипс.— Кому-то надо же грузить картошку!

— Вот и займитесь этим сами! — огрызнулся Арти, все еще пристально разглядывая хозяина.— И вообще, чего это вы вырядились, словно фельдшер какой?

— Я заплачу вам фунт за погрузку,— уклонился от ответа Жадюга. В смятении он, видно, позабыл цену деньгам.

— Фунт каждому,— подзадоривал Арти.

— Фунт на двоих.

— Нет, каждому.

— Ладно, каждому по фунту.— Жадюга и вправду согласился, хотя и усмехнулся при этом невесело.— И нарежьте немного соломы заодно! — С этими словами он скрылся в [illegible]

«И вот подходит кока ко мне и молвит такие слова,— пропел Арти Макинтош.— А нука, порежь соломки чуть-чуть, немного — часок или два...» Вот чего старый хрыч хочет от нас. Нет, ты подумай, он не будет ночевать дома — первый раз в жизни!

Тут Жадюга появился снова, и разрази меня гром, если он не смочил и не причесал свои редкие седые волосы! Арти подсчитал с ним наш недельный заработок, причем Филлипс выказал удивительно мало интереса к итогу; мало того, с видом жертвы грубого шантажа он вручил Арти еще двухфунтовую бумажку. Потом, напялив выцветшую мягкую шляпу, Филлипс запряг лошадь в повозку и отбыл по направлению к Бангари, оставив на ферме нас двоих, крайне озадаченных, просто умирающих от любопытства.

Усталость свалила нас. Мы проспали долго и встали, освеженные, с приятным ощущением, что заработали порядком денег, и притом честно. После завтрака побрились и вымылись в ванне. Мы судили и рядили насчет поведения Жадюги, но так и не смогли придумать сколько-нибудь подходящее объяснение. Скоро разговор перешел на пиво и лошадей. Я порылся в газетах Филлипса и обнаружил в одной программу Колфилдских скачек. Мы просмотрели список лошадей и решили попробовать дозвониться в Бенсонову Долину, чтобы через букмекера в Гранд-отеле сделать ставки в кредит.

Подъехал грузовик и затормозил перед домом. Мы помогли шоферу, тощему веснушчатому парню, нагрузить машину с верхом и попросили подвезти нас в город. Шофер подождал, пока мы умылись и переоделись. Арти Макинтош запел:

«Курносый нос у девчонки моей, не устоять мне против него».

— Она что-нибудь тебе рассказывала про себя? — спросил я, когда мы уже выходили из [illegible]

— Все, что я хотел знать,— ответил он.

— У меня тоже был с ней разговор. Девчонке пришлось многое пережить.

— Поскорее, дружище,— сказал Арти шоферу, словно не слыша моих слов.— А то она там совсем истомится.

Мы забрались в кабину, и машина помчала нас к заслуженному отдыху.

— А где Жадюга? — осведомился шофер, уже подъезжая к Бангари; мы объяснили, и шофер покачал головой: — Старый хрыч, видно, в детство впал.

Мы высадились у гостиницы. Небольшой бар был битком набит сборщиками картофеля и местными жителями, и Мерфи с супругой еле-еле справлялись. Мэбел не появлялась. Мы тут же пропустили по кружке, чтобы промыть горло от картофельной пыли. Потом еще по две, торопливо, словно получившие расчет батраки из зарослей.

Я сбегал в соседнюю лавку и купил мельбурнскую газету — надо было поподробнее ознакомиться с программой скачек. Арти молча сидел со мной за столиком в углу и не проявлял обычного интереса к этому спорту «алчущих и жаждущих».

— Где Мэбел? — спросил он у кого-то.

— Кто? Буфетчица? Что-то ее сегодня не видно, сам только об этом подумал.

Я услышал, как Арти, заказывая очередную кружку, спросил Мерфи о Мэбел.

— Она взяла расчет. И слава богу! — ответил Мерфи.— Хлопот с ней больше, чем пользы. Можно подумать, она невесть что, парни вечно торчали тут по полночи. А она всех оставила в дураках.

Арти Макинтош вернулся от стойки в унынии.

— Единственная в округе женщина моложе пятидесяти — и та натянула тебе нос,— поддел я его. Но на душе у меня кошки скребли.

— Хочешь, скажу тебе кое-что! — отвечал Арти.— Всю неделю, копая картошку, я думал о ней.

— И мне — ни слова!

— Так-то. И больше того,— добавил он с горячностью,— можешь смеяться, но я подумывал: хорошо бы на ней жениться.

Такого с Арти еще никогда не случалось.

— По-моему, Граф Орлов может и на этот раз прийти первым,— переменил я тему.— Победитель прошлых скачек — вот в чем штука.

Арти взял газету и принялся обсуждать достоинства лошадей, но я видел: мысли его далеко. Мы записали свои ставки и дозвонились-таки до Бенсоновой Долины. Потом я предложил заказать какую-нибудь еду.

— Не хочется,— покачал головой Арти.

Окончание следует.

[1] Род горячей пряной приправы.

ЛИЦОМ К

Вас. ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

Итак, Тимбукту!

Я всматриваюсь в розово-желтый горизонт, на котором неподвижно висит словно пеплом засыпанный диск раскаленного, но неяркого солнца, и думаю о том, что отсюда к северу тянется почти на три тысячи километров беспредельная пустыня. Крупный, полупрозрачный песок у меня на ладони. Я возьму его с собой на память — это песок Сахары.

Тимбукту — известный африканский город. Это о нем писал когда-то, ни разу не посетив его, Жюль Верн. О чудесном Тимбукту написаны повести Луи Буссенара, и, говорят, в нескольких странах мира до сих пор существуют общества «Любителей Тимбукту».

В моем блокноте выписка из книги отзывов, которую держит у себя в отеле темнолицая хозяйка Займа Альгапси. Отель маленький, всего на шесть комнат, но современный. Его построили еще при французах для богатых туристов, которые слетались сюда со всех концов земли.

В книге отзывов американский путешественник Гарисон Фарман пишет:

«Будучи членом исследовательского клуба в Нью-Йорке, я специализировался на посещении самых отдаленных мест земного шара. Но должен сказать, что ни одно из мест, где я побывал, ни в какой степени не может сравниться по силе впечатления с Тимбукту. Сколько еще времени будет существовать этот удивительный город? Как долго сохранит он свой неповторимый характер в дни, когда авиация, туризм и радио вмешались в его судьбу?»

Восторженные слова американца заставляют и меня задуматься. Избалованный экзотикой, объездивший полсвета, этот уже немолодой господин, посвятивший свою жизнь путешествиям, стоит растерянный перед величием и яркостью одного из самых удивительных городов молодой африканской республики Мали.

Впервые в истории Черной Африки и Мали, лишь два года назад сбросившей цепи колониализма, были созданы курсы национальных журналистов. Нас пригласили сюда в качестве преподавателей — двух советских граждан, одного чеха и одного француза. Разные люди, с разными судьбами.

Мы — я и мой коллега Виктор Цоппи из Московского радио — здесь впервые. Месяц занимались в столице республики Бамако с группой студентов, состоящей из двадцати шести чернолицых ребят, съехавшихся со всех концов страны.

Никто из наших учеников не работал раньше журналистом. Учителя и врачи, служащие и партийные работники, люди деревни и парашютисты, направленные на учебу из армии, они должны были хлебнуть журналистского лиха не в учебных залах, а под открытым небом Африки. И мы поехали в жизнь, туда, где интереснее и труднее. Естественно, первым магнитом, притягивавшим всех нас, был город Тимбукту. О нем хотелось слушать, хотелось писать, хотелось познать его разрекламированные в прессе тайны.

Мы ехали на автомашинах по красному грейдеру, как по ступеням лестницы. Существует странный закон на дорогах Африки. Любая дорога через месяц становится похожей на зубчатую гребенку — ровно 70 сантиметров расстояние от одного зубца до следующего. Это постоянная величина, где бы ни пролегала дорога. По такой «лестнице», чтобы спастись от тряски, лучше всего ехать на скорости не ниже 80 километров в час. Поэтому белозубые шоферы, гонят вовсю, как бы срезая колесами верхушки коварных гребней.

...Нигер мелеет быстро, но, пожалуй, еще быстрее заполняется водой в период дождей. Есть места, где количество протекающей воды в периоды засухи и дождя меняется почти в тысячу раз, говорил мне знакомый геолог.

И вот мы плывем по Нигеру. Смешной старинный пароход! Несколько десятков лет тому назад он был по частям привезен сюда из Бельгии, его собрали в среднем течении Нигера и дали ему имя французского генерала-колонизатора Аршинарда. Сегодня на его корме короткое слово — «Мали».

Он упорно идет по течению вдоль изумрудных берегов, проплывает через озера, заполненные птичьим гомоном, где по утрам можно увидеть сопящую морду гиппопотама. И вот, наконец, Тимбукту!

Американский путешественник, пожалуй, был прав. Тимбукту — это граница между саванной и пустыней, поразительный по контрасту стык саванны, шелестящей травой, листвою гигантских деревьев, буквально набитой животными и птицами, с пустыней, опаленной жестоким африканским солнцем и напоминающей застывшее море.

На заливных лугах возле Тимбукту — сотни тысяч голов рогатого скота. Словно белоснежный хлопок, рассыпаны по изумрудной траве бело-голубые птицы легрет. Это по одну сторону реки. А по другую — пески, покрытые высохшими колючками, и солнце, красноватое, неяркое, палящее...

Вот уже три дня Сахара дышит жаром, поднимающим легкую пыльцу над песками. Солнечные лучи не в силах пробиться сквозь этот золотистый туман. Поэтому солнце красно и кругло, как луна. Оно обжигает без лучей, томит без яркого света.

Тимбукту — стык различных рас. К югу — люди с темной кожей всех оттенков, от песочно-желтой до лилово-синей, с жесткими курчавыми волосами, с улыбкой, открывающей ослепительно белые зубы, с желтоватыми, как слоновая кость, белками глаз. К северу — белая раса. Никогда в жизни не видел я людей красивее, чем туареги. Вот он стоит передо мной — рослый, худощавый человек с матово-светлым овалом лица. Гордо смотрят на мир огромные голубые глаза. Иссиня-черные волосы длинными прядями спадают на плечи. На бледном лице резко выделяется раскрыл бровей, тонкие усы, острая бородка. На нем белая одежда. На руках и груди «гри-гри», религиозные талисманы, маленькие коробочки с листками корана. На ногах сандалии. Туарег горд, красив, подобен языческому божеству. Он идет легко, почти не касаясь ногами зыбучих песков. Большой меч в красных ножнах висит сбоку, на ремне, перекинутом через плечо...

— Туареги никогда не подчинялись колонизаторам,— рассказывает мне Муфта, заместитель коменданта района Тимбукту, красавец мавр с благородным, спокойным лицом.— Когда французы наступали, туареги уходили в пустыню. Видите этот памятник? Он сохранился со времен французского владычества.— И Муфта протягивает руку в направлении бетонного обелиска, утопающего в песках площади.— Он поставлен в честь полковника Боннье и десяти офицеров, перебитых туарегами. Мы не разрушили его потому,— улыбается Муфта,— что считаем его воздвигнутым не в честь господ офицеров, понесших заслуженную кару, а в честь людей, боровшихся за свою независимость.

...Этот поразительный город возник в центре Африки в XI ве-[redacted]

Он разрастался стремительно. Еще бы! Будущий город находился на великом пути соли и кола. Соль шла с севера на юг, со знаменитых копей Тауденни в Сахаре. Орехи кола шли с юга на север. Этот орех — тонизирующее средство — заменяет в Африке табак, кофе, вино и чай.

Но это был путь не только соли и кола — это был великий путь движения тканей и рабов. Ткани шли с севера на юг, черные рабы — с юга на север...

Сегодня улицы города покрыты песком, по которому почти невозможно ехать на автомашине. От древних времен остались только удивительные по своей архитектуре мечети с выпирающими деревянными связями. Старые арабские рукописи говорят о том, что в Тимбукту находился знаменитый университет. Сюда через Сахару шли набираться мудрости ученики из Каира, из Мекки. Говорят, что даже от нас, из Самарканда, сюда приезжали ученые, чтобы обменяться мнениями, почерпнуть новые знания в университете.

Войны накатывались на город, как тяжелые волны песка. Он переходил из рук в руки — от африканцев к арабам, был под властью туарегов. В конце прошлого века город захватили французские колонизаторы.

О Тимбукту впервые была написана книга французским юношей Рене Кайе, он побывал здесь в 1828 году. Искателя приключений занесло в Центральную Африку ветром романтики. Но он не был первооткрывателем. За несколько лет до него здесь побывал офицер 2-го Западноиндийского полка Александр Гордон Ланг. На доме, где он жил, и по сегодня сохранилась литая бронзовая доска, учрежденная Африканским обществом Англии лет тридцать тому назад. Побывал здесь и немец Генрих Барт.

Кто были эти люди? Авантюристы или ученые? Искатели приключений или пионеры будущей колонизации? Сейчас это трудно сказать. Но французы захватили африканский город, поработили его население и заставили туарегов уйти в пески Сахары. И только великий, всепобеждающий ветер свободы, пронесшийся над нашей планетой в последние годы, вновь возвратил независимость городу. В 1960 году ушел из Тимбукту последний французский солдат.

— До сих пор население помнит, как развлекались в Тимбукту господа офицеры и парашютисты,— рассказывает Аман Сисе, мэр города Тимбукту, один из политических руководителей района.— Да стоит ли об этом вспоминать сегодня! — продолжает он, словно стряхивая какие-то недобрые воспоминания.— Вы видите форт «Али Баба». Его построили французы на месте старинного университета, полностью уничтожив руины, которые могли быть гордостью нашего народа.

Всего лишь недавно мы добились свободы,— говорит мне Сисе.— Конечно, для истории такой срок почти ничто. Но вы можете сами увидеть, сколько уже сделано.

Слушая Сисе, я вспоминаю проутюженную машинами площадку аэродрома, возведенного на границе саванны и песков. Бетонированная дорожка тянется до горизонта. Этому аэродрому суждено стать перекрестком воздушных путей в новой Африке.

Еще урчат красные машины, трамбуя грунт, но уже гудят самолеты над Тимбукту. И вот из четырехмоторного «ИЛ-18» выходят африканцы, приехавшие сюда на конференцию. Белые «бубу», яркие чалмы и фески, полупрозрачные, затканные золотом и серебром женские покрывала. Все это выплескивается на яркое солнце сквозь широко распахнутые двери самолета. А чешские летчики, обслуживающие линию «Эр Мали», громко обмениваются новостями с аэродромной командой на французско-чешском языке.

Да, здесь много экзотики! Но новая жизнь уверенно вторгается на африканский континент, руша устаревшее, поддерживая прогрессивное, утверждая все лучшее. Даже там, где экзотика опирается на древние традиции, крепнет и ширится новое, принесенное свободой и стремлением к преобразованиям.

— Сегодня я дам вам попробовать знаменитую воду из Тауденни,— сказала мне как-то хозяйка гостиницы Займа Альгапси, когда я пожаловался ей на недомогание.— Вы, наверное, не знаете, что это такое?

— Нет, не знаю.

Займа достала из холодильника странного вида ларец, похожий на небольшой чемоданчик, расписан-

САХАРЕ

ный яркими красками. Национальный узор туарегов был вырезан на незнакомом мне материале, из которого был сделан ла-[redacted]

— Он вырублен из каменной соли Тауденни,— пояснила Займа.

Она сняла тяжелую, словно чугунную, крышку, и в углублении переливающегося при солнечном свете соляного саркофага я увидел сосуд с водой. Займа налила четверть стакана и сказала:

— Пейте! Она лечит от всех болезней.

Пузырьки газа торопливо расселись по стенкам стакана. Медленно пил я воду Тауденни. Она была солоновата и горчила.

— Так, что ж в ней особенного? — спросил я, опрокинув ста-[redacted]

— Ну, хотя бы то, что вода эта попала сюда из Тауденни...

С IX века известны соляные россыпи, находящиеся в центре Сахары. Кем они были открыты — неизвестно, во всяком случае, существуют они очень давно. Путь к Тауденни — это дорога страданий и труда. До сегодняшнего дня соль добывается там в нечеловечески трудных условиях и вывозится только на верблю-[redacted]

Караван из десяти-одиннадцати тысяч верблюдов уходит в пески. Восемьсот километров пути по зыбкому песчаному морю, где нет пищи для верблюдов, нет ни капли воды. Двадцать пять дней непрерывного движения по пустыне. Караван идет ночью, ориентируясь по звездам. Днем отдыхают и люди и животные: угнетающая жара не позволяет двигаться. Из каждых ста верблюдов двадцать пять везут воду и пищу.

Через двадцать пять дней караван достигает цели. И вот на спины одногорбых верблюдов погружают плиты каменной соли размером с обеденный стол и толщиною с ладонь. На каждого верблюда — четыре плиты. И опять двадцать пять дней обратного изнуряющего пути по пескам. Только одна плита — собственность человека, который трудится в копях Тауденни, три — плата погонщику верблюдов за доставку.

— Никто не знает, сколько людей работает на копях. Иногда их бывает много, иногда — никого. До последнего времени там существовала своя, основанная на религиозном принципе республика,— рассказывает мне Сисе, мэр города.— Власть была в руках каида, властелина, избранного богом. Он был судьей, хозяином судьбы и жизни людей. В Тауденни есть единственный крохотный источник, дающий воду. Ее ценят на вес золота: говорят, что вода Тауденни излечивает от всех болезней.

— А что изменилось сегодня на соляных копях? — спрашиваю я.

Сисе оживляется.

— В Тауденни установили маленькую радиостанцию, там создан политический комитет, туда завозят товары и продукты из магазина «Сомиэкса» — это наш государственный магазин,— поясняет Сисе.— А вот караваны еще остались... По таким барханам не пройдет ни одна машина. Восемь-[redacted] километров — пока долгий путь.

Так даже в самое сердце пустыни стучится и врывается новая [redacted]

...Мы идем по зыбучим песчаным улицам Тимбукту. Поздний вечер. В небе между африканскими звездами, словно пирога, плывет ущербный месяц. Оглушительно стрекочут цикады, шелестят широкие кроны деревьев, будто по колено погруженных в песок. Около здания, освещенного керосиновой лампой «Летучая мышь» (электричества еще нет в городе), мы видим группу людей и слышим глухие удары барабанов. Это «додо» — национальный танец ребятишек, что-то вроде наших рождественских колядок.

Несколько ребят в причудливых масках с турьими рогами и мохнатыми гривами, сплетенными из волокнистых растений, пляшут, подражая движениям каких-то загадочных животных. Они поют под глухие удары барабанов.

Парень в маске с турьими рогами неожиданно падает возле нас на землю и, обращаясь к нам, кричит:

— Хотите долго жить? Дайте нам что-нибудь. Не хотите жить долго? Тогда мы уйдем!

Все смеются. Ничего не поделаешь — это традиция, а мы хотим жить долго.

— Существует такая легенда,— медленно говорит Муфта, когда мы возвращаемся в гостиницу.— Кто увидит ночью на улицах Тимбукту белого всадника на белом коне, тот не может сдвинуться с места. Он умирает или сходит с ума. Не знаю, кто придумал эту сказку, чтобы устрашать людей.

На улицы города пришла новая жизнь. Да и люди стали совсем другими — никто не верит больше старым легендам. Недавно принято решение о постройке электростанции. С опаской и тревогой следят за успехами молодой республики люди, которые мечтали повернуть историю вспять. В Тимбукту, где живет всего два католика (и десять тысяч мусульман), имеется три американских католических миссионера. Я видел одного из этих господ. Он сидел за рулем вездехода. Колониальный шлем свешивался над загорелым лицом. Полувоенная форма, большой крест на широкой груди.

— Под сиденьем у него автомат,— пояснили мне африканские друзья.— А занят этот господин главным образом спекуляцией предметами народного искусства.

Да, эти господа стремятся во что бы то ни стало сохранить незыблемой древнюю мистику города Тимбукту! Но мы видим, как сквозь распахнутые двери, отбрасывая назад старое, в Африку стремительно врывается новый век — век радио, авиации, электричества. Век крушения колониализма и торжества света свободы.

Самолет компании «Эр Мали» прибыл в Тимбукту.

На улице в Тимбукту.

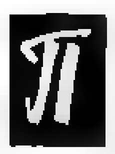
— Плюс три! — кричит бегуну его тренер Г. И. Никифоров.

БИТВА СЕК

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина, В. Светланова.

Мысли перед стартом

редставьте себе рассказ, написанный четырнадцатью авторами, рассказ, в котором всего двадцать одна строка. Правда, недавно — 11 августа — появилась еще и двадцать вторая строка, и ею, в сущности, нам бы хотелось ограничиться, но ведь она всего лишь часть единого рассказа и не может существовать без других, предыдущих.

Итак, прежде чем подойти к последней и пока что заключительной фразе этого короткого и вместе с тем очень длинного повествования (время его действия — 65 лет, место действия — 10 европейских столиц и 2 портовых города), надо хотя бы одним взглядом окинуть все строки. Вот две первые — они написаны французами, вот две следующие — они принадлежат шведам. Есть там и строки, написанные по-фински (их целых 8), и по-чешски, и по-венгерски, а в 1956 году появилась в этом рассказе и русская строка (20-я по счету). Но как же называется эта коллективная маленькая повесть? Не очень замысловато: «Мировой рекорд бега на 10 000 метров».

Эта удивительная повесть является плодом борьбы и содружества спортсменов разных стран и разных поколений. Давно уже покинул беговую дорожку финский стайер Пааво Нурми, и теперь за мировые рекорды, показанные им, бегуну не присвоили бы звания мастера спорта. Но Нурми передал свой опыт другим финским стайерам, в борьбе с одним из них — Хейно — рос Эмиль Затопек, в ожесточенном споре с Затопеком появился наш Куц, а затем рядом с ним возник на беговой дорожке и Петр Болотников.

На стадионах Хельсинки и Праги, Парижа и Брюсселя, Берна и Лондона, Будапешта и Белграда, Москвы и Рима, Мельбурна и Бергена шла невиданная битва секунд. К лету 1962 года, за 65 лет, у времени было отвоевано 6 минут 10 секунд. И вот 11 августа 1962 года мы снова увидели на беговой дорожке в Москве сильнейших стайеров.

Четыре года тому назад на таком же личном чемпионате страны эту группу возглавлял Владимир Куц. Теперь автор двадцатой рекордной строки сидел среди зрителей на трибуне, вместе со всеми нетерпеливо ждал начала бега на 10 000 метров и не сводил глаз с Болотникова — человека, который должен продолжить славную историю мирового рекорда.

«Второй пилот»

Когда в 1954 году молодой Куц впервые установил мировой рекорд в беге на 5 000 метров на чемпионате Европы в Берне, Петр Болотников был еще новичком. Лишь следующим летом ему удалось познакомиться с Куцем на дорожке стадиона и пробежать за ним свой первый круг. Знал ли Болотников тогда, сколько ему придется пережить тяжелых минут на этом круге? Шло время, креп, набирался сил молодой стайер, росло число стартов, взятых им рядом с Куцем, росло число километров, пройденных им в борьбе с знаменитым бегуном, а ему еще ни разу не удалось быть первым на финише. И с каждым новым финишем все чаще называли его «вторым пилотом», «тенью» ведущего.

И все же были в жизни «второго пилота» радостные минуты. На I Спартакиаде народов СССР в 1956 году Болотников стал третьим призером в беге на 5 000 метров, а вскоре после этого в рекордном забеге Куца на 10 000 метров Болотников хоть и отстал от него почти на минуту, но все же был на финише вторым.

И все же как удивился бы Петр Болотников, если бы ему сказали тогда, что следующая, 21-я, строка в рекордном списке будет принадлежать ему! Разве об этом можно говорить серьезно? О какой победе можно мечтать, если вскоре Болотников потерпел сокрушительную неудачу. И где? В Мельбурне, на XVI Олимпийских играх! Первый международный дебют попутчика Куца закончился полнейшим крахом: бег на 10 000 метров Болотников закончил шестнадцатым, а на дистанции 5 000 метров финишировал девятым.

Правда, летом 1957 года Болотникову удалось почувствовать вкус победы. Куц заболел, и «второй пилот» должен был взять в руки штурвал большого международного состязания. В Москве на III Всемирных играх молодежи он встретился с третьим призером мельбурнской олимпиады в беге на 10 000 метров австралийцем Алланом Лоуренсом и победил его. И это не было случайностью. Ведь в том же году Болотников добился невозможного: на чемпионате страны он победил самого Куца на десятикилометровой дистанции. Какие же еще нужны доказательства тому, что Болотников — стайер первой величины!

Но через месяц равновесие сил на беговой дорожке было восстановлено. Куц снова занял свое законное место у бровки, и вскоре на Римском стадионе Болотников увидел, как и обычно, его спину, чуть втянутую в плечи голову и согнутые в локтях руки. Куц снова успешно штурмовал мировой рекорд, на сей раз на пятикилометровой дистанции.

Право на наследство

Тут трудно было что-нибудь изменить даже после новой победы Болотникова над Куцем в 1958 году. Куц после этого поражения закончил свой путь бегуна, но Петр Болотников все равно чувствовал перед собой знакомую спину. Ведь два мировых рекорда Куца не побиты никем, так чего же стоят все призовые медали, которые Болотников сможет получить? По времени Куц, покинувший беговую дорожку, все равно впереди, как всегда впереди.

А тут еще новая неудача обрушилась на Болотникова: он крайне неудачно выступил в московском матче СССР — США. Как же справится бегун с ролью «первого пилота» в Риме, на XVII Олимпийских играх? Сможет ли он выдержать натиск лучших стайеров мира? Ведь теперь на место Куца будут претендовать такие замечательные бегуны, как немец Ханс Гродотцки, поляк Здислав Кшишковяк, новозеландец Мюррей Хальберг, а может быть, и Герберт Эллиот, молодой австралиец, который, увидев Куца на Мельбурнском стадионе, вдохновился его бегом. Теперь Эллиот делает большие успехи в беге на 1 500 метров, но ведь именно эта дистанция — лучшая школа современных стайеров.

Что скрывать: тревога была так сильна, что Болотников стал подумывать о том, чтобы уйти вслед за Куцем с беговой дорожки. Это были трудные годы. Рекорды Куца стояли непоколебимо, но к ним приближались Гродотцки и Хальберг. Да, в преемниках у Куца не было недостатка. Много бегунов из разных стран готовилось к тому, чтобы разделить его наследство.

И вот пришел день, когда все наследники двукратного рекордсмена мира собрались в Риме на олимпийском стадионе. Вот где должен был решиться вопрос куцевского наследства! И как радовались мы, свидетели бега на 10 000 метров, когда Болотников в великолепном финишном рывке вырвался вперед, отбросил назад всех своих соперников и первым коснулся финишной ленточки! Но мало кто знал тогда, что уже на следующее утро тут же, на Римском стадионе, Болотников провел очередную тренировку. Никому не была известна задача, поставленная перед бегуном его тренером Григорием Исаевичем Никифоровым. А задача эта была предельно точна и беспредельно трудна: бить рекорд Куца на 10 000 метров.

Петр Болотников начал штурмовать этот рекорд, равный 28 минутам 30,4 секунды, через 20 дней после возвращения из Рима — на соревнованиях в Краснодаре — и потерпел неудачу. Через пять дней после этого он стартовал в Киеве на дистанции 5 000 метров и снова проиграл битву секунд. И тогда через 11 дней он опять взял старт в беге на 10 000 метров и финишировал на сей раз с временем 28 минут 18,8 секунды... Так пал один из мировых рекордов Куца, так Петр Болотников стал по праву «первым пилотом» беговой дорожки.

Строка двадцать вторая

В начале нынешнего лета Болотников удивил многих знатоков стайерского бега в Хельсинки, на фестивальных играх молодежи. Он там не улучшил своего рекорда, но скорость, показанная им на дорожке, где некогда выступали прославленные бегуны на длинные дистанции, восхитила Эмиля Затопека.

— Я еще никогда не видел Петра Болотникова в такой отличной форме,— заявил знаменитый чехословацкий стайер. И вот уже другой известный бегун, Куц, с нетерпением ждет начала бега Болотникова, на сей раз в Москве.

Уже после первого километра стало ясно, что Болотников собирается не просто выиграть бег. Для этого незачем после первого километра на полторы секунды превышать свой рекордный график.

После двух километров Болотников имел в запасе целую секунду. После четырех километров не уступил ни одной десятой, а после пяти километров число отбитых у пространства секунд возросло сразу до трех...

Три секунды, три черточки на циферблате хронометра. Много это или мало? Сейчас эти три секунды — громадная величина. С каким восторгом встречают зрители каждое новое сообщение радиоинформатора! Тысячи людей захвачены великолепным бегом спортсмена. Его легкий, широкий, стелющийся бег по-прежнему упруг, точно соразмерен, ритмичен, и шаг сливается с шагом, как строка со строкой... Но что это? Шесть километров пройдены за 16 минут 57 секунд. Столько же затратил Болотников на 15 кругов два года тому назад в Киеве! Значит, все завоеванные секунды улетучились, растеряны на одном километре? Их было три, а теперь ноль! Круговой ноль! Как же так? И шаг у бегуна, кажется, такой же уверенный, и многие его соперники отброшены почти на круг, а трех секунд как не бывало.

Что же будет дальше? Сможет ли бегун, узнав о такой катастрофической потере, побороть усталость, отбросить сомнения? Ответ на этот вопрос последовал очень скоро: после семи километров Болотников уже проигрывал две секунды. Он был по-прежнему недосягаем для всех участников этого бега и все же проигрывал... себе самому.

Три километра до финиша и две секунды в пассиве! Сколько же людей, следивших в эти минуты за течением бега, ловили себя на том, что дышат так же порыви-

У Н Д

сто, как сам Болотников, и чувствуют каждое стремительное движение секундной стрелки. Ее не остановишь, эту стрелку. Неумолимо катится она вперед, к своему финишу...

Но что сообщает радиоинформатор?

— Минус полсекунды,— гремит его голос над стадионом,— всего полсекунды проигрывает теперь Болотников!

Значит, бегун увеличивает скорость! Полторы секунды отбиты! Теперь вперед! Смелей, быстрей!..

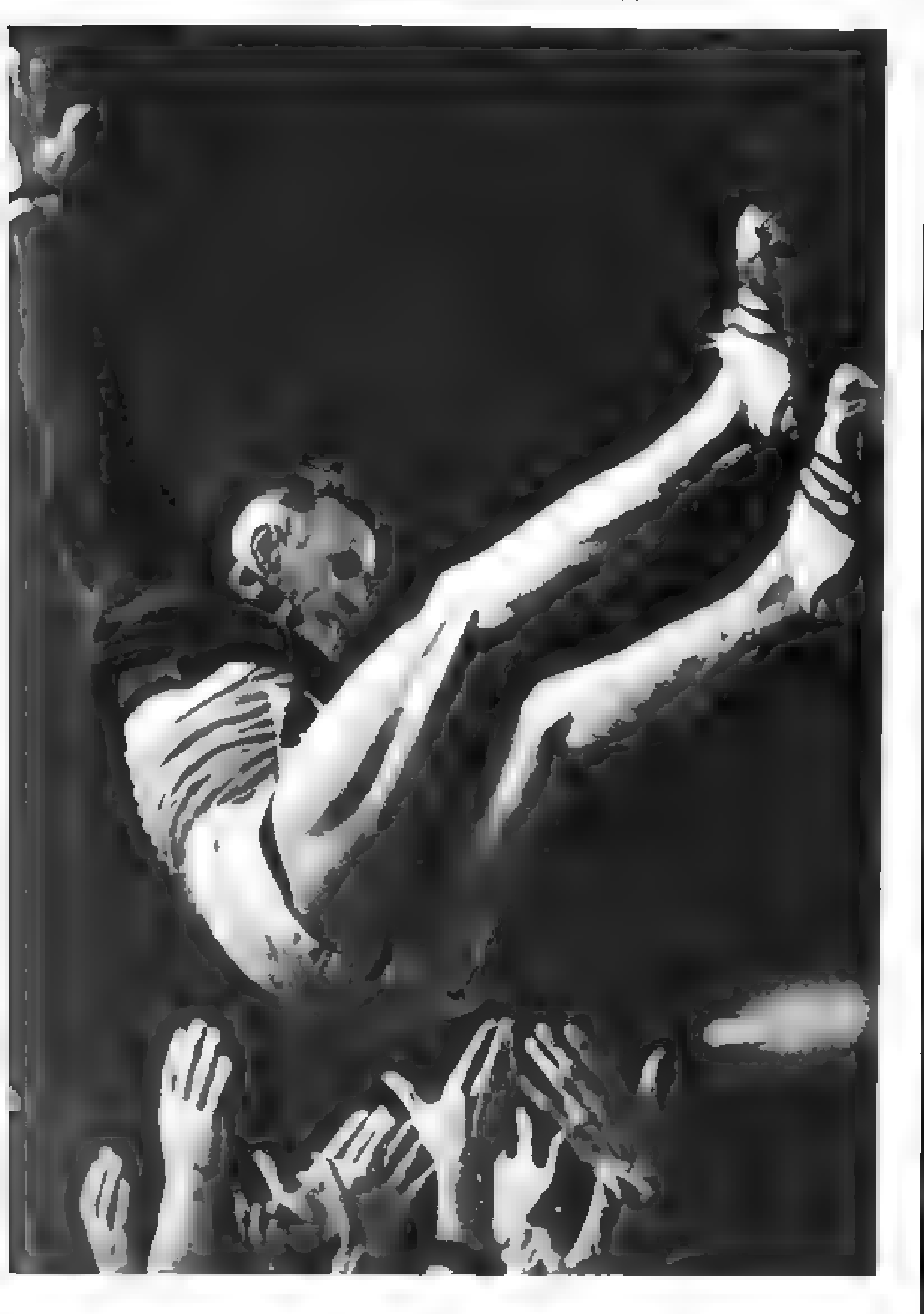
Пройдено девять километров. Что же теперь? Чего добился Болотников перед последним километром? Ничего! Положение без перемен. Все те же «минус полсекунды». А впереди последние два круга. Это самые трудные круги для бегуна. На двух последних кругах обычно секунды и побеждают человеческое сердце. Сколько разбитых надежд громоздится на подводных рифах перед бухтой финиша! Но Болотников, еще готовясь к XVII Олимпийским играм в Риме, уделял особое внимание проблеме десятого километра. Он учился пробегать последний километр на максимальной скорости. И все же перед последним кругом время Болотникова было хуже рекордного графика уже не на пять десятых, а на восемь десятых секунды. Трудно, очень трудно бороться с усталостью один на один, трудно дышать, невыносимо тяжело отталкиваться от земли, выдерживать длину и упругость шага.

И все же на последних четырехстах метрах бегун не только отбил эти восемь десятых, но и прибавил к ним еще шесть десятых секунды!..

28 минут 18,2 секунды — так теперь звучит 22-я и последняя строка рассказа о беге на 10 000 метров...

Но кто же будет автором 23-й строки? И когда будет написана эта строка? Кто знает! Быть может, очень скоро: здесь 12 сентября в Белграде на чемпионате Европы Петр Болотников встретится со своими главными соперниками. Там-то и вспыхнет с новой силой битва секунд.

Рекордный бег закончен. И сразу с беговой дорожки Петр Болотников взлетел в воздух.

СВЕТЛОЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Тембот Керашев.

Адыгея издавна славится своими ашугами и сказаниями. Однако, как говорил народный поэт Адыгеи Цуг Теучеж:

> Раньше каждый год был шагу равен,
> Каждый день наш — это шаг вперед.

В 1918 году создана адыгейская письменность и родилась адыгейская литература. Богатое поэтическое наследие народа, традиции русской и советской литературы были почвой, на которой расцвел народный талант Адыгеи — Тембот Магометович Керашев из аула Кошехабль. Керашева по праву считают основоположником адыгейской прозы. Начав свою деятельность в 1925 году, он написал много рассказов и очерков, несколько повестей, романы «Дорога к счастью» и «Состязание с мечтой». Совсем недавно писатель закончил пьесу «Дочь строгой матери», поставленную Майкопским национальным театром. Вышедший из народа, кровно связанный с ним, Керашев стал певцом Адыгеи. Язык его произведений сочен и выразителен. Писатель берет из сокровищницы народной мудрости острое слово и меткое выражение.

Основными героями произведений писателя являются наши современники, борющиеся за утверждение коммунистических идеалов. Таков сборник рассказов «Позор Машуна», в котором автор ратует за раскрепощение женщины-горянки, за освобождение ее от пут шариата.

Один из героев рассказа Керашева «Суд старших» провозглашает:

— Старший тот, кто говорит правду!

Правдой дышат романы Тембота Керашева «Дорога к счастью» и «Состязание с мечтой». В первом повествуется о суровой классовой борьбе в ауле в период организации колхозов; во втором — о борьбе нового со старым в современной адыгейской деревне.

Большой творческий путь прошел Тембот Магометович Керашев. Начав с рассказов и статей, с перевода «Интернационала» на адыгейский язык, писатель пришел к своему 60-летию крупным художником.

Да, скажем мы о Керашеве словами его героя из романа «Дорога к счастью»: коммунист — это самый смелый и самый честный человек.

Писатель и сейчас полон творческих замыслов. Пожелаем же ему, как говорят адыгейцы, умножать достоинство своего народа.

[illegible]

М А Л Ы Ш А М

У П Р Я М А Я Т Е Н Ь

Досталась мне
Самая вредная тень.
Ходит и ходит
За мной целый день!
То сзади шагает,
То сбоку шагает,
И даже вперед
Иногда забегает!
Я спать перестал,
Я измучился прямо,
Ну как отвязаться
От тени упрямой?
Я заперся в шкаф
И от страха дрожу.
А вдруг догадается,
Где я сижу?

М. ФАЙЗУЛЛИНА

Перевел с татарского
Н. УМЕРОВ.

Ш М Е Л Ь

Смотри, какой сердитый
шмель!
Гостей совсем не любит.
Забрался в мягкую постель
И дремлет прямо в шубе!

В душистой чашечке цветка,
Как видно, сладко спится,
Покуда тихо все, пока
Еще не встали птицы.

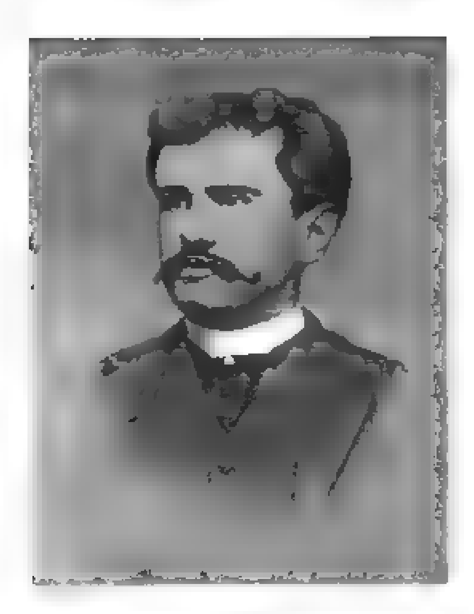
Но только лишь проглянет
день,
А шмель уж чистит шубку:
Опять до ночи хватит дел,
Он занят не на шутку!
Росой он жажду утолит,
И полетит,
и полетит
От лилии к ромашке,
И от гвоздики
к кашке!

Несет он нежную пыльцу,
И всем жужжит с любовью:
«Не беспокойтесь,
я лечу!
Цветите на здоровье!»

Римма ГАЛИНСКАЯ

В. ВЛАДИМИРОВ

ГАРУН АЛЬ-РАШИД НАД ПОДЗЕМКОЙ

О'Генри.

К столетию со дня рождения

С немногочисленных фотоснимков, оставшихся от покойного Уильяма Сидни Портера (весь мир знает его под псевдонимом О'Генри), глядит на нас лицо типичного «среднего американца». Это одно из тех лиц, про которые когда-то писали в паспортах: «особых примет нет». Между тем у О'Генри была «особая примета», которая называется литературным талантом.

Билл Портер родился 11 сентября 1862 года. Первые удары жизни он начал получать с детства. Трех лет от роду он потерял мать. Отец его был бедствующим провинциальным врачом, сильно склонным к спиртным напиткам. Билла Портера воспитывали бабушка и тетка. С молодых лет узнал он, что такое жестокость, несправедливость, равнодушие, бедность,— все, что в Америке называется «невезением». Ибо по лицемерным понятиям, выработанным на бирже, в церкви и на ринге, каждый человек имеет свой шанс в жизни, и горе тому, кто вовремя не успеет за него ухватиться!

Пятнадцатилетний подросток, только что выйдя из школы, становится за аптечный прилавок и вскоре получает диплом фармацевта. Но работа в аптеке губительно отразилась на его здоровье. Через четыре года ему пришлось уехать на скотоводческое ранчо в Техас, где молодой худосочный аптекарь попал в новый для него круг удалых пастухов-ковбоев. Курьезное столкновение городского уличного мальчишки с богатырями степей и его неожиданный финал с блеском отражены в превосходном рассказе О'Генри «Санаторий на ранчо».

Билл Портер, однако, не стал «самым лихим загонщиком на все ковбойские лагеря», как его герой Мак-Гайр. Свидетели говорят, что он всегда и повсюду оставался застенчивым и сдержанным человеком, тщательно одетым, любившим самые изысканные выражения английского языка.

Таким же был он и на службе — то в табачной лавке, то в земельном управлении. Вот серьезное, невозмутимое лицо этого «среднего американца» в кассе Первого национального банка, в городе Остине, штат Техас. Внимательно смотрит он через решетку, отделяющую кассира от публики. Невольно кажется, что это не ограда кассы, а решетка тюрьмы. И в самом деле, не приспособленный к темным махинациям банковских заправил, Билл Портер закончил свою финансовую деятельность в [redacted]

Виновен ли Билл Портер в растрате, до сих пор остается загадкой. Следствие показало, что владельцы банка часто брали «ссуды» из кассы в отсутствие кассира. Один из биографов О'Генри подчеркивает, что кассир ушел из банка в декабре 1894 года, а растрата произошла в ноябре 1895 года. Во всяком случае, против Портера возбудили судебное дело, и он в панике бежал в Новый Орлеан, а оттуда на каботажном суденышке в Гондурас.

Так началась латиноамериканская эпопея О'Генри. Профессиональный бандит Эл. Дженнингс, написавший книгу под названием «О'Генри на дне», встретил в городе Трухильо в Гондурасе элегантно одетого человека с утонченными манерами и растерянным выражением лица. Это был Портер. Двое бежавших от американского правосудия быстро подружились. Вместе они перенесли несколько приключений (в том числе случайное участие в одном из местных путчей), после которых им пришлось оставить Гондурас и перебраться в Мексику.

Много лет спустя О'Генри написал одно из своих лучших произведений — «Короли и капуста». В этом романе пестрой фантасмагорией отразилась нищая, жалкая жизнь маленькой республики, в которой все население ходит босиком, а процветают только американские авантюристы и банановые короли.

В романе имеется «Присказка Плотника»: «Торгаши из Германии, Сицилии, Франции (автор из осторожности не упоминает главного торгаша, США.— В. В.) выуживают отсюда монету и набивают ею свои кошельки. Знатные проходимцы толпятся в прихожих здешних повелителей с проектами железных дорог и концессий. Крошечные опереточные народы забавляются игрою в правительства, покуда в один прекрасный день в их водах не появляется молчаливый военный корабль и говорит им: «Не ломайте игрушек!..»

Если верить Дженнингсу, то в Мексике Билл Портер едва не был убит из ревности. Бандит спас своего приятеля, выстрелив в лицо обидчику. Положение беглецов сильно осложнилось. Развязка оказалась неожиданной: пришла телеграмма о смертельной болезни жены Портера, и он помчался на родину. Там он был немедленно арестован за растрату.

Все это похоже на остросюжетную новеллу самого О'Генри. Бывший кассир на суде молчал. Есть предположение, что он боялся выдать своих хозяев. Приговор: пять лет [redacted]

Портер отсидел три года и три месяца. Он работал в тюремной аптеке и много писал.

Рассказы заключенных давали ему большой материал. Его знаменитая история со взломщиком несгораемых шкафов Джимми Валентайном, который освобождает племянницу своей невесты из захлопнувшегося сейфа, во многом заимствована из трагической биографии известного взломщика, двадцатилетнего Дика Прайса. Прайсу, осужденному к пожизненной каторге, обещали помилование, если он откроет неисправный сейф. Прайс, спилив себе до основания ногти, ощупал и открыл сейф в течение двенадцати секунд, но обещанного помилования не получил. Через несколько месяцев он умер в тюрьме. Портер приукрасил этот случай и сделал его приемлемым для благодушных «средних американцев», читающих еженедельные журналы.

Рассказы писателя, сидящего в тюрьме, начали печатать. Но автор устыдился подписывать их собственной фамилией. Случайно перелистывая справочную книгу аптекаря, он натнулся на фамилию известного французского фармацевта О. Анри (пишется — О'Ген-

---

Рисунки Ю. Черепанова.

РАЗГОВОР С ПАРИКМАХЕРОМ

О'ГЕНРИ — Рассказ

Почтовый служащий виновато опустился в кресло под высокомерным и пренебрежительным взглядом парикмахера. Какой у него был дьявольский, холодный и самоуверенный вид, и с каким бесконечным презрением относился он к посетителям!

За день до этого почтовик коротко постригся.

— Стричь? — спросил парикмахер спокойным, но угрожающим тоном.

— Нет, побриться,— ответил почтовик.

Парикмахер поднял брови, с глубоким презрением посмотрел на свою жертву и с громким скрежетом и треском отбросил назад спинку кресла.

Потом он схватил чашечку и кисточку и, бросив на почтовика безмерно оскорбленный взгляд, с язвительной усмешкой пошел к крану. Затем он вернулся, закутал свою беспомощную жертву в огромную простыню и безжалостной рукой наложил толстый слой сладковатой мыльной пены на рот.

После этого он начал разговор.

— Бывали когда-нибудь в Сиэтле, территория Вашингтон? — спросил он.

— Бу-бу-бу,— сказал почтовик, борясь с мыльной пеной, и слабо покачал головой.

— Я тоже не был,— сказал парикмахер.— Но у меня есть брат по имени Билл, который имеет апельсиновый сад в девяти милях от Сен-Джона, во Флориде. У вас на шее торчат волосы. Они растут неправильно. Так бывает, когда бреют шею против шерсти. Иногда они растут так из-за виски. Виски — ужасная вещь. Вы пьете виски?

У почтовика на лице только один глаз не был покрыт пеной, и он попытался придать ему выражение, означающее отрицание, но парикмахер опередил его и проворным взмахом кисточки заполнил глаз пеной.

— Мой брат Билл сильно пил,— продолжал парикмахер.— Он мог выпить больше виски, чем любой человек в Хьюстоне, но никогда не был пьян. Он работал в моей парикмахерской, но мне пришлось распрощаться с ним. Билл удивительно крепкий человек. Когда он выпивал столько, что уж больше не мог, он переставал пить. Это можно было видеть только по его глазам. Они становились тусклыми, как у рыбы, и не поворачивались в его голове. Если Билл хотел посмотреть в сторону, то обычно слегка поворачивал глаза пальцами туда, куда хотел взглянуть. Его глаза выглядели совсем так, как те маленькие круглые окошки, что видны под куполом почтового отделения. Если Билл нагрузился, можно было слышать через улицу, как он дышит. Пьяный, он мог брить людей так же хорошо, как и трезвый. Вас не беспокоит бритва?

Почтовик попытался помахать рукой в знак того, что ему не больно, но зоркий глаз парикмахера заметил это движение. Парикмахер всем телом налег на руку, придавив ее к креслу.

— Я увидел,— продолжал парикмахер,— что у Билла вчетверо больше клиентов, чем у меня, хотя он так много пил. Приходили сразу по три-четыре человека и садились ждать своей очереди к Биллу, хотя мое кресло пустовало. Я не знал, что делать. У Билла работы было по горло, он был так занят, что не имел времени сходить в трактир. Но обычно он держал большую бутыль в задней комнате и каждые несколько минут ускользал туда, чтобы выпить.

Однажды я заметил, что человек, поднявшийся с кресла Билла, вел себя как-то странно и шатался, выходя из парикмахерской. Через день или два после этого парикмахерская была полна людьми с утра до вечера, и один человек утром три раза возвращался и брился. Еще через два дня у парикмахерской собралась толпа людей, и они выстроились в очередь на тротуаре. Билл в этот день заработал

На русском языке рассказ публикуется впервые.

ри) и избрал ее своим псевдонимом.

В начале XX века талантливый американский писатель вышел из тюремных ворот, произнеся ироническую фразу: «Тюрьмы могли бы оказать известную услугу обществу, если бы общество выбирало, кого туда сажать».

В 1903 году О'Генри подписал контракт с нью-йоркской газетой «Уорлд». Он обязался еженедельно писать короткий рассказ по сотне долларов за «штуку». Работал он лихорадочно и за свою недолгую жизнь написал 273 рассказа, далеко не равноценных.

Последняя жизненная эпопея Билла Портера связана с Нью-Йорком, который он шутливо назвал «Шумн-городок над подземкой». Не было уголка в этом огромном человеческом улье, куда не ступала бы нога «современного Гаруна аль-Рашида». Слава О'Генри росла изо дня в день, но он всячески избегал литературного общества. Даже в редакциях журналов и издательств его видели только изредка. Зато его постоянно можно было встретить у морских причалов, в портовых салунах, в трущобах Бауэри, в кабачках Гринич-Виллидж, где он оживленно беседовал с грузчиками, матросами, искалеченными боксерами, аферистами, неудавшимися художниками, шулерами, проститутками, извозчиками, уличными скрипачами, «живыми рекламами», прогоревшими маклерами, юными чистильщиками ботинок и ирландскими заговорщиками — со всей многообразной массой, населяющей нью-йоркское дно и первые ступени и этажи социальной лестницы, непосредственно к этому дну примыкающие.

Читатель еженедельного короткого рассказа не любит трагедий. Ему обязательно нужен захватывающий сюжет с благополучным концом. Ему нужен рассказ, который можно прочитать в подземке, пережевывая бутерброд с сосиской. Ему нужен моральный заряд для работы в надоевшем оффисе, и О'Генри такой заряд давал.

Но писатель знал, что сочиняет сказку. «Фантазия,— говорил он,— почти единственный данный нам повод говорить правду». Поэтому его Нью-Йорк превратился в некий волшебный Багдад, где миллионеры влюбляются в продавщиц, где громилы рассуждают на литературные темы, где звезды эстрады бросают карьеру ради сельской тишины, где ночной вор становится другом своей жертвы.

Психологической глубины в разработке персонажей О'Генри немного; они взяты из реальной жизни, как гротесковые персонажи Чарли Чаплина. И так же, как у Чаплина, достаточно отбросить в сторону добродушную иронию и пародийную надежду найти свой шанс в жизни, как они предстают перед нами подлинными жертвами американского образа жизни. Таков был и сам О'Генри.

Впрочем, иногда правда переступала через законы сюжета и разбивала невидимую «моральную цензуру» американских газет и журналов. Тогда О'Генри писал жестокие рассказы, как «Пути, которые мы избираем», где бывший грабитель поездов продолжает свою пиратскую деятельность на нью-йоркской бирже, пуская ко дну не конкурента, а своего же компаньона.

Вокруг творчества О'Генри существует многолетняя полемика, которая не утихла и в наши дни. Иные считали его родоначальником «вагонного чтива» в литературе, другие объявляли его «фальсификатором жизни», третьи провозглашали его светочем американского рассказа, четвертые ставили его рядом с Твеном. Вряд ли сам писатель претендовал на пышные литературные лавры, но он постоянно шел вперед. «Все, что я писал до сих пор,— сказал он незадолго до смерти,— проба пера по сравнению с тем, что я напишу через год».

После его смерти на рабочем столе лежал недописанный рассказ «Сон», который с точки зрения среднего американца мог бы показаться дерзким. Некий Мэррей, убийца из ревности, присужден к смертной казни, и его ведут на электрический стул. По дороге к месту казни он теряет чувство реальности. Ему кажется, что он приезжает домой, в хорошенький домик, где его ждут любимая жена и ребенок. Он убеждается в том, что это и есть реальность — смертный приговор был только сном... И тут руки шести тюремных смотрителей нажимают одновременно шесть кнопок... У Мэррея на самом деле нет «шанса» в жизни, есть только иллюзия завтрашнего дня...

О'Генри умер от болезни печени в 1910 году, сорока восьми лет от роду. Похороны его были похожи на юмористический рассказ. В разгар панихиды в церковь по ошибке прибыл веселый свадебный кортеж и расположился на паперти в ожидании конца похорон.

В Советском Союзе О'Генри давно и широко известен. Еще в 1925—1926 годах было издано четырехтомное собрание его сочинений. Количество названий отдельных сборников писателя, изданных на русском языке, приближается к восьмидесяти. К этому надо прибавить несколько сот публикаций его произведений в журналах и газетах, несколько инсценировок для театра и один из первых кинофильмов по мотивам О'Генри — «Великий утешитель», поставленный более тридцати лет назад.

О его рассказах у нас исписано много страниц, но, пожалуй, лучше всех выступила еще в 1916 году М. С. Шагинян: «Главная их прелесть — это вера в нравственную мощь своего народа. Герои О'Генри — забулдыги, пьяницы, воришки, мошенники и даже убийцы, но, кроме всего этого,— они люди. Помраченная, но не исчезнувшая человечность светится читателю в каждом из них, и, что особенно дорого, симпатия к этим людям вызывается в вас не авторским состраданием, а любовью и уважением автора к своему народу».

За это мы ценим и любим творчество О'Генри до сего дня.

МАРКИ РАССКАЗЫВАЮТ

Памятному событию, 150-летию Отечественной войны 1812 года, посвящена новая серия почтовых марок. Открывается она портретами полководцев — М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и М. Б. Барклая-де-Толли. На трех других марках мы видим русского поэта Дениса Давыдова с партизанами, один из моментов Бородинского сражения и партизанку Василису Кожину. Автор их — художник В. С. Вибиков.

М. МИЛЬКИН

девять долларов. Вечером пришел полицейский и стал бранить меня за то, что я держу кабачок без патента. Видимо, дыхание Билла было так насыщено виски, что каждый, кто у него брился, выходил навеселе и посылал к нему своих друзей. Мне обошлось в триста долларов замять это дело, и вскоре после этого я отправил Билла во Флориду.

Как-то меня послали на Пиней-стрит побрить мертвеца,— сказал парикмахер, схватив свою жертву за ухо.— Парикмахеры не любят эту работу, хотя получают за нее от пяти до десяти долларов. Надо было пойти в дом № 1908 на Пиней-стрит. Я направился примерно в одиннадцать вечера. Отыскал улицу и начал считать от угла, пока не нашел дом 1908. Я принес с собой бритвы, мыло и кисточку в маленьком чемоданчике, которым пользуюсь в таких случаях. Я вошел в дом и постучал в дверь. Мне открыл какой-то старик, сразу обративший внимание на мой чемоданчик.

— А, вот и вы! — сказал он.— Хорошо, поднимитесь по лестнице. Он в комнате направо. С ним никого нет. Он не имеет ни друзей, ни родственников в этом городе. Он живет здесь только с неделю.

— Сколько прошло с тех пор, как он... как это случилось? — спросил я.

— Думаю, около часа,— сказал старик.

Меня это обрадовало: трупы всегда легче брить, пока они не застыли. Я вошел в комнату и включил свет. Человек лежал на кровати. Он был еще теплым, и у него на лице выросла почти недельная щетина. Я принялся за работу и за полчаса так чисто побрил его, что он остался бы доволен, будь жив. Потом я сошел вниз и увидел старика.

— Каковы успехи? — спросил он.

— Все хорошо,— ответил я.— Теперь он в порядке. Кто будет платить?

— Он дал мне вчера тридцать долларов и просил послать его родным в Алабаму,— сказал старик.— Думаю, надо заплатить вам гонорар из этих денег.

— Мне нужно пять,— сказал я.

Старик дал мне пять долларов, и я пошел домой очень довольный.

...Тут парикмахер схватился за кресло, швырнул спинку кверху, сорвал простыню, вцепился в голову почтовика и вырвал клок волос. Он принялся яростно толкать и трясти его голову и саркастически прошипел:

— Освежить?

Почтовик тупо кивнул головой, закрыл глаза и сделал тщетную попытку вспомнить какую-нибудь молитву.

— На следующий день,— продолжал парикмахер,— я услышал кое-какие новости. Оказывается, один человек умер в доме 1908 на Пиней-стрит, а незадолго до этого другой человек в соседнем доме принял яд. Жильцы одного дома послали за врачом, а другого — за парикмахером. Вся соль в том, что мы с врачом оба ошиблись и попали не по адресу. Когда врач пришел к умершему, он застал там домашнего врача, собиравшегося уходить. Врач не стал тратить время на вопросы, а достал желудочный зонд и принялся выкачивать яд из мертвеца. Самое смешное во всем этом то, что, когда врач выкачивал все лекарства другого врача из умершего человека, тот открыл глаза, поднялся в постели и попросил дать ему бифштекс с картофелем.

Это взбесило домашнего врача. Он подрался с другим врачом, и они скатились с лестницы, разломав на куски вешалку для шляп.

— А что случилось с вашим человеком, принявшим яд? — робко спросил почтовик.

— С ним? — спросил парикмахер.— Он умер, конечно, но умер так хорошо выбритым, как никто.

Почистить! — крикнул парикмахер.

Страшного вида негр устремился к почтовику, яростно ударил его обломком веника и с такой силой дернул пиджак, что тот затрещал по швам.

— Заходите в другой раз! — угрожающе зарычал парикмахер, когда почтовик бросился к двери и скрылся.

Перевод Г. Бабенышева.

Почему мы так говорим

ВАНДАЛИЗМ

Ф. М. Достоевский гордился тем, что ввел в русский язык слово «стушеваться»: «в продолжении всей моей литературной деятельности всего более нравилось мне то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь, и когда я встречал это слово в печати, то всегда ощущал самое приятное впечатление». Не раз и писатель П. Д. Боборыкин подчеркивал, что он ввел слово «интеллигент» (Николай II ненавидел даже самое слово и грозился: «прикажу Академии вычеркнуть»). Писатель XVIII века В. Лукин рассказал о том, как он ввел в язык слово «щепетильный».

«Вандализм» впервые прозвучало во Франции с трибуны Конвента 31 августа 1794 года в выступлении Грегуара. Вандалы — народ германского племени, разоривший в V веке Рим. Они бессмысленно уничтожили город и бесценные памятники культуры. Грегуар писал в мемуарах: «Я создал это слово, чтобы убить им дело, которое оно означает». А прозвучавшее с революционной трибуны обвинение было услышано, и слово «вандализм» быстро вошло во многие языки. В истории французского языка Грегуар известен как докладчик по декрету о введении родного языка вместо латыни для официальных документов.

И. УРАЗОВ

К сведению читателей

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» В 1963 ГОДУ

I

24 КНИГИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЯ

1. А. С. Новикова-Прибоя в 5 томах:

Том первый — Рассказы.

Том второй — Повести и романы: «Море зовет», «Подводники», «Женщина в море», «Ералашный рейс», «Соленая купель».

Том третий — Цусима. Книга первая. «Поход».

Том четвертый — Цусима. Книга вторая. «Бой».

Том пятый — Капитан I ранга. Роман. Два друга (фрагменты романа). Статьи.

2. Стефана Цвейга в 7 томах:

Том первый — Новеллы.

Том второй — Нетерпение сердца. Легенды.

Том третий — Завоевание Византии. Побег в бессмертие. Гений одной ночи. Невозвратимое мгновение. Открытие Эльдорадо. Первое слово из-за океана. Борьба за Южный полюс. Магеллан. Америго.

Том четвертый — Мария Стюарт. Жозеф Фуше.

Том пятый — Месмер. Гельдерлин. Клейст. Диккенс. Стендаль. Марселина Деборд-Вальмор.

Том шестой — Ромен Роллан (биография). Ромен Роллан (предисловие к русскому изданию собрания сочинений Роллана). Воспоминания об Эмиле Верхарне. Эссе, статьи из цикла «Встречи с людьми, городами, книгами».

Том седьмой — Бальзак.

3. П. И. Мельникова (А. Печерского) в 6 томах:

Том первый — Повести и рассказы.

Том второй — В лесах. Части 1 и 2.

Том третий — В лесах. Части 3 и 4.

Том четвертый — На горах. Части 1 и 2.

Том пятый — На горах. Части 3 и 4.

Том шестой — Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. Избранные очерки и статьи.

4. Проспера Мериме в 6 томах:

Том первый — Подражания и переделки южнославянских народных песен «Гузла». Роман «Хроника времен Карла IX». Сборник новелл «Мозаика».

Том второй — Новеллы.

Том третий — Театр Клары Гасуль. Жакерия.

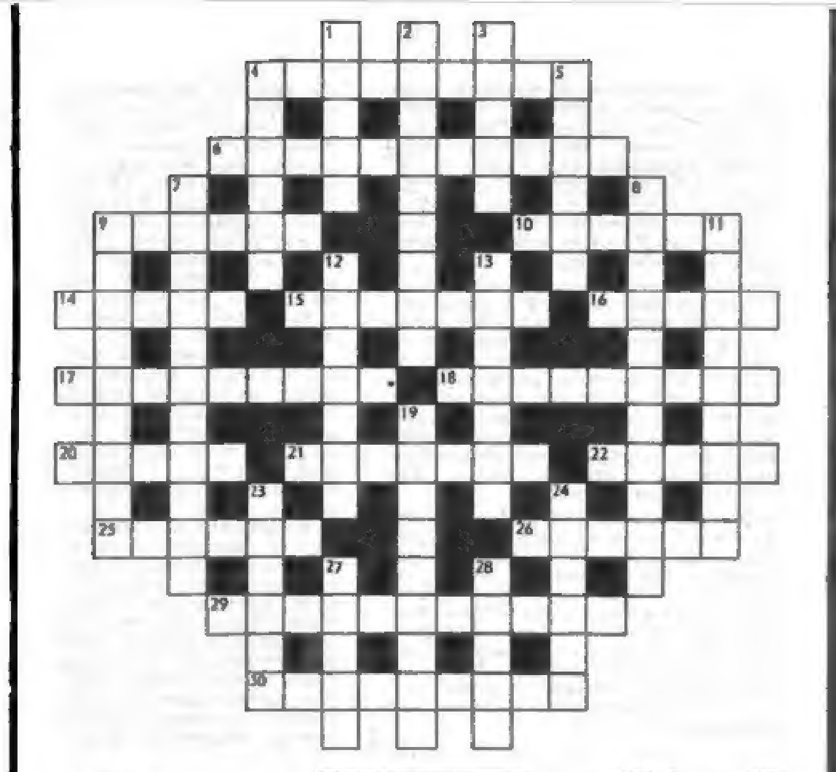
Том четвертый — Литературно-критические статьи.

Том пятый — Заметки о путешествии по Западу Франции. Заметки о путешествии на Корсику.

Том шестой — Избранные письма.

II

52 КНИЖКИ БИБЛИОТЕЧКИ «ОГОНЕК».

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Птица, обитающая в тундре и лесотундре. 6. Специалист, дающий советы. 9. Репетиция хора. 10. Фламандский живописец. 14. Объединение производственных предприятий. 15. Вид спорта. 16. Мера жидкостей. 17. Певчая птица. 18. Млекопитающее семейства дельфиновых. 20. Наклонная поверхность горы. 21. Советский пианист. 22. Загадка. 25. Металл. 26. Столица Колумбии. 29. Первая в мире женщина-профессор. 30. Сырье для бумажной промышленности.

По вертикали:

1. Мазь для обуви. 2. Писатель. 3. Приспособление для арифметических вычислений. 4. Разработанный план сооружения, постройки. 5. Масличное растение. 7. Раздел геофизики. 8. Строительный материал. 9. Автор романа «Дон-Кихот». 11. Устройство, строение. 12. Советский драматург. 13. Кондитерское изделие. 19. Вышка, надстройка над зданием. 23. Марка радиолы. 24. Река в Чехословакии. 27. Вид театрального искусства. 28. Предварительный набросок рисунка, картины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

4. Кутузов. 7. «Бородино». 9. Комбинат. 12. Рафинад. 14. Пантера. 16. Абордаж. 19. Остов. 23. Строй. 24. Итака. 25. Четвертаков. 26. Актер. 28. Фреза. 29. Лапта. 31. Домкрат. 33. Станция. 34. Морошка. 35. Березина. 37. Тарутино. 38. Бульвар.

По вертикали:

1. Скутерист. 2. Рубо. 3. Полк. 5. Толстой. 6. Жилярди. 8. Нора. 10. Орда. 11. Багратион. 13. Кавалерия. 15. Розетка. 17. Батолит. 18. Устав. 20. Смета. 21. Октет. 22. Палаш. 27. Рикошет. 28. Финифть. 30. Прокофьев. 32. Тмин. 33. Сага. 36. Ашуг. 37. Трап.

На первой странице обложки: Сибирские дали. **Фото М. Савина.**

ГЛАЗА ЛЕСА (См. 4-ю обложку)

Человек идет по лесу и обычно не замечает, что десятки глаз, больших и маленьких, испуганных и настороженных, иногда любопытных, но всегда внимательных, следят за каждым его шагом. Жители леса любят видеть все, а сами — оставаться незамеченными. Их «шапка-невидимка» — защитная окраска и неподвижность.

Зашуршала трава. Рыжий колонок, с любопытством разглядывавший человека, исчез. Нет, не надо было шевелиться!

Если вам приходилось бывать в лесах более диких, чем подмосковные парки, не исключайте вероятности, что вас провожал пристальный взгляд затаившегося волка или рыси. Возможно, что вы были всего в нескольких шагах... Но это не страшно. Обычно даже самые сильные звери первыми не нападают на человека.

Вечереет. Бесшумно, как тень, прилетела сова и опустилась в прибрежных кустах. Большие ярко-желтые глаза недоуменно смотрят на вас. Это птенец-слеток. Вероятно, он еще не знает человека. Старая птица была бы осторожнее.

Н. НЕМНОНОВ

Казимир **ЛИСОВСКИЙ**

Фото автора

Это край смелых охотников и следопытов. Это край соболей и белок; на миллионы рублей дает он родине драгоценной, редкой по качеству пушнины.

Далекий, неразбуженный край... Он весь в будущем. Он весь в Завтра. Но уже давно штурмуют его хребты, его недра отряды геологов. В ближайшее двадцатиле-

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-46; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00535. Подписано к печати 5/IX 1962 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1612. Заказ 3115.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В КРАЮ СОБОЛИНОМ...

тие здесь построят Нижне-Тунгусскую ГЭС. Огни ее озарят глухоманные дали, пробудят к жизни драгоценные земные клады.

Словом, это Эвенкийский национальный округ.

Каждый год, в мае, едва только пройдет по Енисею ангарский лед, отправляются на Нижнюю и Подкаменную Тунгуски караваны судов. Путь долгий и нелегкий. Сибирские реки своенравны. Не всякий речник «перехитрит» пороги Подкаменной Тунгуски. И особенно — Большой порог, самый страшный, самый яростный и непокорный.

Караваны судов везут жителям таежных мест буквально все — от иглы до пианино, от муки до конфет. Вместе с другими судами отправился в свой первый путь на Подкаменную Тунгуску и новый рефрижератор «505». В штурманской рубке над лоцманской картой реки склонились двое: капитан судна Юрий Сергеевич Семенов и лоцман Яков Иванович Зубакин.

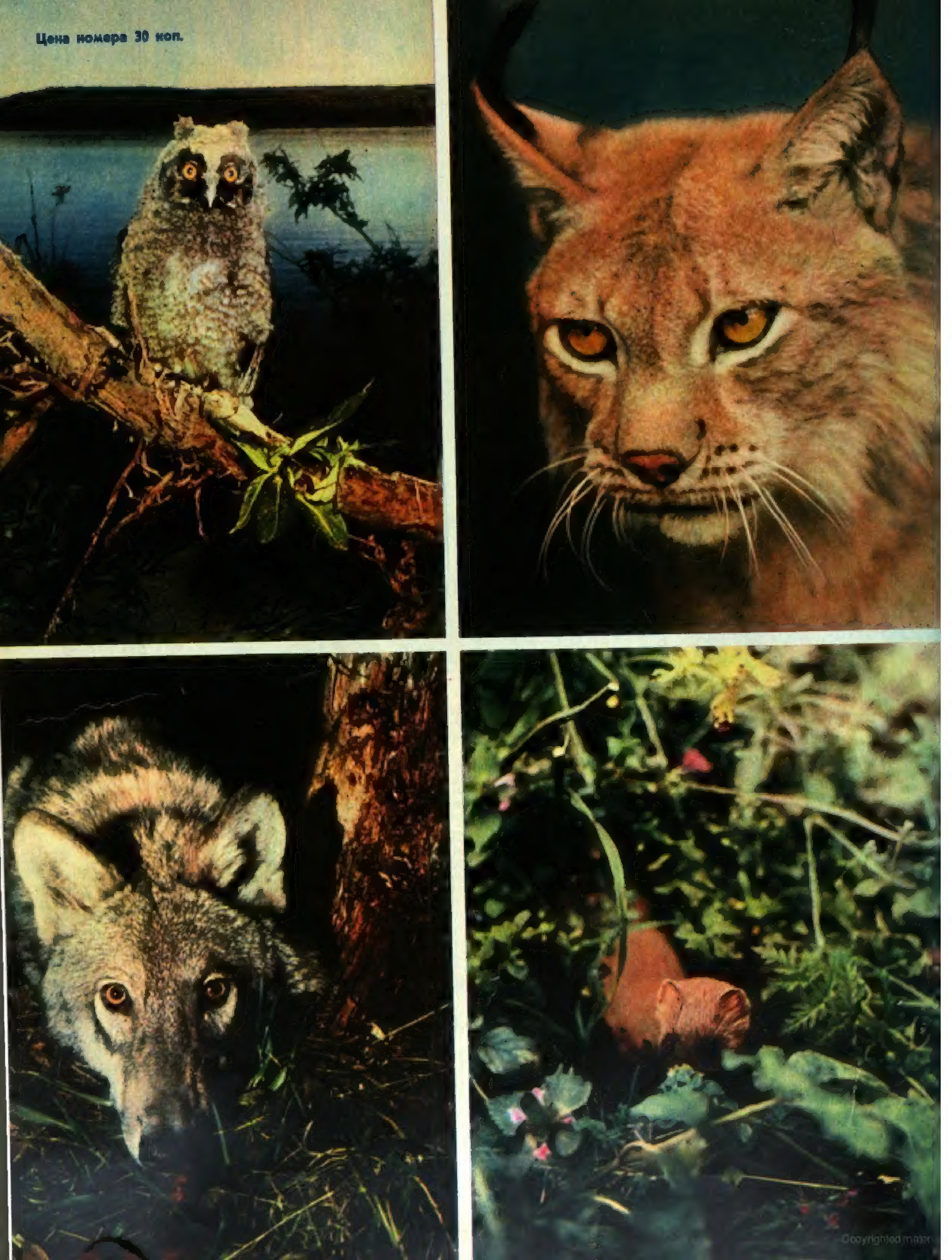
...Немноголюдна тайга, и капитаны знают чуть ли не всех жителей этих мест. Встречать суда выходят обычно все — от мала до велика. Галя Топаченок — представительница самого молодого поколения.

А Мария Васильевна Чапогир — старейшая жительница фактории Кислокан. Ей уже за сто лет. Может, 105, а может, и 115. Впрочем, она и сама точно не знает. Но до сих пор Мария Васильевна ни минуты не может сидеть без дела. Вот и сейчас она шьет камуланы (коврики из оленьих шкур), бокари, унты. Глаза ее еще зорко видят, руки проворны.

...Караваны судов продолжают свой трудный путь.

Цена номера 30 коп.